
© Маруся Климова, текст, 2009

Первое издание: «Гуманитарная Академия»: СПб, 2009

«Моя теория литературы» как по форме, так и по содержанию продолжает вышедшую несколько лет назад «Мою историю русской литературы», которая вызвала настоящую бурю в читательской среде. В своей новой книге Маруся Климова окончательно разрушает границы, отделяющие литературоведение от художественного творчества, и бросает вызов общепринятым представлениям об искусстве и жизни.

Книга адресована всем, кто умеет читать.

Маруся Климова

МОЯ ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ:

- Глава первая. Девяностые годы: история слов**
- Глава вторая. Стилъ и воля**
- Глава третья. Растоптанные цветы зла**
- Глава четвертая. Бессмертие литературы**
- Глава пятая. Люди, львы, орлы и куропатки**
- Глава шестая. Мужской роман**
- Глава седьмая. Запретить любовь!**
- Глава восьмая. Как важно быть серьезным**
- Глава девятая. Улыбка смерти**
- Глава десятая. Мертвый сезон**
- Глава одиннадцатая. Оправдание письма**
- Глава двенадцатая. Однажды в России**
- Глава тринадцатая. Сущность постмодернизма**
- Глава четырнадцатая. Страх и трепет**
- Глава пятнадцатая. Традиция и современность**
- Глава шестнадцатая. За что мне нравится Жан Жене**
- Глава семнадцатая. Подруга Селина**
- Глава восемнадцатая. Политика литературы**
- Глава девятнадцатая. Прощай, грусть!**
- Глава двадцатая. Гений пустоты**
- Глава двадцать первая. К иерархии жанров: там внизу**
- Глава двадцать вторая. Культурные герои постмодерна**
- Глава двадцать третья. Чистота непроницаемых сфер**

Глава двадцать четвертая. Жизнь после смерти

Глава двадцать пятая. Хэппи-энда не будет. Искупление, блин!

Глава двадцать шестая. Инстинкт идеологии

Глава двадцать седьмая. Пытка скукой

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ТАК КОГДА-ТО ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА

Глава первая

Девяностые годы: история слов

В начале было слово, и это слово было... «бесы»! Насколько я помню, именно этим словом на заре девяностых лишившиеся власти коммунисты пытались всячески уязвить либералов-реформаторов, а те, в свою очередь, обзывали им коммунистов. Коммунисты усматривали в действиях либералов, разваливших СССР, некое сходство с революционерами, разрушившими Российскую империю, а либералы, соответственно, видели в коммунистах прямых наследников этих революционеров. Впрочем, если уж быть предельно точным, то слово «бесы» вошло в широкий обиход чуть раньше, еще в конце восьмидесятых, правда, тогда оно перескакивало от либерально настроенных членов КПСС, прозванных позднее «прорабами Перестройки», к ее консервативному крылу, и уже только потом пошло дальше по кругу. Но в любом случае, девяностые в России начались именно с этого слова! Короче говоря, слово «бесы» перебрасывалось из одного политического лагеря в противоположный, будто резиновый мячик в игре под названием «Горячий мяч», участники которой - как правило, маленькие мальчики и девочки в коротких юбочках и штанишках - не могут подолгу задерживать его в руках, чтобы «не обжечься».

Вряд ли есть необходимость уточнять, что это обидное слово попало в политический жаргон вовсе не из церковного словаря, а из романа Достоевского. Достоевский же, в свою очередь, тоже почерпнул его вовсе не из Библии, а из известного стихотворения Пушкина, о чем красноречиво свидетельствует эпиграф его романа: «Хоть убей, следа не видно, // Сбились мы, что делать нам? // В поле бес нас водит видно // Да кружит по сторонам». Не знаю почему, но с некоторых пор всякий раз, стоит мне перечитать эти строки, в моем сознании невольно всплывает история, которую я некогда услышала от своей знакомой, работавшей экскурсоводом в Эрмитаже много-много лет назад, в ту пору, когда его еще возглавлял отец нынешнего директора. Один очень старый сотрудник музея - рамщик, то есть замечательный специалист по рамам, которые он всегда тщательно шлифовал и только затем покрывал специальным раствором, в общем, мастер на все руки, всеми уважаемый и любимый пожилой человек с благородной сединой на висках (кажется, его звали Петр Станиславович, если не ошибаюсь), - однажды без стука ввалился в кабинет к директору и обратился к нему с неожиданной просьбой: «Борис Борисович, помогите, за мной черти гонятся!» После этих слов он выскочил из кабинета сломя голову, помчался по длинным коридорам и, выбежав на улицу из директорского подъезда, встал на четвереньки у Зимней канавки и начал жадно пить воду из лужи. За этим занятием его и застала подоспевшая «скорая». Ну а несколько месяцев спустя Петр Станиславович повесился.

Финал этой истории чем-то отдаленно напоминает развязку романа Достоевского «Бесы», хотя вся история в целом все-таки больше ассоциируется у меня с пушкинским

стихотворением. Последнее вообще кажется мне гораздо более жизненным, чем роман, сюжет которого, кстати, был почерпнут Достоевским вовсе не из жизни, а из газет – об этом тоже не стоит забывать. Впрочем, все это не столь важно, так как в данном случае меня гораздо больше интересует само слово «бесы», с которого, собственно, все и началось в девяностые годы. Не сомневаюсь, что подавляющее большинство тех, кто с таким остервенением обрушивал это слово на головы своих идейных противников, не читали произведения Достоевского, хотя бы потому, что оно никогда не входило в школьную программу. Тем не менее крайне оскорбительный оттенок, который приобрело слово «бесы» к началу девяностых, как я уже сказала, напрямую связан именно с названием романа.

Все предельно просто. Книга долгое время находилась под запретом, потом была издана, но с купюрами и не слишком большим тиражом, то есть все равно оставалась трудно доступной. И скорее всего, это полуперимитивное существование книги чисто механически было перенесено людьми и на ее название, которое тоже стало как бы слегка табуированным, как это бывает, например, в случае с так называемой обценной лексикой, на которую обществом тоже накладывается своеобразное табу. Правда, слово «бесы», конечно же, нельзя полностью поставить в один ряд с матом. Если уж говорить об аналогиях, то «бесы» следовало бы, вероятно, поместить в один ряд с таким словом, как «козел». Последнее, не являясь матом, тоже считается едва ли не самым страшным оскорблением в уголовной среде, ничуть не меньшим, чем в начале девяностых было слово «бесы» в среде политической. В пользу этого сближения говорит и то, что слова «коза» или «козленок», то есть с переменной пола или возраста означаемого, уже начисто лишаются своего оскорбительного значения, точно так же, как и слова «бесовка» или же «бесенок». Правда, уголовная среда мне абсолютно чужда и мало знакома, поэтому я не могу до конца понять, откуда взялся этот оскорбительный и угрожающий смысл слова «козел», тогда как со словом «бесы» мне все более-менее ясно.

Короче говоря, в начале девяностых политические противники довольно продолжительное время упорно обзывали друг друга одним и тем же словом. Однако, видимо после того, как каждый из них достаточно большое число раз побывал в шкуре «беса», это слово несколько утратило свою первоначальную остроту и свежесть. Нечто подобное, между прочим, произошло и с другими ранее табуированными русскими словами (я имею в виду мат), которые тоже слегка затерлись от частого употребления. А на судьбе слова «бесы» негативно сказался еще и тот факт, что с одноименного романа были окончательно сняты все табу и ограничения, и он стал издаваться и переиздаваться наряду с «Дон Кихотом», Толстым и другой мировой классикой. В общем, постепенно слово «бесы» утратило свою былую актуальность и к настоящему моменту практически сошло на нет, а точнее, обрело абсолютно нейтральное значение и воспринимается сегодня уже почти как «шкаф», «стол», «стул», «зонтик» и другие наименования предметов обихода. Тогда как за «козла» в определенной среде, к которой я, как уже сказано выше, к счастью, не имею абсолютно никакого отношения, судя по всему, по-прежнему кое-кому приходится «отвечать».

Не могу сейчас сказать точно, кто почувствовал исчерпанность этого понятия раньше других, но как-то незаметно на смену «бесам» пришло слово «большевики». Хотя, кажется, все-таки первыми так начали называть своих оппонентов-либералов коммунисты, имея в виду революционные перемены в стране и крушение СССР. Ну а те, видимо, понимая, что нет никакого смысла обзывать коммунистов «большевиками», так как последнее слово вроде бы и без того всегда было синонимом первого, вернули его назад в слегка измененном виде, прибавив к нему приставку «национал». Получилось «национал-большевики» - с намеком на печально известных «национал-социалистов». Чуть более редким вариантом этого сложного образования стало определение «красно-коричневые» с абсолютно идентичной этимологией.

Таким образом, от некогда объединявшего всех понятия «бесы» постепенно отпочковалось два новых: «большевики» (которое закрепилось за либералами-реформаторами) и «национал-большевики» (относящееся теперь, главным образом, к членам Компартии Российской Федерации). Однако эти сбалансированные паритетные отношения между идейными противниками длились совсем недолго, а точнее, ровно до того момента, когда писатель Лимонов и его сподвижники сами с гордостью стали называть себя «национал-большевиками». Популярность вновь возникшего объединения среди молодежи сделала дальнейшее употребление этого словосочетания в уничижительном значении совершенно бессмысленным, потому что отныне оно вызывало вполне определенные ассоциации, не имеющие уже никакого отношения к тем, для кого первоначально предназначалось.

В результате коммунистов все окружающие, включая их самых ярых противников, постепенно снова начали называть просто «коммунистами», национал-большевики стали называться «национал-большевиками», и только за радикально настроенной группой либералов так и закрепилось обидное для них погонялово «большевики».

Таким образом, лишившиеся власти и многих сопутствующих ей привилегий и благ коммунисты, судя по всему, сегодня должны испытывать глубокое моральное удовлетворение, так как последнее слово во всей этой перепалке все-таки осталось за ними.

Ну а самым ключевым понятием девяностых с положительным значением бесспорно стал «профессионализм». Невозможно передать, сколько раз и при каких обстоятельствах мне приходилось наталкиваться на это слово за прошедшее десятилетие! Граждане России спят и видят, чтобы ими управляли по-настоящему профессиональные правительство и парламент; об экономике и говорить нечего; армия, само собой, тоже должна стать профессиональной; литературные критики в один голос твердят о нехватке в нашей литературе подлинных профессионалов, которые наконец-то смогли бы порадовать отечественных читателей ладно скроенными повестями, романами и детективами с занимательными сюжетами; кинокритики, естественно, озабочены тем же... В правоохранительных органах, в спорте, науке, образовании, среди астрологов, магов и колдунов - повсюду ощущается одна и та же проблема: острая нехватка профессионалов! Никогда не забуду пафосного восклицания, которое лет шесть тому назад мне довелось услышать из уст участника очередного телевизионного ток-шоу, на сей раз посвященного вопросам религии: «Монашество – это институт профессионалов, которые профессионально молятся!» Пожалуй, только в одном-единственном случае, когда речь заходит о «профессиональной преступности» это магическое слово приобретает несколько негативный оттенок, да и то исключительно до тех пор, пока на экранах телевизоров не появляется какой-нибудь киллер. А как только он там появляется, с этого самого мгновения миллионы телезрителей, откинув все негативное, что когда-либо вызывало в их сознании слово «преступность», затаив дыхание, вместе с наемным убийцей начинают отслеживать в оптическом прицеле его винтовки потенциальную жертву. И только после того как раздастся точный выстрел, многомиллионная аудитория испускает удовлетворенный вздох облегчения и наслаждения. Я, конечно, не могу с уверенностью говорить сразу о миллионах. Скорее, в данном случае я просто сужу по самой себе и своим близким и, если так можно выразиться, предполагаю. Так вот, думаю, у меня есть все основания предполагать, что миллионы людей сегодня восхищаются прежде всего профессионализмом киллера - тем самым «настоящим профессионализмом», которого сегодня так не хватает отечественным политикам, милиционерам, врачам, учителям, военным и госслужащим и по которому так истосковались миллионы наших сограждан. Иными словами, профессионализм – это несбывшаяся мечта русского человека девяностых!

Занимаясь переводами Селина, мне довелось на протяжении нескольких лет наблюдать за повторным вхождением этого автора в отечественную литературу, которое

состоялось после довольно длительного перерыва, поскольку в Советском Союзе, как известно, книги Селина долгое время не переиздавались и не переводились. И постепенно я пришла к выводу, что Селин в наши дни в России не имеет никаких шансов быть воспринятым читателями иначе, как профессионал, который только и делал, что целыми днями просиживал за письменным столом, по несколько раз переписывая каждую страницу и прилежно выводя свои внешне кажущиеся столь беспорядочными восклицательные знаки и знаменитые многоточия, дабы сымитировать экспрессивность устной речи и сохранить разговорные интонации в письме. Как ни грустно это осознавать, но, в конце концов, мне пришлось смириться с мыслью, что даже кропотливый труд переводчицы книг Селина, видимо, не идет ни в какое сравнение с трудолюбием и старательностью самого автора! И опять-таки исключительно за профессионализм и старательность отечественные читатели сегодня готовы простить Селину и его сотрудничество с фашистами, и антисемитизм, не говоря уже о множестве более мелких прегрешений.

И, наконец, еще одно слово, которое более или менее отчетливо прозвучало уже на закате девяностых и, можно сказать, подвело черту под целым десятилетием. Вхождение этого слова в широкий обиход тоже напоминает мне вполне реальную историю, которую я некогда услышала от моего приятеля, проведшего несколько лет своей жизни в дурдоме на Пряжке. Однажды к ним в палату поступил глухонемой, который был не в состоянии произнести ни одного слова, а только все время издавал какое-то невнятное мычание, в общем, что-то вроде «му-му». А так как этот бедняга был обнаружен на вокзале, да еще и без каких-либо документов, удостоверяющих его личность или хотя бы имя, то все вокруг – медперсонал и другие пациенты - вскоре стали его так и называть: «Му-му».

Вот так и в девяностые годы в отечественной культуре появились целые группы писателей, поэтов, художников и теоретиков искусства, вышедших, главным образом, из так называемого андеграунда, которые в своих публичных дискуссиях начали изъясняться на непонятном для обычных людей языке, то и дело вставляя в свои выступления и публикации слова и выражения вроде: «реконструкция деконструкции», «деструктивизм», «дискурс», «симулякры» и т. п. Естественно, окружающие далеко не всегда понимали смысл их туманных речей и текстов, а скорее всего, и вовсе ничего не понимали. Тем не менее они постепенно вычленили одно слово - такое, что повторялось больше всего. В результате, как и в случае с глухонемым на Пряжке, всех писателей, поэтов, художников и теоретиков искусства, изъясняющихся на этом загадочном языке, стали называть «постмодернистами». Просто потому, что слово «постмодернизм» произносилось и писалось теми чаще остальных. Безо всякого преувеличения можно сказать, что вхождение термина «постмодернизм» в русский язык произошло именно так, и никак иначе! Если бы наиболее часто употреблялось любое другое из перечисленных мной выше слов, то отечественные постмодернисты вполне могли бы сегодня называться и «дискурсистами», и «деструктивистами» или даже «реконструктивистами деконструктивизма».

И все бы ничего, однако представители традиционного крыла отечественной культуры, а именно: выдавшие виды члены Союза писателей, литературоведы и критики из «толстых» журналов плюс их более молодые ученики и последователи, выходцы из всевозможных литобъединений и Литинститута, - вдруг обнаружили очевидную параллель между тем, что в свое время сотворили с Советским Союзом радикальные либералы, а также их прямые предшественники – большевики - с Российской империей, и тем, что учинили с русской культурой, духовностью и, само собой, с Союзом писателей, все эти новоявленные «постмодернисты». Короче говоря, если особенно не вдаваться в детали, то можно сказать, что постепенно слово «постмодернизм» фактически стало синонимом уже полностью затертого и утратившего к тому времени свою первоначальную свежесть слова «бесы». Правда, в определенной среде, а точнее, среди творцов отечественной культуры.

Естественно, те, кого вдруг недружелюбно настроенные коллеги стали обзывать словом, неожиданно обретшим столь неприятный смысл, не могли долго с этим мириться и очень скоро вернули его назад - тем, кто этому слову и приписал оскорбительное значение: мол, сами вы постмодернисты, почитайте хотя бы, что по этому поводу писал Деррида! Ну а последние, в свою очередь, опять переадресовали его тем, кого считали виновными в разрушении их привычного уклада жизни и творчества, а таковых, как постепенно выяснилось, оказалось гораздо больше, чем первоначально предполагалось. В результате за последние годы в шкуре постмодернистов успели побывать фактически все российские писатели, поэты, художники, певцы, музыканты и теоретики искусства, включая таких, кто никогда не слышал этого слова, не то чтобы как-то специально вникать в его смысл. Недавно я даже натолкнулась на утверждение, что единственными настоящими постмодернистами в России «всегда были только Барри Алибасов и его группа “На-На”».

Короче говоря, слово «постмодернисты» на новом витке российской истории не просто стало синонимом «бесов», но фактически повторило его судьбу: многократно пройдя по кругу от одного эстетического направления к противоположному и обратно, оно довольно быстро примелькалось и к настоящему моменту тоже утратило свою первоначальную свежесть и выразительность. Парадокс заключается в том, что еще один синоним «постмодернистов» и «бесов» - слово «козел», - насколько я знаю, и сейчас не потеряло своей актуальности, разумеется, в определенной среде.

Кстати, если бы Барри Алибасов догадывался, какой смысл скрывается за этим вроде бы ничего не говорящим ему определением, то, полагаю, он мог бы не на шутку обидеться. Хотя мне неоднократно и приходилось наблюдать, как во время часа «пик» в переполненном троллейбусе или же автобусе здоровенные мужики запросто отодвигали в сторону интеллигентного вида пассажиров в очках и при этом еще называли их «козлами», на что те, кажется, совсем никак не реагировали, а если слегка и обижались, то уж никак не смертельно, не проявляя ни малейшего желания ударить или, тем более, убить обидчика. А все потому, что большинству из них, судя по их внешнему виду и очкам, крайне уничижительное значение слова «козел» абсолютно неведомо. Вот так и Барри Алибасову слово «постмодернист», скорее всего, говорит еще меньше, чем среднестатистическому отечественному интеллигенту – слово «козел».

Как бы то ни было, но вместе со словом «постмодернизм» закончились и девяностые годы в России. Грустно это сознавать, но ничего более существенного, кроме появления и исчезновения перечисленных мной выше слов, за эти годы так и не произошло, по крайней мере, в той сфере человеческой деятельности, которую еще обычно принято называть «духовной». И всего-то три жалких слова: «постмодернизм», «профессионализм» и «бесы».

Нечто подобное, безусловно, происходит и сейчас. Только уже новые слова режут или же, наоборот, ласкают чей-то слух. И даже сразу невозможно понять, откуда они появляются. Пожалуй, я бы сказала: откуда-то из темноты. Подобный образ мне кажется наиболее удачным. Причем из такой темноты, к которой люди вряд ли имеют какое-либо отношение. О, это только обман и иллюзия, что именно они произносят какие-то слова – на самом деле все далеко не так!

Когда я об этом думаю, то невольно ловлю себя на мысли, что чем-то все это смахивает на игру в шахматы с компьютером, наподобие той, в какой не так давно участвовал бывший чемпион мира. Так я и не узнала, кстати, проиграл он этот свой матч или же все-таки выиграл. Но больше всего мне запомнилась его фраза, которую он обронил после партии, когда вдруг прозевал фигуру в стопроцентно выигрышной позиции: «Главная особенность игры в шахматы с компьютером заключается в том, что в безнадежной партии человек чувствует себя подавленным, начинает нервничать и, как правило, сдается, а компьютер играет до конца, несмотря ни на что!» Вот-вот, так оно все и происходит! Главная особенность того, о чем я тут говорю, как раз в этом и заключается!

Все уже давным-давно сыграно-переиграно, изучено, разобрано до ничтожнейших мелочей, что вроде бы начисто исключает какой-либо неожиданный поворот событий, но все равно, несмотря ни на что, эта словесная война еще будет продолжаться целую вечность.

Глава вторая

Стиль и воля

Теперь уже окончательно ясно: знаменитое высказывание Ленина «из всех искусств для нас важнейшими являются кино и цирк» оказалось верным ровно наполовину. Кино процветает и потеснило все остальные виды «искусств», а цирк, напротив, выглядит не просто архаично, но производит впечатление чудовищного атавизма, пережитка далекого-далекого прошлого. Непонятно, что заставило прогрессивно настроенного вождя пролетариата поставить рядом два этих шоу. Может быть, их демократичность? И, по замыслу Ленина, толпы простого народа должны были заполнять все места, от партера до галерки, под куполами бродячих цирков, раскинувших свои шатры на просторах нашей необъятной родины, а потом и всей освободившейся от гнета мировой буржуазии Земли? Возможно... Но, скорее всего, на сознание Ленина оказали воздействие именно впечатления детства, проведенного в маленьком городке на Волге. Потому что гастроли цирковой труппы в провинциальном городке – это всегда событие.

Помню, когда мне было лет восемь, в Шепетовку, где я проводила лето у бабушки, приехал цирк. О, это был настоящий праздник! Дедушка с огромным трудом достал единственный билет, кажется, за тройную цену, и в воскресенье бабушка надела на меня праздничное платье с оборочками, заплела в косички красивые прозрачные ленты, завязала их огромными бантами и повела меня в Дом культуры железнодорожников около вокзала, где обычно и происходили самые важные в городе мероприятия. Несмотря на наличие билета с местом, сесть мне вначале не удалось: на моем кресле расположилась жирная баба, а рядом с ней грозно восседал ее краснорожий муж пугающего вида, поэтому я не решилась ничего им сказать, а так и осталась стоять рядом. Но я была не одинока: весь зал был буквально забит, люди толпились вдоль стен, в проходах, даже сидели на полу у самой сцены. К счастью, личностям, занявшим мое место, выступление явно не понравилось, и они вскоре ушли, что-то недовольно ворча себе под нос. А я тут же радостно плюхнулась в кресло. Правда, моя радость длилась считанные минуты: сидя в кресле, я ровным счетом ничего не видела, так как впереди плотной стеной стояли какие-то широкоплечие переростки, жадно пялившиеся вниз, туда, где происходило представление. Тут, наконец, до меня дошло, почему мое место так скоро освободилось. Пришлось мне сесть на спинку кресла, а ноги поставить на сиденье: в таком положении, вытянув шею, я кое-как могла разглядеть арену. А там происходило нечто совершенно замечательное! Маленькие толстенькие лилипутики в борцовских костюмах, схватившись коротенькими ручками, напоминавшими тюленьи лапы, старались повалить друг друга на усыпанный опилками пол. Очаровательная лилипуточка в отделанном блестками купальнике, изгибаясь, как змея, пропускала голову меж собственных ножек, а потом крутила на талии, равномерно опуская то вниз до самых щиколоток, то поднимая до самых ушей, сразу десять ослепительно сверкающих обручей, или хула-хупов, как их тогда называли. А в конце произошло самое главное: хорошенькая лилипуточка вынесла на сцену ксилофон и, быстро-быстро перебирая палочками с шариками на концах, сыграла: «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз...» А я была настолько поглощена представлением, что сама не заметила, как начала подпрыгивать в такт музыке, сотрясая весь ряд, качать головой и подпевать. При этом у меня, очевидно, было такое блаженное и идиотическое выражение лица, что какие-то мерзкие, стриженные под бокс тупые мальчишки с торчащими оттопыренными ушами стали тыкать в мою сторону пальцами и

хихикать. Заметив это, я так засмушалась, что тихонько сползла вниз на сиденье, где, уже лишенная возможности наблюдать за лилипуточкой, просто дослушала зажигательную мелодию. Но это не испортило мне настроения: весь вечер я тихонько напевала про себя песню о медведях, которые трутся спиной о земную ось, и представляла себя очаровательной лилипуточкой за ксилофоном.

Конечно же, детские воспоминания самые яркие! И хотя Ленин был марксистом, в данном случае он, видимо, сам того не желая, наглядно продемонстрировал справедливость учения Фрейда о влиянии на человеческую психику впечатлений детства. А чем еще объяснить факт в высшей степени парадоксального придания сверхзначимости столь архаичному и вульгарному виду искусства, как цирк? Такому затхлому и бесперспективному, что самые верные последователи Ленина, и те постарались стыдливо спрятать вторую часть его умозаключения о «важнейшем из искусств», оставив для всеобщего употребления только кино. На всех советских плакатах и даже в поздних собраниях сочинений Ленина упоминается исключительно кино, а про цирк ничего не говорится. Вся фраза в полном виде получила широкое хождение уже после исчезновения советского государства. Можно, конечно, предположить, что это кто-нибудь из наших современников приписал Ленину нечто такое, чего тот никогда не произносил. Недавно я даже натолкнулась на утверждение, будто Ленин говорил об актуальности кино и цирка исключительно для безграмотного народа. Но зачем обсасывать все эти тонкости? Кому сейчас интересны ничего не значащие слова о каком-то замшелом цирке? Поэтому я нисколько не сомневаюсь, что ко второй части суждения своего вождя коммунисты долгое время относились как к тайной директиве, хотя и непонятной широким массам, но требующей скрупулезного и последовательного воплощения в жизнь. А теперь вся цитата в первоизданном виде стала доступна рядовым гражданам вместе с другими ранее неизвестными фактами отечественной истории. Иначе просто невозможно понять, почему цирку в Советском Союзе придавалось особое, чуть ли не сакральное, значение. И окончательно на свалку он отправился только после крушения СССР. Во времена моего детства цирковым клоунам приписывались совершенно неслыханные способности. Олег Попов потеснил и отодвинул на задний план знаменитых спортсменов, актеров, балетных танцовщиков и музыкантов. А его клетчатая кепка и размалеванный красной краской нос стали чуть ли не символом всей советской культуры. Не случайно и самый культовый советский фильм тридцатых годов носил название «Цирк». И если хорошенько подумать, то по-другому и быть не могло. Ведь в этом фильме гармонически соединились сразу оба «важнейших для нас искусства»: кино и цирк!

Судьба ленинского высказывания, претерпевшего столь значительную деформацию, заставляет задуматься над тем, как детские впечатления одного гениального человека способны порой не только самым существенным образом повлиять на жизнь целого государства, но и на судьбы видов и жанров искусства, над которыми подавляющее большинство людей уж точно абсолютно не властны. Более того, этот пример позволяет нам приблизиться к пониманию природы гениальности, которая не имеет практически никакого отношения не только к нравственности, но и к прочим человеческим достоинствам и способностям, включая ум. С этой точки зрения пушкинская сентенция о несовместимости «гения и злодейства» - такое же пустое сотрясение воздуха, как и новозаветный императив: «Кто не работает – тот не ест!» В реальности чаще все происходит с точностью до наоборот: гениальность крайне редко бывает совместима с добром, а больше, и самое главное лучше, едят именно те, кто меньше всех работает. Об уме и говорить нечего! Тысячи интеллектуалов во всем мире уже сто с лишним лет стенают по поводу смерти литературы, театра и живописи, которые, по их мнению, не выдерживают конкуренции с кино, а Ленин взял и поставил в один ряд с этим всемогущим и всепобеждающим кино такой вид искусства, название которого не решились повторить за ним вслух его самые фанатичные последователи. И ничего! Цирк просуществовал еще

восемьдесят лет, и не просто просуществовал, а стал настоящей тайной страстью и предметом обожания миллионов.

Из многочисленных анекдотов и воспоминаний моих знакомых мужчин, в юности побывавших на военной службе, а в дальнейшем приобщившихся к какой-нибудь интеллигентской профессии, я знаю, что солдатам в армии часто приходится выполнять приказы, которые они сами считают в высшей степени глупыми и бессмысленными. Утром им приказывают перетащить из одного места в другое тяжеленный бетонный столб, а уже к вечеру выясняется, что этот столб нужно срочно вернуть обратно, на прежнее место. Причем инициаторами подобных распоряжений чаще всего становятся армейские старшины и прапорщики или же, как их обычно называют в армии, «куски», у которых, насколько я могла заметить, почему-то еще бывают очень причудливые фамилии: Загорулько, Загороднюк, Подопригора, Канарейка, Небаба, и т. п. Так вот, почти все мои знакомые - соприкоснувшиеся с армейским бытом интеллигенты, - рассказывая об этих личностях и их бессмысленных приказах, которые им приходилось исполнять, до сих пор не могут скрыть своей досады. Тем не менее я убеждена, что у истинного гения гораздо больше общего с армейскими прапорщиками, чем с интеллигентами, которые так до сих пор и не сумели осознать смысл их абсурдных поступков, слов и распоряжений. Потому что главной чертой гениальной личности, конечно же, является презрение к здравому смыслу и вообще ко всему общепринятому! Мало того, человечество на протяжении всей своей истории, в сущности, только и занимается тем, что «перетаскивает столбы и бревна» с места на место, повинуюсь указаниям так называемых гениев. А в итоге, как правило, уже после их смерти, почти всегда выясняется, что эти «столбы и бревна» нужно срочно вернуть на свое место.

Однако вряд ли стоит отождествлять гениальность с банальной политической властью, так как гении не просто властвуют над людьми, а, главным образом, формируют стиль эпохи. То есть, повинуюсь их воле, люди вовсе не обязательно работают на фабриках и заводах, отбывают воинскую повинность и выращивают хлеб, но еще – и прежде всего! - носят костюмы и шляпы той или иной формы, выбирают себе определенную мебель, предпочитают селиться в дома, кажущиеся им наиболее привлекательными... Не случайно ведь приход Наполеона к власти спровоцировал появление стиля ампир, а Сталин и Гитлер оказались причастны к зарождению так называемого «большого стиля». И именно к этим политическим деятелям чаще всего применялся и продолжает применяться эпитет «гениальный». Но никому не придет в голову назвать «гением» Наполеона Третьего или же Николая Второго, не говоря уже о Брежневе или Хрущеве. Более того, оказавший огромное влияние на формирование Art Nouveau Людвиг Баварский, чье правление было не слишком полезным, а, скорее, даже и вредным для подданных, ничуть не менее гениален, чем Наполеон Бонапарт и тем более его современник Бисмарк. Не говоря уже о том, что и вовсе лишенные каких-либо атрибутов власти, а при жизни полностью загнанные в угол Хармс и Кафка оказали влияние на стиль своей эпохи, по крайней мере не меньшее, чем наделенные абсолютной политической властью Сталин и Гитлер. Короче говоря, гениальность – это категория исключительно эстетическая!

Соответственно, и сомнение в гениальности того или иного писателя, политика или ученого тоже так или иначе связано с эстетикой. Меня, например, всегда смущали сомнительные эстетические вкусы Эйнштейна, как, впрочем, и многих других «гениев научно-технической мысли». По-моему, так подавляющему большинству из них слово «гений» совсем не подходит: уж больно оно не вяжется с их усредненными обывательскими вкусами. Здесь, скорее всего, кроются и причины несколько парадоксальной эстетической неактуальности научно-технического прогресса в современном мире. В свое время даже потребовалось срочное вмешательство футуристов в лице Маяковского и Маринетти, чтобы хоть как-то подправить ситуацию: одним ученым с этим было бы явно не справиться. Да и сама идея прогресса тоже, скорее всего, является чистой фикцией и поэтической выдумкой. Человеческая история вовсе не движется в

направлении, указанном учеными, а если кто такое направление и задал, то это были все те же футуристы. Из чего более или менее становится понятно, что история, как много тысяч лет назад, так и сегодня, продолжает свое движение вовсе не в сторону научно-технического совершенствования, а в направлении вечно ускользающей и трудно объяснимой эстетической актуальности.

На первый взгляд, и Ленин тоже подкинул в массы понятную всем идею, в чем-то созвучную идее прогресса, чтобы каждый ощутил себя активным участником происходящего, строителем коммунизма, «новым человеком» и т. п. Тем не менее именно тайная, а точнее стыдливо скрытая от широких слоев населения, привязанность Ленина к цирку стала своеобразной миной замедленного действия, подложенной подо все достижения социалистической системы. А в результате социализм рухнул вместе с этой провинциальной детской забавой. И еще неизвестно, как и в какой последовательности все произошло: что было причиной, а что – следствием. Сначала развалилась государственная система, а потом уже лишившийся ее поддержки цирк окончательно себя исчерпал? Или же, наоборот, «одно из важнейших искусств» полностью утратило свою актуальность, и социализм прекратил свое существование? Лично я нисколько не сомневаюсь в последнем! Все это, конечно же, ставит под сомнение здравый смысл и умственные способности Ленина как политика. Однако в том, что, казалось бы, уже совсем дышавший на ладан вид искусства вдруг обрел второе дыхание и просуществовал еще целых восемьдесят лет, безусловно, тоже кроется какая-то загадка и даже тайна. Такое, бесспорно, было под силу только гению!

Глава третья

Растоптанные цветы зла

В важности такого искусства, как кино, для современного человека все смогли еще раз убедиться совсем недавно, когда захваченные террористами пассажирские авиалайнеры расфигачили здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. После чего и обычные граждане, и так называемые интеллектуалы в один голос принялись твердить, что кадры хроники, на которых все это запечатлелось, просто один к одному напоминают им сцену из типичного голливудского фильма-катастрофы. Конечно, никто не отрицал наличия в современном мире всевозможных социальных, религиозных и этнических проблем, однако вывод из этой постоянно повторявшейся параллели как бы напрашивался сам собой: именно кино сыграло решающую роль в поворотном для новейшей мировой истории событии. Мне неоднократно приходилось слышать и читать, что сам предполагаемый организатор теракта Усама Бин Ладен тоже с юности тащился от зрелищных голливудских фильмов, которые и спровоцировали его на эту масштабную акцию, ну а без этих фильмов он, надо полагать, ни за что бы до такого не додумался. Короче говоря, Голливуд в этом темном деле предстал силой едва ли не более могущественной, чем Аллах.

Соответствуют ли эти догадки и слухи реальности - не так уж и важно. Сам факт их появления на свет наглядно свидетельствует об исключительной и, можно сказать, гипертрофированной значимости, которую сегодня большинство людей склонны приписывать кино. И возможно, не зря!

В последнее время у меня в мозгу даже образ абсолютного счастья окончательно оформился в чисто кинематографическую форму. Когда мне подолгу не удастся заснуть, я часто представляю себя на берегу океана под ярко-голубым небом на светлом мелком песочке, прямо как в рекламе какого-то пива или же шоколадных конфет «Баунти», где девушка с совершенно дегенеративным выражением лица и огромными силиконовыми губами, с которых капает слюна, зачарованно любитесь плавающими в прозрачной воде рыбками, а потом с жадностью сжирает конфету, облизывая пальцы. Только мне хотелось бы провести на берегу океана целый день, с раннего утра до позднего вечера, в блаженном

ничего неделаньи и созерцании рыбок и чаек, а вечером отправиться в город, где всюду сияют яркие огни витрин и вдоль тротуаров стоят прекрасные стройные девушки в изящных туфельках на высоких каблукках. Из приоткрытых дверей ресторанов и кафе доносится музыка, и туда заходят загорелые молодые люди с блестящими гладко зачесанными волосами... Вот так! Раньше люди в подобных случаях представляли себе великолепные райские сады, а у меня в голове постоянно прокручивается какой-то дурацкий клип.

Впрочем, я вовсе не думаю, что между сентябрьским терактом и голливудскими фильмами на самом деле существует какая-нибудь глубокая связь. Эта аналогия кажется мне чересчур грубой и поверхностной, основанной на чисто внешнем совпадении сюжетов. Чем-то это даже напоминает мне требования некоторых отечественных депутатов запретить демонстрацию западных триллеров на ТВ, потому что те, якобы, пропагандируют зло и насилие и тем самым пагубно влияют на неокрепшую детскую психику - обобщения и выявленные причинно-следственные связи примерно того же уровня. Ну кого сегодня способно по-настоящему испугать так называемое зло?! Лично я уже и не помню, когда в последний раз сталкивалась с его проявлением в искусстве. Поэтому, если у меня зло в искусстве теперь с чем и ассоциируется, то разве что с призрачным изысканным цветком, - вероятно, с легкой руки Бодлера. Однако эти взращиваемые когда-то Бодлером слабые «ростки» зла, судя по всему, так и не успели по-настоящему распусться в этом грубом мире и были безжалостно растоптаны.

Наоборот, подавляющее большинство моих знакомых чрезвычайно напрягаются, вздрагивают и пугливо втягивают голову в плечи, когда кто-нибудь (особенно незнакомый им человек) предлагает сделать для них нечто доброе или просто улыбается чересчур приветливой и открытой улыбкой. И это как раз понятно: у них срабатывает формировавшийся годами условный рефлекс!

Еще бы! Даже маньяки в тех же голливудских триллерах обычно «мочат» проституток, повинувшись исключительно самым лучшим побуждениям - во имя торжества нравственности и т. п. Так что стоит только посмотреть хотя бы несколько фильмов с подобным сюжетом, чтобы навсегда преисполниться ужаса перед всевозможными светлыми чувствами, поступками и улыбками. Думаю, что именно из-за этого тлетворного влияния современного кинематографа большинство людей сегодня испытывают глубочайшее недоверие к делам и намерениям, которые в целом можно было бы охарактеризовать как «добрые». Конечно, это очень условное определение, но иного, более точного, для разнообразных проявлений возвышенных душевных порывов человечество пока еще не придумало. Так что невольно приходится оперировать этим понятием. Хотя лично я стараюсь как можно реже произносить слово «добро». И опять-таки, чтобы просто никого лишней раз не пугать.

В то же время очень многие сегодня, видимо, заметили производимый этим словом эффект и, на мой взгляд, наоборот, излишне им злоупотребляют. Прежде всего это относится к политикам (в том числе и к упомянутым выше депутатам) и к писателям. Те и другие эксплуатируют его просто нещадно, и - нисколько не сомневаюсь - исключительно в целях устрашения, причем совершенно сознательно. А в результате этих сознательных, но, видимо, не до конца продуманных действий большинство современных людей уже не только не доверяют «добру», а начинают его откровенно ненавидеть, причем до такой степени, что чувство ненависти постепенно вытесняет в их душах чувство страха. Я сама уже и забыла, когда добрые поступки окружающих вызывали у меня какие-либо иные чувства, кроме раздражения. Поэтому, когда кто-то пытается сделать мне что-нибудь хорошее - приветливо улыбнуться, услужить и проч., я уже не поеживаюсь от ужаса, как раньше, но зато меня так и подмывает стукнуть этого мудака по башке. Естественно, обычно я сдерживаюсь, но все равно терпеть не могу, когда меня пытаются запугать, да еще столь подлым образом. Не случайно один из отечественных писателей как-то сказал: «Добро должно быть с кулаками!» - проговорился, скорее всего.

Это изречение очень нравилось нашей классной руководительнице Валентине Евграфьевне, плотной упитанной даме с лукавыми карими глазами и огромной бородавкой на носу. Она постоянно повторяла эту фразу, потряхивая своей пухлой, сжатой в довольно-таки внушительный кулак веснушчатой рукой, поросшей редкими рыжими волосиками. Однажды, развивая эту мысль, она даже прочитала целую лекцию на тему: «Нужно быть добрым или же добреньким?». Слово «добренький» она произносила с какими-то особыми юродскими интонациями, и на ее физиономии явственно проступала гримаса отвращения, а вот «добрый» у нее сопровождалось совсем другим выражением лица: суровой честности, открытости и некоторой скорби. Наилучшим примером «добренького», по ее мнению, был старец Лука из пьесы Горького «На дне», однако настоящей доброты в нем не было ни на грамм, в отличие от какого-то там другого героя, который, хотя и резал всю правду-матку в глаза безо всякого сюсюканья, но все же в душе был добрым, потому что побуждал людей к активному действию.

В детстве мамаша тоже пичкала меня различными историями о всевозможных добрых делах и поступках. В частности, про свою учительницу химии в школе - некую Зульфию Давлетхановну, которую она постоянно называла не иначе как «святой». Не знаю, откуда она узнала все подробности, но суть этой истории заключалась в том, что Зульфия Давлетхановна однажды в магазине покупала себе продукты и какой-то жуткий невымытый тип попросил у нее десять копеек. Она стала его спрашивать, что с ним случилось и как он дошел до такого состояния. В ответ тот хриплым голосом просипел, что не так давно «откинулся», то есть вышел из мест лишения свободы, и ему просто негде взять денег и некуда пойти. Зульфия Давлетхановна пригласила его к себе в гости, чтобы он мог помыться, побриться, привести себя в порядок и поесть по-человечески. В этом месте мамашиного повествования я всякий раз внутренне содрогалась, представляя себе небритого уголовника и чистенькую седую учительницу с розовыми щечками и аккуратно собранными на затылке волосами – настоящий божий одуванчик! Так вот, она привела этого типа к себе домой, дала чистое полотенце, кое-какую чистую одежонку, оставшуюся после ее покойного мужа, и отправила его в ванную, а сама на кухне у плиты стала готовить яичницу с колбасой или там пельмени варить – точно мамаша уже не помнила. И в это мгновение она услышала у себя за спиной какое-то движение, - нет, даже не услышала, а почувствовала. Она обернулась и увидела, что у нее за спиной, буквально в одном шаге от нее, стоит этот огромный мужик со всклокоченными мокрыми волосами, вода капает с него на паркет, а в правой руке он сжимает большой острый кухонный нож, который, очевидно, взял тут же со стола. Но Зульфия Давлетхановна совсем не испугалась, так как, по словам моей мамы, уже была внутренне готова к такому повороту событий. Она просто посмотрела прямо в глаза преступнику, положила ему на плечо свою маленькую ручку и тихо спросила: «Кто же вас так обидел, бедный вы мой?» И когда мужик услышал эти слова, нож выпал из его руки на пол, он весь задрожал, разрыдался и признался Зульфии Давлетхановне, что еще в магазине задумал убить ее, а заодно и ограбить, но когда увидел, какая она добрая, то просто не смог. В детстве эта история производила на меня огромное впечатление, особенно в первое время, пока я еще не выучила ее наизусть. Однако позднее, когда я начала читать «Отверженных» и дошла до места, где пастор приютил у себя Жана Вальжана, меня настолько поразило сходство описанной там ситуации с рассказом моей мамы, что даже появилось сомнение, а не позаимствовала ли она все у Гюго.

Впоследствии мне довелось услышать еще одну похожую историю - на сей раз от вдовы Селина. Люсетт рассказала мне, что однажды, вскоре после смерти Селина, к ней в дом явилась одна темноволосая девушка-журналист, якобы желая взять у нее интервью. Они довольно долго беседовали с ней с глазу на глаз, а потом вдруг девушка открыла свою сумочку и достала оттуда пистолет, однако стрелять не стала, а просто призналась Люсетт, что во время войны ее родители стали жертвами Холокоста, и теперь она пришла отомстить жене писателя за то, что ее муж сотрудничал с фашистами и сочинял

антисемитские трактаты, но, побеседовав с ней, вдруг почувствовала, что не сможет этого сделать, настолько милой и очаровательной показалась ей Люсетт.

И честно говоря, эта история кажется мне более убедительной, интересной и правдоподобной. И прежде всего потому, что здесь добро будто теряется во мраке и не мешает восприятию, ибо трудно сказать, кого из двух участниц этой встречи можно было бы однозначно назвать носительницей добра. Вот если бы и добренькая на вид учительница Зульфия Давлетхановна заманила к себе домой того матерого уголовника, а потом ночью подкралась к нему с огромным тесаком, собираясь его прирезать, но так и застыла бы с ножом в руке, очарованная дикой варварской красотой этого задремавшего «цветка зла», вот тогда...

Тем не менее если вернуться к самому началу цепочки выстроенных мною рассуждений, то следовало бы обратить внимание и на то, что не только «возвышенные» мотивы поведения маньяков из триллеров могли бы пугать и отталкивать людей, но и сам факт совершенных ими убийств. Никто ведь не возьмется утверждать, что убийство можно отнести к добрым поступкам. То есть в конкретных проявлениях зла тоже вроде бы есть что-то неприятное и отталкивающее. Однако парадокс заключается в том, что зло сегодня почему-то абсолютно никого не колышет! Иное дело – добро! Одних оно повергает в трепет, другие пытаются его использовать, чтобы доставать и запугивать окружающих, а третьи - вроде меня - его ненавидят. Короче говоря, получается, что непосредственно со злом в этом мире сейчас пытаются бороться одни маньяки, которые убивают не понравившихся им баб и непослушных детей, но ведь это в большинстве своем выдуманные персонажи - герои триллеров, а не жизни.

Такова реальность, а точнее, таково положение добра и зла в современном мире! Стоит ли удивляться после этого, что русская классическая литература к настоящему моменту практически полностью себя исчерпала. Ибо я абсолютно не представляю себе, кто в наши дни может такое читать. Разве что безумцы из триллеров? А кто еще сегодня способен осилить «Бесов» или тем более «Воскресение»? Ведь главный пафос этих произведений, как и вообще всей русской классики девятнадцатого века, заключался именно в борьбе со злом, которое сейчас уже давно никого не интересует, кроме вымышленных голливудских маньяков!

Глава четвертая

Бессмертие литературы

Вот уже больше ста лет философы, литературоведы и критики рассуждают о смерти литературы. А в чем, собственно, заключается ее смерть? Большинство сходится на том, что литературу потеснило и отодвинуло на задний план кино. Конечно, если постоянно посещать всевозможные фуршеты, как это и делает большинство современных критиков, то поневоле придешь к подобному выводу. Потому что посвященные премьерам фильмов мероприятия просто несопоставимы по своему размаху с теми, что устраиваются в связи с выходом книг. В кино сейчас прокручивается гораздо больше бабок, чем в литературе – это и ежу понятно. Но разве можно строить столь масштабные умозаключения, как смерть литературы, основываясь исключительно на впечатлениях от качества и количества закуски и спиртного на презентациях? По-моему, это не то чтобы ненаучный, но вообще крайне поверхностный взгляд.

Если хорошенько вдуматься в эту проблему, то придется признать, что разговоры о смерти разных видов искусства начались с изобретения фотографии, которая прежде всего поставила под сомнение существование живописи. Правда, тут же на защиту живописи встали художники-импрессионисты, которые попытались доказать обратное: мол, фотография холодна, безжизненна и вообще не способна запечатлеть мимолетные оттенки цветов и света, а также всевозможные индивидуальные человеческие особенности и

сдвиги по фазе в восприятии внешнего мира, как в случае с Ван Гогом например. Что верно, то верно! Дайте какому-нибудь психически неуравновешенному типу в руки фотоаппарат, и пусть он с ним носится как угорелый, скачет или катается по земле от боли, после того как отрежет себе ухо, – все равно такого впечатляющего эффекта, как в поздних полотнах Ван Гога, ему не добиться, разве что снимки получатся чуточку перекошенными.

Ну а кино конкурирует главным образом с театром, в недрах которого даже никаких импрессионистов не появлялось, чтобы хоть как-то оправдать его существование. Поэтому театр сегодня – это почти такой же отстойный вид искусства, как и цирк. Я вообще довольно плохо представляю тех, кто посещает сегодня театр. По-моему, все театральные постановки должны были бы сейчас проходить в абсолютно пустых залах. И в большинстве случаев так оно и есть. Отчего нынешние театральные актеры, вероятно, все больше ощущают себя обделенными человеческим вниманием, одинокими, почти как обитающие на чердаках и питающиеся на помойках бомжи. Мне кажется, что те немногочисленные зрители, которые все еще приходят на спектакли, чувствуют себя кем-то вроде меценатов, добрых самаритян, медбратьев или сестер милосердия, которые явились туда из сострадания ко всем этим несчастным, прыгающим и кривляющимся на сцене существам, дабы своим участием и вниманием поддержать едва теплящийся и угасающий огонек, каковым в наши дни является театр. В конце концов, и о вымирающих видах животных кто-то заботится: заносит их в Красную книгу, переселяет в заповедники, – а тут речь идет о людях и сохранении их культурных традиций и обычаев.

Но при чем здесь литература? Литературе, думаю, в ближайшую тысячу лет никакая смерть не грозит! И главный залог ее долголетия – в простоте средств, необходимых писателю для воплощения самого грандиозного замысла. Берешь карандаш и пишешь! Даже никаких особых знаний и умений не требуется: ни нот, ни музыкального слуха, ни эффектной фотогеничной внешности (как актеру) или же способностей к рисованию. Эта безграничная простота и делает занятие литературой практически вечным и независимым от любых достижений прогресса, который, кстати, развивается только в сторону все большего и большего усложнения, но никак не простоты. Если же взять и отловить в джунглях какого-нибудь незатронутого цивилизацией Маугли, которому многочисленные театроведы не успели еще запудрить мозги, и сводить его разок в кино, то в театр он после этого уж точно никогда не пойдет. Однако стоит только обучить его грамоте, как он тут же начнет кропать стихи или же замыслит сочинить роман о жизни диких зверей. И никакое кино его от этого занятия не отвлечет! Я готова допустить, что люди могут совсем перестать читать книги, однако это вовсе не означает, что они когда-нибудь перестанут их писать.

Буквально на днях я смогла лишний раз убедиться в справедливости этих слов, когда оказалась на просмотре последнего фильма Ларса фон Триера «Догвилль». В этом фильме знаменитый кинорежиссер, любимец критиков и публики, основатель «Догмы» и проч., вдруг совершенно неожиданно для меня решил отказаться практически от всех кинематографических приемов исключительно ради того, чтобы явить миру... свое литературное произведение. То есть фактически пожертвовал достижениями кино ради литературы! Лично у меня нет в этом ни малейшего сомнения, поскольку все действие этого фильма сводится к перемещению каких-то почти бессловесных марионеток-персонажей на фоне в высшей степени условных и скудных даже для театра декораций, в то время как голос за кадром тщательнейшим образом воспроизводит каждое драгоценное словечко сочиненного режиссером некоего произведения, очень похожего на притчу, во всяком случае, вспомогательным сценарием этот текст вряд ли можно назвать, потому что он явно перевешивает и заслоняет собой все остальное действие. И надо сказать, большего бреда мне уже давно не приходилось слышать – типичная графомания! Какие-то причудливые описания тени от колокольни, которая «в полдень падает на домик матушки Блум», многочисленные «тонкие» наблюдения за человеческой психологией, противоестественный эпический тон изложения, где месяц, выглянувший на небе в

кульминационный момент действия, вносит «своим светом ясность в происходящее на земле»... В общем, текст из тех, что должны начинаться давно забытой фразой: «Мороз крепчал...» Признаюсь, я досидела до конца этого крайне занудного чтения только из любопытства, потому что все никак не могла поверить, действительно ли Ларс фон Триер такой идиот. До самого конца в моей душе не угасала слабая надежда: а вдруг в финале фильма все еще как-нибудь неожиданно повернется. Однако ничего особенного так и не произошло. В конце на небе появился «осветивший все вокруг» месяц, и я окончательно убедилась в ограниченных умственных способностях Ларса фон Триера. Тем не менее надо признать, что ему удалось то, что так и не получилось у известной чеховской героини, достававшей издателя чтением своего произведения до тех пор, пока тот ее не замочил. Уверена, не одна эта несчастная писательница, а миллионы графоманов во всем мире ежедневно подвергают свою жизнь опасности, досаждая знакомым и родственникам чтением своих произведений. И вряд ли им хоть раз в жизни удалось дочитать их до конца. А Ларс фон Триер умудрился заставить выслушивать свое высосанное из пальца произведение в течение целых трех часов кряду несколько миллионов ничего не подозревающих зрителей, застигнув их врасплох, так сказать. По-моему, это просто феноменальный успех! Но самое главное, этот пример, как нельзя лучше показывает: слухи о смерти литературы все-таки сильно преувеличены. Даже могущественное и процветающее кино отступает перед литературой, и всемирно известный режиссер жертвует его достижениями ради удовлетворения своих графоманских амбиций.

Все эти разговоры о смерти литературы, скорее всего, просто что-то вроде невротической реакции, какую можно наблюдать у слишком здоровых, упитанных и избалованных детей, когда мамочка и папочка вдруг чересчур много внимания начинают уделять их простудившимся братикам и сестричкам. В детстве я тоже очень любила болеть. Тогда родители начинали сразу же суетиться вокруг меня, укладывали в мягкую уютную постельку с чистыми простынями, накрывали теплыми одеялами. Мама по несколько раз приходила ко мне, взбивала подушку, трогала мне лоб приятной прохладной ладонью. Кроме того, она приносила мне разные вкусные вещи: мандарины, апельсины, виноград и даже бананы, которые тогда были особой редкостью и очень мне нравились. Я пребывала как бы в полусне: рассматривала слоников и жирафов на обоях и мне казалось, что они дрожат и расплываются, как будто я вижу их сквозь горячий воздух пустыни; знойное марево, словно я сама иду по желтому песку, и вдали, далеко-далеко, прогуливаются эти слоники и жирафы.

Вот так и писателям, видимо, стало обидно наблюдать за тем, как все философы и искусствоведы вокруг вдруг озаботились близкой смертью театра и живописи, поэтому они тоже прикинулись «умирающими» - чтобы привлечь к себе внимание окружающих. Уж больно непоколебимым выглядит положение литературы со стороны: никаких реальных угроз! Настолько незыблемым, что люди ее и вправду уже почти перестали замечать, так что будущее писателей сегодня и вовсе никого бы не волновало, если бы кто-то из этих баловней судьбы вдруг не догадался и не завопил: «Литература умерла!»

А вот кино сегодня является не только «важнейшим из искусств», но и самым символическим. Ибо это высокотехнологичное искусство в наши дни столь же явственно свидетельствует об умственных способностях целых народов, как в Средние века – архитектура. С этой точки зрения, кино, вероятно, можно было бы назвать «соборным искусством», ибо оно собирает, вбирает в себя и использует все новейшие научно-технические достижения и открытия. Пожалуй, ни в одном виде творчества человек не выглядит столь явственно зависимым от достижений прогресса. Все споры о смерти живописи, театра и литературы – просто шутка, ничто в сравнении с фатальной логикой развития, которой подчиняется современный кинематограф, так как эта логика разрушает практически все традиционные представления об искусстве.

В изобразительном искусстве, например, совершенно не важно, когда и как возникла черно-белая графика, потому что, однажды возникнув, она уже навсегда остается в этом

мире как отдельный жанр, развивающийся и совершенствующийся по собственным законам. В высшей степени абсурдным было бы предположение, что использование красок способно как-то поставить под сомнение существование графики. То же самое можно было бы сказать и про бессловесный балет, который веками мирно соседствовал с оперой. Рифма в поэзии не способна окончательно похоронить верлибр и т. д. и т. п. Однако в кино все именно так и происходит! Тут все как бы переворачивается с ног на голову: появление звука фактически полностью хоронит немой кинематограф, а цвет вытесняет черно-белое кино. Более того, обычно помешанные на музеях обыватели, готовые часами простаивать перед «мадоннами Рафаэля» и выстраиваться в колоссальные очереди, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на загадочную улыбку Моны Лизы, проявляют просто поразительное равнодушие к старым фильмам. Что касается кино, обыватель парадоксальным образом нацелен только на все новое и современное. С этой точки зрения самый всесильный и купающийся в лучах славы кинорежиссер просто не может не чувствовать себя чем-то вроде мотылька-однодневки в сравнении с тем же писателем. И, действительно, уже сегодня фильмы с участием Чаплина или же Греты Гарбо выглядят запылившимися и заплесневевшими экспонатами крайне редко посещаемых музейных запасников даже в сравнении с гомеровской «Илиадой», не говоря уже о произведениях Сервантеса или же Шекспира. Иными словами, в кино, как ни в одном другом виде искусства, эстетика пасует перед техникой, которая является совершенно отчужденной и не зависящей от воли художника силой. В этом отношении кинорежиссер в наши дни мало чем отличается от обыкновенного человека, работающего где-нибудь на производстве или в торговле. Именно поэтому кино и представляется мне сегодня самым символическим из искусств и одновременно - самым недолговечным. А литература - самым иллюзорным, утопическим и... бессмертным.

Глава пятая

Люди, львы, орлы и куропатки

С легкой руки поэта Николая Заболоцкого вопрос «Что есть красота?» для наших сограждан с юных лет стал почти таким же хрестоматийным, как и знаменитые «Что делать?» и «Кто виноват?». Разве что последние в России чаще произносятся вслух и, как правило, людьми публичными, например, политиками, а о красоте больше пристало размышлять в одиночестве, причем, главным образом, женщинам. Подходит какая-нибудь кокетливая особа к зеркальцу и, взирая на себя, с легкой грустью вопрошает: «Я ль на свете всех милее?» И пусть с годами она сильно поблекла, поистрепалась, утратила былые пышные формы и, более того, стала напоминать собой какого-то жалкого лягушонка, ее память услужливо подсказывает ей заключительные слова знакомых с детства стихов, смысл которых сводится примерно к следующему: мол, не стоит отчаиваться, зато у тебя есть ум, доброта и безграничная духовность, в которых уж никто не сможет усомниться, хотя бы потому, что обычным человеческим глазом, даже с расстояния в один метр и при дневном освещении, подобные замечательные качества просто невозможно разглядеть. Может кому-нибудь что и померещится на секунду, но потом все снова исчезает во мраке, а точнее, в потемках чужой души. А между тем, что, собственно, из себя представляет эта пресловутая красота, ради чего человечество веками разводило все эти «гнилые базары», «сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

Не знаю, кому как, а мне это стихотворение Заболоцкого никогда не нравилось. И прежде всего из-за простоты, с которой поэт решает для себя такой серьезный и, не побоюсь этого слова, «вечный» вопрос, превращая его в пустое риторическое восклицание, исключаяющее малейшие сомнения по поводу точки зрения самого автора на

этот счет. Кроме того, меня в детстве ужасно раздражало и угнетало сравнение описанной там девочки с лягушонком. Что-то в этом было неприятное, может быть, потому что это сравнение невольно вызывало в моем воображении еще и образ ученого с микроскопом, склонившегося над несчастным препарированным им болотным существом. Поэтому, несмотря на ободряющую концовку, мне было очень трудно уловить хоть слабый проблеск искренней симпатии со стороны автора стихов к объекту своего наблюдения. Но это в детстве, а теперь, в свете своего сегодняшнего опыта, мне это стихотворение кажется еще и крайне неприличным. Еще бы! Престарелый поэт с интересом наблюдает за маленькими девочками! Такое в наши дни читать вслух и при посторонних просто невозможно: звучит почти, как песня про «голубые города», и даже хуже, поскольку педофилия тянет еще и на статью УК.

Короче говоря, вопрос о красоте, ответ на который якобы уже давно найден глубокомысленным поэтом-исследователем путем длительного наблюдения за поведением женщин, начиная с их самого нежного возраста, вовсе не кажется мне таким банальным и риторическим. И почему, кстати, именно за женщинами? С чего это вдруг так повелось, что красота в отечественной литературной (или как ее еще там) духовной традиции стала полной прерогативой женщин? Потому что в глазах мужчин она теперь стала знаком их полной никчемности и слабости? А между тем еще в восемнадцатом веке мужчины вроде бы тоже румянили щеки, носили шикарные напудренные парики и расшитые золотом камзолы, что не мешало им участвовать в войнах, ходить на охоту и заниматься прочими «сугубо мужскими» делами. Но уже Пушкин, помнится, вынужден был оправдываться перед читателями за Онегина: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...». А во времена Заболоцкого и чуть позже молодого человека с модной стрижкой за одну только прическу и вовсе могли забрать в ближайшее отделение милиции. Ну а теперь представим себе мужчину в наши дни стоящим где-нибудь в людном месте перед зеркалом и задающимся вслух вопросом о собственной привлекательности. Депутатом Думы ему уже точно никогда не стать!

Помню, несколько лет назад я с одним моим парижским знакомым шла по набережной Лувра, где расположено множество зоомагазинов. И вдруг мой спутник сказал: «Среди животных самцы почти всегда бывают прекраснее самок». И тут я на секунду представила себе всех этих львов, орлов, куропаток, оленей, петухов и павлинов, многие из которых взирали на нас прямо с витрин, и вынуждена была согласиться: правда, прекраснее. Но самое главное, я вдруг поймала себя на мысли, что никогда над этим фактом раньше не задумывалась и почему-то привыкла считать, что в животном мире все устроено как раз наоборот, как у людей. Своему знакомому я тогда постеснялась признаться в своей наивности, однако с тех пор не перестаю задаваться вопросом, отчего у меня в голове сложилась столь ложная и извращенная картина мира, хотя, казалось бы, все так просто и очевидно.

В свое время Константин Леонтьев, сопоставляя Алексея Вронского с его создателем, отдавал предпочтение первому, так как находил Толстого чересчур закомплексованным и нерешительным интеллигентом. А вот Ленин, наоборот, был, как известно, без ума от Толстого, и, судя по всему, считал его настоящим идеалом мужчины. Не случайно ведь он в присутствии Горького, нисколько не стеснясь постороннего человека, бегал по комнате и, схватившись за голову, восклицал: «Боже мой, боже мой! Какая глыба! Какой матерый человечище! Какие все-таки чудеса могут творить люди!» Не помню уж точно, какие чудеса привели Ленина в такой восторг (кажется, «Крейцера соната»), но, действительно, если сравнить маленькое тщедушное существо, каким был в жизни Ленин, с заросшим косматой бородой и облаченным в свою знаменитую «крестьянскую» косоворотку Толстым, то вполне можно понять переполнявшие Владимира Ильича чувства. В сравнении с ним Толстой выглядит настоящим мачо... Или же нет! Все было не совсем так! Ленин бегал по комнате и взволнованно лепетал про творимые людьми «чудеса» в одном из старых советских фильмов, после того, как прослушал

«Аппассионату» Бетховена, и толстовская «Крейцера соната» тут ни при чем! Просто эта сцена за давностью лет слилась в моем мозгу воедино с мемуарами Горького, в которых тот приводит восторженный отзыв Ленина о Толстом. Но, в конце концов, это незначительные детали, и главное от этого не меняется: Ленин отзывался о Толстом в высшей степени восторженно и именно в том смысле, что тот был настоящим мачо, то есть «матерым человецищем»!

Нетрудно догадаться, что и в пролетариях Ленин видел спасителей человечества и бессознательно преклонялся перед их грубой животной силой, бурной растительностью на груди, живописными усами, бородами и т. п., все по тем же причинам: из-за собственной невзрачной внешности и хрупкого сложения. Достаточно вспомнить хотя бы, с какой неподдельной и непосредственной радостью он отреагировал на известное восклицание матроса Железняка, обращенное к депутатам последней российской Государственной думы: «Караул устал!» Когда Ленину пересказали эту историю, он, как известно, очень долго и заразительно смеялся. А почему? Да все потому, что в этот момент он как никогда отчетливо почувствовал, что вот они, настоящие, поросшие бурной растительностью мускулистые мачо, пролетарии и матросы, где-то уже совсем близко от него, готовы прийти к нему на помощь и отомстить всем его многочисленным обидчикам, которые вольно или невольно задели его в этой жизни: пренебрежительно повернулись к нему спиной, обронили какую-нибудь двусмысленную фразу, бросили презрительный взгляд в его сторону или же случайно толкнули. Приблизительно то же самое, вероятно, можно было бы написать и о Горьком, который, если отбросить в сторону незначительные идейные и вкусовые расхождения, полностью разделял преклонение Ленина и перед Толстым, и перед пролетариями.

О Леонтьеве, напротив, ничего подобного сказать нельзя! Судя по дошедшим до наших дней портретам и воспоминаниям, внешне он выглядел ничуть не хуже, чем гипотетически мог бы выглядеть тот же Вронский или же какой-нибудь из конных гвардейцев, при виде которых позднее едва не впал в «девическую влюбленность» его последователь Розанов. Короче говоря, взгляд Леонтьева на Вронского был взглядом равного, а на Толстого, напротив, он вправе был глядеть даже с легким оттенком презрения.

Таким образом, получается, что, если Константин Леонтьев имел серьезные основания смотреть на Толстого чуть-чуть свысока и подозревать в нем некоторый недостаток мужественности, то Ленин с Горьким, судя по всему, наоборот, находили в нем чуть ли не идеал настоящего мужчины, которым искренне и публично восхищались. Более того, за прошедшее со дня смерти Ленина время в России появилось на свет достаточно внушительное количество лиц мужского пола, которые уже в Ленине склонны видеть чуть ли не идеал мужчины и образец для подражания.

Однако, продолжая начатую мной тему эволюции представлений о том, как должен выглядеть настоящий мужчина, хочется обратить внимание на то, что понимание мужественности Леонтьевым изначально существенно отличалось от того, что подразумевал под этим понятием Ленин. Очевидно, что для Ленина, как и для Горького, в мужчине была важна не одежда, указывающая на социальный статус ее обладателя, а, главным образом, волосатость, бородатость (как у Толстого), зычный голос (как у матроса Железняка), мускулистость (как у пролетариев и крестьян) и вообще все, что так или иначе демонстрировало природные данные человека. В этом отношении предпочтения Ленина в чем-то сродни вкусам героини романа Лоуренса леди Чаттерлей, бросившей своего немощного мужа-аристократа ради волосатого и мускулистого лесника. Естественно, в применении к Ленину обо всем этом можно говорить только на основании его отдельных произвольных восклицаний и суждений, то есть исключительно подсознательных интенций, поскольку в своих книгах и статьях он, как правило, достаточно последовательно обходит подобные вопросы. В то время как взгляд Константина Леонтьева обращен вовсе не на природные данные мужчины, и даже не на его

интеллектуальные способности, а прежде всего на его одежду. Леонтьев вообще был едва ли не единственным во всей русской литературе писателем, а точнее, мыслителем, для которого основная проблема его философии заключалась не в отвлеченной схоластике, а вполне в конкретных и осязаемых внешних формах человеческого существования. Больше, насколько я помню, никто так вопрос не ставил.

В частности, Леонтьев напрямую увязывал дальнейшую судьбу человечества со столь очевидным и доступным взглядом явлением как мужской костюм, на унификацию которого в сравнении с прошлыми веками он не устал сетовать в своих многочисленных статьях и письмах. Достаточно вспомнить хотя бы его едкое замечание по поводу «великого русского поэта», который, по мнению Леонтьева, своим сюртуком портил замечательный южный пейзаж на знаменитой картине Айвазовского «Прощай, свободная стихия!» Что ни говори, но это вам не «Бога нет – все дозволено!» и тем более не «первичность материи по отношению к духу», а костюм! Костюм, в который сегодня облачаются как верующие, так и атеисты, как материалисты, так и идеалисты, а значит, он представляет собой нечто гораздо более универсальное и вечное, чем все эти отвлеченные и туманные вопросы! И гораздо более характерное! Ибо только глядя на пиджаки современных мыслителей, писателей, да и вообще всех остальных людей, понимаешь, что между ними куда больше общего, чем они сами склонны о себе думать. Парадокс заключается в том, что именно через одежду человек сильнее всего связан с природой и остальным животным миром, а волосатость или там мускулистость, как это ни странно звучит, способны сказать о человеке, в том числе и о его животных инстинктах, значительно меньше, чем его наряд. И то, что Леонтьев первым обратил внимание на тенденцию к унификации именно мужского костюма, как на очень опасный симптом, ставящий под сомнение дальнейшее развитие человечества, безусловно, свидетельствует о его гениальной интуиции. Поскольку переход от напудренного парика и расшитого золотом камзола восемнадцатого века к современному пиджаку - это явление видовое, а не проблема личного выбора современного мужчины. По большому счету, в наши дни мужчина перед выбором между камзолом и пиджаком вообще не стоит, как не стоят, к примеру, большинство граждан современной России перед дилеммой, где им жить: во дворце, замке или же типовом доме. Поэтому, в принципе, глупо спрашивать сегодня с кого-либо всерьез, почему он предпочитает появляться на работе и в иных публичных местах в пиджаке, а не цветастом кафтане. Но именно поэтому аналогия с животными в данном случае выглядит вполне уместной, так как звери и птицы тоже не отвечают за окраску своего оперения и шкуры. Это всегда результат длительной эволюции каждого вида.

В дикой природе любое живое существо изначально поставлено в условия жесточайшей борьбы за выживание, которые вроде бы должны делать его внешний вид как можно менее заметным для окружающих, что позволяло бы ему лучше скрываться от бесчисленных врагов и опасностей. Тот же факт, что именно самцы, а не самки сохраняют более яркие оперения и шкуры, свидетельствует, что ими движет еще и тяга к продолжению рода, поэтому возможность привлечь к себе внимание самок для большинства самцов оказывается существеннее инстинкта самосохранения. Возможно, это звучит чересчур патетично в применении к животным, но тем не менее приходится признать, что в животном мире самцы подвергают себя значительно большему риску ради красоты, чем самки. Среди людей же роли между мужчинами и женщинами давно уже перераспределены. И деградация мужского костюма, его унификация и упрощение, на которые так чутко указывал Леонтьев, – лишнее тому свидетельство. Стремление выжить самому, никак не выделяясь на фоне окружающей среды, в современном мужчине развито значительно сильнее желания привлечь к себе внимание противоположного пола.

Мужской роман

Это, конечно, не доказано, но мне всегда казалось, что практически все законы физического мира применимы и к миру духовному. Особенно закон о действии и противодействии! Стоит зародиться какому-нибудь явлению, как тут же возникает нечто ему противоположное. Тем более странно, что в литературе так называемый «женский роман» получил сегодня столь широкое распространение в массах, а никакого равновеликого ему «мужского романа» не наблюдается. Но природу не обманешь, и если что-то в ней должно присутствовать и уравнивать, значит, непременно присутствует. Иначе бы этот мир сразу весь перекосялся и рухнул.

Не углубляясь в детали, думаю, можно смело сказать, что под «женским романом» обычно подразумеваются произведения, где активно эксплуатируются якобы свойственные женщинам стереотипы восприятия окружающего мира: всякие там утрированные возвышенные чувства, мечты о богатстве, успехе и, конечно же, любви к представителям противоположного пола, лучшие из которых столь же гипертрофированно идеализируются, превращаясь в сказочных принцев на белых «мерседесах». Стоит ли удивляться, что этот специфический жанр в наши дни стал едва ли не символом пресловутой женской глупости? И хотя ни для кого не секрет, что авторами «женских романов» далеко не всегда являются женщины, это, в сущности, ничего не меняет: на обложке все равно должна стоять женская фамилия, а кто за ней скрывается не так уж и важно. Если мужчина способен стилизовать искреннюю женскую глупость, значит, он лишний раз демонстрирует свое умственное превосходство, но стоит ему подписаться собственным именем, как законы жанра будут нарушены и книга утратит всю свою привлекательность для читателей. Именно поэтому я и считаю, что подобному популярному чтению следовало бы противопоставлять вовсе не какое-то там запредельно жесткое, трезвое или даже циничное отношение к окружающей действительности - такой образ мыслей не чужд и женщинам, - а столь же непосредственную и искреннюю мужскую глупость.

Но где же такую найти? Да хотя бы в русской классике! И ходить далеко не надо.

На первый взгляд кажется, что уж к русской литературе у россиянок должно быть гораздо меньше претензий, чем у обитательниц других стран, давших миру столь ярких «женоненавистников», как Ницше, Стриндберг или же Захер-Мазох. А русские женщины, в том числе и своей сегодняшней популярностью у мужчин всего мира, во многом обязаны именно отечественной классической литературе, которая, если и не полностью создала, то в значительной степени способствовала формированию этого романтического и идеализированного обобщенного образа, превратившегося с годами в своеобразное клише. Это западные «женщины-вамп» разгуливают по жизни, как по ночному клубу, с плеткой, а мужчины пугливо бегают вокруг них на четвереньках в ошейниках и пьют из мисочки. В то время как русские женщины отличаются редкой скромностью, преданностью, трудолюбием и самоотверженностью. Это все давно хорошо знают. Так написано у русских классиков. Чего ж вам более? Но тут как раз и напрашиваются определенные параллели.

«Женские романы» столь же легко читаются, как и пишутся, прежде всего потому, что их создательницы не особенно озабочены сопротивлением окружающей их действительности, а просто подгоняют ее под себя и своих читателей, чтобы им всем было в этом пространстве максимально комфортно и удобно. Любимый мужчина должен быть деловым, отзывчивым, заботливым и зарабатывать больше бабок, чтобы главная героиня могла их тратить и жить в свое удовольствие. А как там бывает в реальности – никого не колышет. Столь же бутафорский и ирреально возвышенный образ женщины можно обнаружить в знаменитом стихотворении Пушкина про «мимолетное виденье» и «гения чистой красоты». И не только там. Татьяна Ларина в «Онегине» выходит за старика и, подчиняясь воле автора, «должна быть век ему верна», за что и заслуживает одобрение как

со стороны Пушкина, так и со стороны вторящих ему критиков. В жизни у автора «Онегина», как известно, отношения с женой сложились далеко не так гладко. «Глубокий психолог» Достоевский особенно ценит в своих соотечественницах готовность отправиться вслед за мужчиной в места не столь отдаленные, причем подобную самоотверженность он наблюдает даже у представительниц «древнейшей профессии». А у Некрасова русские женщины и вовсе не только следуют за своими мужьями на каторгу и в ссылку, но еще способны «войти в горящую избу» и «останавливать на ходу коней», то есть максимально практичны и удобны в применении. Если же женщина вдруг начинает артачиться и проявлять хотя бы слабые признаки своеволия, то разгневанный автор тут же отправляет ее под колеса поезда - читай Толстого. Так что последствия подобной «идеализации» далеко не всегда оказываются безобидными.

Короче говоря, отечественная классика в своих наиболее ярких и характерных образцах, по крайней мере по глубине понимания психологии представительниц противоположного пола, вполне сопоставима с «женским романом» и заслуживает того, чтобы называться «романом мужским». Тем более что писательниц-классиков, достойных служить примером для подрастающего поколения, в школьной программе просто-напросто нет. В этом, собственно, и заключается главное отличие описанных мной явлений. Над «женским романом» принято иронизировать, и по нему никому и в голову не придет кого-либо всерьез воспитывать, да еще в государственных масштабах. Поэтому нашим соотечественницам и приходится гораздо чаще сталкиваться с образцами мужского недомыслия в жизни, а не в книжных магазинах. На книжные полки они с детства приучены смотреть с глубоким почтением и трепетом.

Глава седьмая

Запретить любовь!

В искусстве, да и в жизни, так мало реального, того, что можно было бы потрогать руками или просто более или менее представить себе и сказать: «Да, это действительно существует!». Кругом одни бесплотные и туманные слова. И люди научились очень ловко ими пользоваться. «Любовь», например, или же «бог», который, как известно, тоже есть эта самая загадочная «любовь» – по совместительству так сказать. Эти слова можно поворачивать как угодно, вкладывать в них самый невероятный смысл, и практически никто не сможет уличить вас во лжи. Лучше всего такими словами научились пользоваться писатели, сразу же вслед за ними идут политики, ну а потом, с небольшим отставанием – все остальные.

Совсем недавно мне каким-то чудесным образом удалось исхитриться и установить себе антенну, позволяющую смотреть еще несколько телевизионных каналов, которые раньше мне никак не удавалось поймать. В результате я получила возможность наблюдать за множеством телевизионных шоу, доселе мне неизвестных, точнее, не наблюдать, а периодически на них наткаться во время переключения каналов. Одно из них называется «Окна», второе – «Девичьи слезы», третье... Впрочем, названия в данном случае не так уж и важны, так как практически все эти представления похожи друг на друга как две капли воды. Если попытаться передать словами их типичный сюжет, то он будет выглядеть примерно так. Интеллигентного вида мужик с торчащей из-под пиджака рубахой, но с бородкой и в галстук - на стуле в центре зала с кокосовым орехом на руке. Напротив сидит его жирная жена и жалуется собравшейся в студии аудитории, что ее муж, умница, кандидат химических наук и пр., неделю назад засунул в этот кокос руку, желая достать из него немного риса, который почему-то там оказался, и с тех пор так и ходит с этим

кокосом. Вытащить из ореха руку ее муж не может, так как боится, что, разжав руку, останется без риса, которого ему почему-то по-прежнему очень-очень хочется. Ведущий многозначительно чешет репу, а зрители в студии начинают по очереди советовать мужику с кокосом, как выйти из сложившейся ситуации. Можно было бы попробовать распилить орех, но это небезопасно. К тому же и жена против, так как не желает, чтобы ее дорогому мужу по ошибке отпилили руку. Ну а если просто разжать руку, а потом перевернуть орех и вытряхнуть оттуда рис? Нет! Против этого категорически возражает сам потерпевший. Он даже начинает ерзать на стуле и трястись всем телом от возмущения: неужели непонятно, что тогда рис останется в орехе или же просыплется на пол и запачкается. Наконец, ведущий приглашает в студию подругу жены, Веру Дормидонтовну, которая признается, что, занимаясь сексом с мужем своей приятельницы, в экстазе тушила ему о руку сигареты, ну а тот не придумал ничего лучше, чем этот трюк с орехом, чтобы скрыть следы ожогов от жены, которую он очень сильно любит. Просто этот орех случайно оказался у него в холодильнике, когда его жена позвонила ему на «мобильный» и сказала, что возвращается домой. Вера Дормидонтовна успела унести ноги, а муж заметался по квартире, схватил орех, отпилил верхушку и засунул руку... После этого рассказа жена с нецензурной бранью набрасывается на свою подругу, муж снимает орех с руки и кидается их разнимать, а ведущий опять многозначительно чешет свою репу.

Ну а самым ключевым словом, которое придает драматизм и динамику не только описанной выше ситуации, но и множеству других не менее неожиданных и драматичных жизненных сюжетов, ставших объектами публичных теледискуссий, естественно, является все то же емкое слово «любовь». Если верить этим телепередачам, то ради своих любимых люди готовы подрабатывать в ночных клубах, занимаясь стриптизом, идти на панель, трахаться со стариками и извращенцами, пить человеческую кровь литрами, переодеваться в одежду противоположного пола или делать себе транссексуальные операции - да всего и не перечислишь.

Вот буквально позавчера один мой старинный приятель, который на неделю приехал в Петербург из Берлина, пригласил меня в гости и рассказал просто жуткую историю про свою несчастную любовь. Его мамаша, кстати, сделала очень вкусный винегретик с соленой семгой и испекла румяные пирожки с капустой и с мясом. Мы сидели за столом в уютной кухне, ели и пили чай. Потом Саша включил телевизор, а там как раз шли «Окна» с сюжетом вроде того, что я описала выше. Правда, на сей раз у бабы мужа похитили инопланетяне, которые подменили ему глаза. После этого он никак не мог узнать свою жену, которая, само собой, его очень любила и постоянно об этом долдонила... Мой старинный знакомый очень внимательно просмотрел этот сюжет, а в конце, видимо под впечатлением, задумчиво спросил меня: «Скажи, а как ты думаешь, любовь существует, или же это все выдумки? Мне один знакомый немец рассказывал, что это все равно, что бог: если веришь в существование бога, значит, веришь и в любовь».

Сам Саша тоже недавно влюбился в одного человека, то есть сперва не совсем влюбился, а тот просто ему очень понравился - вот и все: такой веселый, остроумный, с красивыми голубыми глазами. И он так Сашу обхаживал, короче, нашел к его сердцу какой-то ключик, что Саша в результате в него влюбился. Правда, это была еще не любовь, а только влюбленность. Саша понимал это чувство именно так. Как-то Ганс пригласил Сашу к себе в гости поздно вечером, и Саша полетел туда, прямо как на крыльях, даже купил огромный букет роз, а цветы в Берлине вообще стоят бешеные бабки, тем более розы. Но дома Ганс оказался не один. У него там собралась целая компания тучных красноязычных немцев, которые поначалу вели себя прилично, а потом напились и стали совсем развязными: с громким хохотом начали рассказывать друг другу сальные истории на своем грубом, как воронье карканье, языке. А Ганс тем временем все подливал да подливал Саше шнапс, а потом еще и колес каких-то накидал, отчего Саша совершенно потерял ориентацию во внешнем мире, короче, отключился. Проснулся он совершенно голый, со связанными руками, рядом с одним из тех жирных мужиков, что недавно так

весело и заливисто хохотали. Причем он еще и почувствовал, что у него все жутко болит, и обнаружил на своем теле множество ссадин и синяков, то есть похоже, его сделали участником какого-то садомазохистского акта. Потом выяснилось, что Ганс специально так все подстроил, чтобы подложить Сашу под своего начальника и таким образом получить продвижение по службе. «Да, недаром говорят, что любовь – не вздохи на скамейке и не прогулки под луной, лучше и не скажешь», - с тяжелым вздохом завершил Саша свою историю.

Никогда не забуду нашумевшее несколько лет назад дело, когда баба-следователь передала пистолет в камеру смертников, повинувшись опять-таки все тому же возвышенному чувству любви. Хотя лично мне кажется, что на самом деле она вложила в этот жест всю накопившуюся в ее душе злобу к окружающим за свою не слишком удавшуюся жизнь. В результате несколько тюремных служащих получили тяжелейшие ранения, а баба наверняка поймала кайф. Тем не менее на экранах кинотеатров и ТВ появились два или даже три слащавых фильма, всячески обсасывающих и обмусоливающих эту «романтическую историю любви».

Забавно, что несколько лет спустя, в одной из газет мне попала история со схожим сюжетом. На сей раз из тюрьмы тоже бежал опасный преступник-рецидивист, а ключи от камеры ему передала баба-охранница, тоже якобы в него по уши влюбленная. Правда, на сей раз сама эта баба всячески отнекивалась и отказывалась от приписываемых ей чувств. И я думаю, она не врала. Скорее всего, так оно и есть: она была тут ни при чем. Просто мафиозная группировка заплатила кому-нибудь из тюремного начальства, чтобы вытащить из тюрьмы своего подельника, ну тот и поспособствовал его побегу. А потом, чтобы замести следы, все взяли и свалили на эту несчастную охранницу. Подобный сценарий мне представляется вполне возможным с учетом общественного резонанса, который имело предыдущее дело с передачей пистолета. И действительно, каким образом эта баба сможет теперь доказать, что она никого и не думала любить, кроме собственного мужа? Кто ей теперь поверит при таком настроении умов? А по большому счету это и не важно: поверят или нет. Главное, что со стороны все выглядит вполне правдоподобно, и бабки нужным людям уже заплачены. Так что и вникать во всякие там тонкости никто не станет. Любовь есть любовь! В общем, не хотела бы я оказаться на месте этой бабы.

Последний случай наглядно показывает, насколько опасным может быть слово «любовь» в современном мире. Наверное, его стоило бы запретить. Однако вряд ли это возможно; во всяком случае, я себе не представляю, как можно было бы провести подобный запрет в жизнь. А скорее всего, он и не нужен. Потому что это слово для того, видимо, сегодня только и существует, чтобы отличать нормальных полноценных людей от ущербных личностей, которым можно безнаказанно приписывать различные возвышенные чувства даже помимо их воли. С большинством писателей, кстати, критики так и поступают, по крайней мере после их смерти. Однако где-то именно по этому слову проходит сегодня водораздел, отделяющий все настоящее в искусстве от всякого мусора. Как только натыкаешься на «любовь» в каком-нибудь произведении, значит, это либо детектив, либо «женский роман», либо еще какая-нибудь дребедень в том же роде. Ошибиться невозможно – действует безотказно, можно даже доверить проверку компьютеру.

Поэтому начинать каждому необходимо с себя самого. Любовь должна быть устранена не из общества, а прежде всего из умов и сердец людей!

Глава восьмая

Как важно быть серьезным

«Как важно быть серьезным» - от этой фразы веет потрепанными на ветру и забрызганными грязью афишами, которые во времена моего детства еще наклеивали на

огромные чугунные тумбы. А забрызгивали их запряженные в телеги огромные ломовые лошади, ступая в лужи своими тяжелыми круглыми копытами. Хотя, возможно, подобные ассоциации у меня вовсе не из детства, а из кино, поскольку вряд ли на сценах советских театров шли пьесы Уайльда. Все, конечно, могло быть, потому что Уайльда переводил замечательный детский поэт Чуковский. В любом случае, у меня такое чувство, будто я помню эту фразу с самого раннего детства. Даже странно, но было время, когда мне и в голову не приходило, что это и вправду так уж важно: быть серьезной. Родители, естественно, мне это часто повторяли, так что Уайльд со своей комедией здесь, скорее всего, ни при чем. В конце концов, название его пьесы – это просто не слишком точно переведенный на русский язык каламбур. Хотя мне всегда казалось, что у большинства окружающих меня людей есть проблемы с чувством юмора, а что касается серьезности... Какие тут могут быть сложности?

И в русской классической литературе девятнадцатого века такой проблемы не существовало. Никому и в голову не приходило наставлять читателей или писателей быть серьезными: это и у тех, и у других получалось как-то само собой. Не случайно ведь писателей девятнадцатого века принято делить на славянофилов и западников, реалистов и романтиков, прогрессивно настроенных и реакционеров, но уж никак не на серьезных и несерьезных. Тем не менее подобное деление со временем не просто возникло в отечественном искусстве, а постепенно подменило собой все остальные. Трудно сказать, в какой именно момент это произошло, однако сегодня в литературе больше не осталось ни романтиков, ни классицистов, ни лириков, ни эпиков, ни архаистов, ни новаторов, а есть только писатели серьезные и несерьезные. И самое забавное, что эта новая «классификация» проникла в литературу не из очередного глубокомысленного труда какого-нибудь досужего теоретика литературы, а из самой жизни. В этом отношении она чем-то напоминает болезнь, которая сначала поразила одного писателя, затем другого, а потом вдруг выяснилось, что эта эпидемия охватила всех - буквально все современное искусство - и спастись от нее не удалось никому. Более того, и «серьезность» авторитетов девятнадцатого столетия, еще сравнительно недавно казавшихся незыблемыми, сегодня уже ни у кого не вызывает прежнего доверия. Причины же этой стремительно развивающейся эпидемии, поставившей под сомнение не только будущее, но и прошлое литературы, следует искать вовсе не в каких-то там загадочных внешних силах и злонамеренных вредителях, а внутри самого искусства в целом и литературы в частности. Причем начать лучше всего именно с литературы, ибо рыба, как известно, гниет с головы. А литература, несмотря на активное наступление кинематографа, о котором уже так много всего сказано, по-прежнему занимает центральное место в жизни современного человека.

Тут, я чувствую, все ждут от меня каких-то неслыханных откровений. Раз уж я так точно поставила диагноз, то сейчас же выдам рецепт какого-нибудь чудодейственного снадобья или метода, позволяющего всем писателям, чья серьезность вдруг оказалась под сомнением, сразу же полностью и окончательно ее себе вернуть. Причем желательно, чтобы это было чем-то вроде «двадцать пятого кадра», разработанного в секретных лабораториях КГБ: сидишь себе, смотришь какую-нибудь «порнушку», потягиваешь пиво, а в твой мозг тем временем закачиваются слова иностранного языка, или же, как в данном случае, «серьезность». И никаких лишних усилий с твоей стороны!

Помню, на самой заре «перестройки» муж моей приятельницы, бывший хоккеист, ужасно вдруг захотел раздобыть эту «секретную» методику, даже мне звонил, узнавал, не знаю ли я, где и за какие бабки можно ее купить. Дело в том, что он уже давно занимался «фарцовкой», а тут, в свете грядущих перемен, ему срочно понадобился английский: одного разговорного финского, как он чувствовал, для его бизнеса было уже недостаточно. Так что этот образ с «порнушкой» вовсе мной не выдуман, а взят прямо из жизни. Мне тогда, кстати, после разговора с этим дебилом стало ужасно обидно. Ведь я зачем-то потратила на изучение иностранных языков лучшие годы своей жизни, сидела не разгибаясь, зубрила слова, в то время как он потягивал свое пиво и выклянчивал тряпки

на ломаном финском у туристов. Но, к счастью, примерно через год я узнала, что «новая методика» ему так и не пригодилась, потому что он внезапно умер от сердечного приступа. И неудивительно, так как он всегда много квасил. В общем, это известие меня немного утешило.

Так и с серьезностью. Если бы я и знала какой-нибудь новейший уникальный способ, как вернуть себе серьезность, важность которой теперь вдруг все писатели стали особенно остро осознавать, то все равно никому не сказала бы. Мне для того, чтобы остаться серьезной, да еще в условиях сегодняшней тотальной эпидемии, пришлось не только долго и упорно работать, но и пройти через много такого, о чем теперь говорить бесполезно – все равно не поверят. Единственное, на что хочется указать (может, это кому и пригодится), так это на то, что серьезным быть не только важно, но еще и довольно трудно. Тут, мне кажется, и стоит искать ответ на столь волнующий всех сейчас вопрос. Казалось бы, уж чего понятнее, однако мне крайне редко приходилось встречать людей, которые бы не просто заявляли о своей озабоченности мировыми проблемами и корчили важные и значительные мины, а имели хотя бы самое смутное представление о том, насколько в наши дни это сложно: быть серьезным.

Глава девятая

Улыбка смерти

Чем больше человек учится на врача, адвоката или там физика, тем большее доверие он вызывает у окружающих. Врачу, учителю, инженеру обязательно надо иметь диплом о высшем образовании, а желательно еще и ученую степень, иначе ему очень непросто будет рассчитывать на успех в жизни. И это как раз понятно! Тут и говорить-то особо не о чем. Удивительно, что в искусстве все происходит как-то не так, все как будто перевернуто, хотя замечают это далеко не все. Помню, в юности, когда я еще ни о чем подобном не задумывалась, но все равно, уже тогда стоило мне услышать про художника, что он закончил Академию, как мне в душу закрадывалась скука и я практически сразу утрачивала к нему всякий интерес. Другое дело Ван Гог, который забросил свои нравоучительные проповеди, теологию и прочую туфту и занялся живописью, или же Гоген, под сорок завязавший с бизнесом и отправившийся на Таити, или еще какой-нибудь маньяк вроде Сада. Вот они, наоборот, приковывали к себе мое внимание, и, насколько я могу теперь судить, не только мое. И самое главное, для этого им вовсе не нужно было никому предъявлять никаких дипломов и удостоверений – достаточно было просто отрезать себе ухо или еще как-нибудь извратиться. О дипломированных писателях и говорить нечего: фактически только пьянство и исключение из Литературного института давало советскому поэту шанс на всенародную любовь, как это и произошло, к примеру, в случае с Рубцовым, которого еще, в довершение всего, какая-то баба взяла и придушила в постели. Этот факт тоже когда-то ужасно будоражил мое неокрепшее сознание, хотя теперь я и понимаю, что это, конечно же, очень темная история, и, возможно, все произошло не из-за любви, а с большого перепоя. Тем не менее никаких других путей к подлинному, а не дутому признанию у вступивших на творческую стезю в былые времена не было. Как нет их у людей искусства и в наши дни!

Короче говоря, в искусстве, в отличие от других сфер человеческой деятельности, видимые свидетельства накопленных знаний и профессиональных навыков вовсе не способствуют укреплению доверия со стороны окружающих, скорее, наоборот. Между первым и вторым существует обратно пропорциональная зависимость, а это значит, что чем больше у художника всяческих званий и дипломов, тем меньшее доверие он у всех вызывает. Парадоксально, но факт!

Конечно, какой-нибудь практичный владелец кафе сегодня предпочтет, чтобы его заведение оформлял выпускник Академии художеств, а не сумасшедший маньяк и алкаш,

который в припадке белой горячки перебьет ему всю посуду, а ножи и вилки повтыкает в столы и стены. Тем не менее этот пример является всего лишь еще одной иллюстрацией многочисленных человеческих заблуждений на счет искусства, когда оно смешивается с производством, наукой или еще с чем-нибудь в этом роде. А все эти заблуждения, в сущности, и сводятся к одной общей ошибке: смешению абсолютно противоположных сфер человеческой деятельности! Обычно это происходит по элементарному недомыслию, а точнее, по инерции. «Раз я доверяю свое здоровье только дипломированному врачу, то расписывать мое кафе, в которое я вложил кучу бабок, должен профессионал!» Но стоит только познакомиться с подобным «профессионалом» от искусства чуточку поближе, как от былой уверенности и у самого упертого обывателя не останется и следа. Вряд ли, конечно, он признается себе в этом до конца, но привычные основы мира в его сознании все равно будут поколеблены.

А все дело в том, что от искусства люди все-таки в душе ждут чего-то не просто другого, но полностью противоположного тому, что способны им предложить тщательно вышколенные адвокаты, врачи и инженеры. Можно было бы, наверное, сказать, что противоположным всем этим знаниям и умениям является незнание и неумение. И по-своему это было бы верно, так как искусство, как я уже многократно говорила, имеет дело не с жизнью или там реальностью, а с пустотой, которую, естественно, вряд ли кто-либо способен до конца познать или же подчинить своему мастерству, даже самые ушлые и хваткие «инженеры человеческих душ». Уж больно зыбкий материал! Однако простой констатации этого факта в данном случае все-таки недостаточно. Пустота пустотой, но хотелось бы чуточку больше ясности! Тем более что в данном случае разобраться во всей этой путанице не так уж и сложно.

Во-первых, людям свойственно разочаровываться. Причем разочарование, как правило, постигает их в тот момент, когда они вдруг начинают осознавать скрытый механизм того или иного явления, вследствие чего оно и утрачивает для них всякую загадочность. Более того, по моим наблюдениям, люди обожают разочаровываться. Просто хлебом не корми, а дай в чем-нибудь разочароваться - настолько их привлекает этот процесс! На протяжении своей жизни я стала свидетельницей множества человеческих разочарований: в коммунизме, демократии, религии, политике, средствах массовой информации и пр., пр., пр., не говоря уже о мужьях, тещах и детях. Порой мне даже начинает казаться, что именно в разочаровании и заключается главный смысл человеческого бытия. И это тоже вполне объяснимо. Разочаровавшись во всем вокруг, человек со спокойной совестью может покинуть этот мир, с которым его больше ничего не связывает, с легкой душой, так сказать. Поэтому люди так и спешат все вокруг поскорее разлюбить и во всем разувериться. Такое стремление вполне понятно, однако проблема заключается в том, что сегодня человеку уже практически не в чем разочаровываться, то есть получается, что в данный момент подавляющее большинство людей на планете запросто можно было бы отправить на тот свет, причем помимо их воли, и они практически ничего бы не потеряли: настолько все вокруг понятно, просто, банально, прозрачно и шито белыми нитками.

Впрочем, возможно, это только кажущаяся простота, и границы человеческого разочарования простираются несколько шире, чем это представляется большинству современных людей. Помню, один мой знакомый француз как-то признался мне, что не так давно его постигло глубокое разочарование в... цветах. Дело в том, что он лишился работы, от него ушла жена, а незадолго до того еще и умерла его любимая мамочка. А тут как раз одна из его многочисленных баб зачем-то решила ему подарить герань, вероятно, для того чтобы как-то его утешить, и он не чувствовал себя таким одиноким, предаваясь созерцанию этого комнатного цветка. Но не успел этот несчастный принести к себе домой горшочек с геранью, как на следующий же день она у него завяла. Возможно, он просто забыл ее полить, точно не знаю, однако баба, которая ему подарила это растение, возьми да и ляпни ему, что цветы у плохих людей долго не живут, так как очень чувствительны к

злу, и этот факт, якобы, экспериментально проверен и доказан современной наукой. После этого он в ярости расфигачил свой злосчастный горшочек с геранью и навсегда преисполнился глубоким недоверием к цветам. По крайней мере, меня он вполне серьезно уверял, что и цветы, по его мнению, находятся чуть ли не в сговоре с окружающими его людьми и прониклись их лицемерием и ханжеством. А убедила его в этом история с геранью. Вот какие причудливые формы иногда способно принимать человеческое разочарование!

Между тем единственным, в чем ни один человек не способен до конца разочароваться, неизменно остается сама смерть! И прежде всего потому, что вряд ли кому-нибудь когда-либо удастся до конца разгадать ее загадку и постичь, как там все устроено. Что вовсе не означает, будто никто не пытается это сделать. Именно поэтому, обращая свой взор в сторону поэтов и художников, многие в первую очередь и стремятся отыскать среди них персонажей, поведение которых отклоняется от общепринятых норм, а вовсе не так называемых «профессионалов». Просто любые знания, которые можно получить в различных академиях и институтах, обычно нужны людям, чтобы как-то устроиться в жизни, тогда как в данном случае важнее оказывается опыт, соприкосновение с которым позволяет человеку переступить за привычные границы собственного «я» и, если так можно выразиться, «отрепетировать» свою смерть. Ибо искусство по своей природе гораздо в большей степени является *искусством умирать*, чем жить.

В этом же, я думаю, заключается и смысл бесконечной и всегда неожиданной смены стилей и моды - причем не только в живописи, архитектуре или литературе, но и в быту, - на которые большинство обывателей, озабоченных решением глобальных мировых проблем, почему-то часто склонны поглядывать свысока. И напрасно! Если это и шутка, то за ней явственно проглядывает улыбка самой смерти, хотя бы потому, что эта легкомысленная игра в переодевание и смену причесок лучше, чем что-либо еще, свидетельствует о масштабах и разнообразии подлинного разочарования, которые обычным людям и не снились! Разочароваться ведь можно не только в коммунизме или демократии, но еще и в длинной юбке и короткой стрижке, причем не раз.

И хотя у подавляющего большинства людей смерть ассоциируется исключительно со слезами, печалью и прочими мрачными вещами и атрибутами, в резкой смене моды тоже есть что-то фатальное, поскольку перед этими переменами человек оказывается почти столь же беспомощным, как перед смертью. Однако эта неспособность совладать с капризами переменчивой моды редко вызывает сочувствие и жалость со стороны окружающих. Человек, одетый не по моде, чаще всего смешон! Наверное оттого, что подобная неповоротливость и «неприспособленность» вовсе не является проявлением человеческой слабости, скорее, наоборот. Жан Жене признавался, что ему было неприятно даже стоять рядом с Ротшильдом. И совершенно очевидно, что неприязнь Жене к финансовому воротиле носила чисто эстетический характер, пусть и с некоторым оттенком кокетливого позерства. Вот и я имею в виду что-то в этом роде: подобная неприспособленность является знаком сытости, тупости и обывательской косности. Это тот редкий случай, когда богатство, знания и власть выглядят беспомощными перед чем-то легким, прозрачным и практически неуловимым. Неподвижно лежащее на земле бревно совершенно не реагирует на дуновения легкого ветерка, в то время как все растущие вокруг деревья, трава и цветы улавливают его волнующие прикосновения, шевелят своими листьями и прочими лепестками и пестиками. Этим, собственно, все живое в мире и отличается от мертвого.

Так и с модой. По реакции людей на ее постоянные и часто едва уловимые колебания тоже можно отличить «живое» от «мертвого». И от этих «колебаний», «дуновений» и перемен никому спрятаться не удастся. Именно поэтому утверждение, что за этой ни на секунду не прерывающейся игрой в переодевания и смену причесок скрывается не что иное, как «улыбка смерти», вовсе не кажется мне пустой метафорой. Бесконечное число раз в этой жизни встречаясь с чем-то неожиданным и новым, человек как бы проверяется

на прочность и готовность к последней встрече с *миром иным* - прошу прощения за этот невольный каламбур. Тогда как сама реальная, настоящая, физическая смерть, когда все вокруг сбиваются в кучу, рвут на себе волосы, рыдают и плачут, по сути, ни о чем существенном уже не свидетельствует. Лично я вообще никогда особенно не доверяла слезам, во всяком случае, доверяла меньше, чем смеху. Хотя бы потому, что смех и подделывать гораздо сложнее, чем слезы. Конечно, я не достаточно знакома с основами актерского мастерства и не изучала «школу Станиславского», но почти не сомневаюсь, что начинающим актерам проще научиться имитировать горе и плач, чем веселье и смех, а тем более улыбку, в которой и вовсе есть что-то по-настоящему неуловимое. К обычным людям это тоже относится.

Но как бы то ни было, а мертвые уже никак не реагируют на смерть и не боятся ее, в то время как все живое невольно трепещет при ее приближении. И только этим можно объяснить, почему одни испытывают настоящий панический ужас перед перспективой показаться уродливыми и смешными, а другим это абсолютно по барабану. Я вообще думаю, что два этих чувства вполне соотносимы: страх уродства и страх смерти. В то время как Блок долго и мучительно умирал, не в силах представить себя в новых, резко изменившихся условиях существования, какой-нибудь Демьян Бедный спокойно и безмятежно печатал свои наспех состряпанные вирши. И дело тут вовсе не в морали, а в инстинктах. Просто у Блока инстинктивный страх уродства оказался сильнее страха физической смерти, а у Бедного – наоборот. Можно было бы, конечно, предположить, что Блок просто-напросто заигрался и в результате слегка перепутал искусство с жизнью. Но что такое искусство и что такое жизнь?!

Вот тут, я думаю, и следует искать разгадку пресловутой холодной отстраненности и бесчеловечности практически любого эстетского жеста и поступка. Гений относится к окружающим его людям, как к бессловесному материалу, никак не засвидетельствовавшему в его глазах своей принадлежности к миру живых: как скульптор к куску мрамора, например. Если же кому-либо эта фраза покажется чересчур высокопарной, то эту мысль, вероятно, можно было бы сформулировать иначе. Пожалуйста: гений относится к окружающим его людям с юмором, а значит, без малейшего сочувствия! Ибо страх уродства обычного человека должен казаться ему явно недостаточным. И опять-таки нет никаких свидетельств, подтверждающих право того или иного субъекта подобным образом смотреть на окружающих, кроме разве что подлинности и искренности смеха, который они у него вызывают.

Существуют самые разные догадки по поводу природы смеха. Фрейд, по-моему, даже считал личностей с обостренным чувством юмора чуть ли не шизофрениками. А мне почему-то всегда казалось, что человек с обостренным чувством юмора должен быть каким-то таинственным образом связан со смертью и знать о ней чуточку больше, чем обычные люди. Достаточно вспомнить того же Гоголя, который является автором всем известной повести «Нос». Это произведение он, вне всякого сомнения, сочинил под впечатлением постоянного созерцания своей физиономии в зеркале, ибо нос у него, судя по сохранившимся портретам, был просто нечеловеческих размеров. Видимо, Гоголя очень смешило собственное лицо. Хотя настоящий юмор в эту ситуацию с носом внес все-таки не сам Гоголь, а именно Фрейд, причем почти сто лет спустя после смерти русского классика - следует это признать. И в самом деле, казалось бы, что общего между носом и мужским половым органом? Надо было обладать изрядным воображением, чтобы отождествить две столь далеко расположенные друг от друга части тела. Если уж на то пошло, то у большинства людей гораздо больше сходства между задом и головой. Вот это сравнение, особенно когда я говорю со многими своими знакомыми, можно сказать, так само собой у меня и напрашивается. Однако, если люди и сравнивают сегодня зад с головой, то только в шутку, а о сходстве носа и члена все говорят абсолютно серьезно, как о не подлежащем сомнению факте, к тому же еще научно доказанном и обоснованном. Ну разве это не смешно? Смешно! Хотя объясняется все предельно просто.

Фрейд поразил человеческое воображение именно неожиданностью своего сравнения, сопоставив то, что до него никому и в голову не приходило сравнить. А я по себе знаю, если тебе надо что-нибудь скрыть, как-нибудь оправдаться в глазах близких, но правду ты по каким-то причинам сказать не можешь, тогда выдумывай что-нибудь невероятное - такое, что нормальному человеку никогда не придет в голову. И все тебе поверят, потому что каждый будет думать, что сказанное тобой выглядит настолько диким, что, если бы ты хотела соврать, то наверняка выдумала бы что-нибудь более правдоподобное. Именно так Фрейд и поступил: его сопоставление кажется людям настолько невероятным, что если бы оно было нереальным, то такой солидный человек, доктор медицины, скорее всего, придумал бы что-нибудь более похожее на правду. Короче говоря, человечество попало на этот хорошо известный мне с детства трюк! И в результате на совершенно очевидное сходство головы с задницей сегодня почти никто не обращает внимания, и все только и делают, что шутят по этому поводу. А ведь человеческие голова и зад не только имеют одинаково округлую форму. После изобретения рентгеновского аппарата их сходство уже просто режет глаз, так как сделанные в анфас снимки головного мозга выглядят откровенно неприлично. Однако эта очевидность, видимо, и настораживает большинство людей, потому что в настоящей глубокой шутке обязательно должно быть что-то неожиданное и, самое главное, какая-то тонкость. Вот поэтому совместная шутка Гоголя и Фрейда по поводу носа удалась и до сих пор не утратила своей свежести и оригинальности. Я бы даже сказала, что параллель между носом и членом чем-то напоминает мне старинную изящную миниатюру в золоченой рамке, а отождествление головы с задом так и осталось грубым народным лубком. Какая уж тут тонкость! Такой юмор обычно еще называют «солдатским», а это значит, что ни о каком научном обосновании этого, вроде бы абсолютно очевидного, факта в ближайшие десятилетия, а возможно, и столетия, не стоит и мечтать.

Нечто подобное можно сказать и о человеческой жизни. На первый взгляд ее связь со смертью выглядит совершенно очевидной и как будто лежит на поверхности: человек смертен, *memento mori*, жизнь и смерть чередуются как день и ночь, после смерти человек попадает в рай и т. д. и т. п. Однако все эти разглагольствования находятся примерно на том же уровне, что и разговоры о сходстве человеческой головы и зада, потому что это и так всем ясно. А настоящую тонкость в запутанные отношения между жизнью и смертью способны внести только постоянные смены моды и стиля, ибо без них все было бы слишком грубо и понятно даже самым последним кретинам, вроде Демьяна Бедного. Скажи такому про голову и задницу - он сразу же начнет ржать как лошадь. А попробуй ему объяснить про сходства носа с членом - представляю, как у него сразу вытянется физиономия. Однако между жизнью и смертью существует примерно такое же тонкое и неуловимое сходство, как между носом и мужским половым органом.

Глава десятая

Мертвый сезон

Одна моя парижская знакомая - в высшей степени светская дама, правда, в весьма уже преклонном возрасте, но зато дочь «белого русского», и не просто, а генерал-губернатора города N, жена вице-президента Французского национального банка и пр., пр., пр. - как-то в приливе откровенности призналась мне, что без ума от Александры Марининой. Она прочитала буквально все ее книги и чуть ли не выучила их наизусть, настолько ей нравится эта писательница! Ничего удивительного, в принципе, однако это признание застало меня врасплох, особенно если учесть, что перед этим я битых три часа беседовала с этой почтенной особой о превратностях судьбы Луи-Фердинанда Селина и - самое печальное - уже успела презентовать ей экземпляр своего романа. И вот это последнее обстоятельство вызвало у меня самую большую досаду, потому что я вдруг ясно поняла,

что поклонница Марининой мой роман уж точно читать не станет, а просто-напросто выкинет его на помойку. Мелочь, конечно, но все равно обидно! И почему бы этой благородной даме не оповестить меня о своих вкусах в самом начале нашего знакомства вместо того, чтобы пудрить мне мозги в течение нескольких часов кряду?!

Впрочем, всерьез я, конечно же, и не думаю обвинять несчастную старушку, хотя бы потому, что в ее поведении невозможно усмотреть какой-либо умысел. Уж если кто и виноват в моей оплошности, то, скорее всего, Селин! Раз беседы о нем стали сегодня своего рода знаком хорошего тона в обывательской среде, то кого еще обвинять, как не его? Искусство ведь существует для того, чтобы вносить в этот мир хоть какую-то ясность, и главная ответственность за это, само собой, лежит на гениях. А получается, что ясность в описанную мной ситуацию внесла Маринина, считающаяся автором откровенно бульварного чтива, тогда как классик мировой литературы Селин, наоборот, все запутал, и именно из-за него я лишилась экземпляра своего романа, который, ко всему прочему, был у меня чуть ли не последним оставшимся от ничтожно маленького тиража.

И это Селин! А что говорить о Данте, Гомере, Петрарке, Шекспире, Боккаччо, Мольере, Сервантесе, Гете и Иисусе Христе! Сколько путаницы внесли в мир все эти личности! А сколько напрасно потерянных сил, времени и бабок повлекла за собой эта путаница! В итоге в наши дни только признание в любви к авторам детективов и «женских романов», да еще к поп-исполнителям, вроде Киркорова и Билана, способно что-то сказать о человеке окружающим и хоть как-то охарактеризовать его умственные способности. Все остальное не значит ровным счетом ничего!

Естественно, сама я всегда предпочитала книги Гомера и Данте книгам Марининой, а с учетом сказанного выше, вероятно, вообще никогда не могла бы позволить себе признаться в своей любви к ее творчеству, даже если бы была дочерью генерал-губернатора и имела мужа-банкира. Тем не менее краем глаза мне все-таки довелось видеть кое-какие куски телесериала, снятого по ее произведениям.

Само собой, только профессиональный следователь, каковым, как я слышала, когда-то была эта писательница, в состоянии поведать читателям о коварных физиках, создавших особое устройство, способное на расстоянии воздействовать на людей таким образом, что те начинают проявлять немотивированную агрессию. Это устройство было установлено на крыше одного научно-исследовательского института, отчего в окрестностях института резко пополнился вверх кривая преступности.

Или же о том, как какая-то баба с дикими воплями выскакивает из окна пятого этажа, прихватив с собой двоих своих малолетних детей. Однако по какому-то чудесному стечению обстоятельств они все остаются живы, правда, получают увечья. Мамашу определяют в сумасшедший дом, а детей, соответственно, в интернат для инвалидов. Между тем по ходу фильма выясняется, что все дети этой безумной бабы наделены какими-то сверхъестественными способностями. Ее старшая дочка может пахать день и ночь сразу на десяти работах и совсем не чувствовать усталости, что позволяет ей регулярно зарабатывать на передачи в больничку братику и еще откладывать деньги ему на операцию. А ее сестра и вовсе наделена экстраординарными способностями к математике, из-за чего ее даже похищают мафиози, чтобы продемонстрировать этого чудорбенка арабскому шейху, а потом замочить - не совсем, правда, понятно почему, но в конце концов все проясняется. Они хотят продать шейху новое научное открытие некоего доктора по имени «дядя Саша», додумавшегося особым образом облучать своих беременных жен, которых он постоянно менял, причем исключительно в научных целях. Из-за этого, собственно, несчастная мамаша и сиганула в окно вместе со своими детьми в самом начале этой запутанной истории - после того как узнала, что она и ее дети являются жертвами этого зловещего эксперимента... Все это, безусловно, почерпнуто бывшим следователем из ее богатого жизненного и служебного опыта, так как обычным людям, далеким от милицейских будней, такое бы никогда и в голову не пришло.

Но больше всего меня поразило, что истинным alter ego автора является вовсе не следователь Каменская, как мне почему-то все время казалось (все-таки тоже следователь), а некая писательница с говорящей фамилией «Томилина», силуэт которой ближе к концу сериала все чаще стал мелькать на заднем плане, а затем, кажется, и вовсе потеснил главную героиню. И вот эта писательница, в полном соответствии со своей фамилией, оказывается, ужасно томится, а точнее, тяготится своим нынешним положением. В частности, ее жутко раздражают всякие амбициозные журналисты, которые не желают признать в ней настоящую писательницу, несмотря на то, что ее талант уже признали миллионы сограждан, о чем красноречиво свидетельствуют гигантские тиражи ее книг. Короче говоря, насколько я могу судить, писательница Томилина-Маринина в настоящий момент переживает глубокий душевный кризис и всерьез тоскует об элитарности. И должна сказать, только в тот момент, когда до меня это дошло, я впервые по-настоящему усомнилась в умственных способностях этой дамы. Черт возьми, у меня этой элитарности хоть жопой ешь! О, я бы с удовольствием с ней поменялась: элитарность в обмен на бабки, тиражи, роль в сериале и, самое главное, волшебную способность вносить окончательную ясность во все жизненные ситуации. Как жаль, что это невозможно! А то мы могли бы встретиться где-нибудь на границе, совсем как в фильме «Мертвый сезон», и совершить change. Я очень хорошо представляю себе эту картину: мы идем навстречу друг другу, постепенно ускоряя шаг, и, наконец, отбросив приличия, бросаемся бежать, каждая – к тому, что ей так дорого и близко!

Глава одиннадцатая

Оправдание письма

В занятии литературой все-таки есть что-то ненормальное и даже неприличное. Как бы ни был наивен Толстой, но и он, кажется, немного в это врубался. Насколько я помню, Толстой как-то сравнил поэта с крестьянином, который идет-идет за плугом и вдруг начинает танцевать. То есть Толстого тоже прежде всего смущала противоестественность этого занятия. Странно только, что Толстой заметил ее исключительно в стихах, а собственное прозаическое творчество и морализаторство, судя по всему, считал вполне respectableм. Лично мне кажется, что ненормальность занятия литературой вовсе не исчерпывается сферой стихосложения, а простирается гораздо шире, охватывая все остальные жанры.

В советские времена, конечно, писатели получали определенные привилегии. Однако обладание роскошной квартирой и правом на бесплатные путевки в санатории еще, видимо, не являются достаточным основанием для того, чтобы человек взялся за перо и начал кропать романы и, тем более, стихи, и при этом не выглядел бы со стороны смешным. Надо все-таки до конца почувствовать и осознать подлинную меру противоестественности этого занятия. Тут никакие квартиры и дачи не помогут! К тому же, квартир, дач и машин в советские времена у писателей было явно недостаточно, во всяком случае для того, чтобы с такой энергией во всеуслышание заявлять о своей любви к миру, окружающим их людям и так называемому добру. Хотя у них все же присутствовал более-менее понятный мотив, способный хоть как-то оправдать их поведение. Если же человек и вовсе просто так, ни с того ни с сего, вдруг начинает говорить о своих возвышенных чувствах, то это уже совсем ни в какие ворота не лезет.

Ни для кого не секрет, что по-настоящему талантливыми педагогами чаще всего становятся педофилы. Впрочем, вероятно, правильнее было бы сказать: хорошие учителя на поверку довольно часто оказываются педофилами. Однако суть от этого не меняется! И в этом нет ничего удивительного. Само слово «педофил» буквально означает: «любящий детей». Точно так же, как философ – тот, кто любит мудрость, а филолог – слова. Конечно,

«педофил» любит детей несколько странной любовью, может быть, чересчур сильно, то есть не так, как обычно принято. Но все равно он своих учеников любит, чего никак нельзя сказать про остальных учителей, которые своих подопечных главным образом достают. И все потому, что в отличие от «педофилов», они вынуждены любить детей практически совершенно бесплотной любовью, не подкрепленной никакими серьезными причинами, кроме нищенской зарплаты. И последствия этого противоестественного проявления духовности несчастные дети в полной мере ощущают на себе! Разумеется, по мере увеличения зарплаты будет возрастать и любовь учителей к детям. Однако даже в самых богатых и благополучных западных странах лучшими учителями все равно в большинстве случаев остаются педофилы. То есть для того, чтобы по-настоящему любить детей, терпеть все их шалости и проказы, одной зарплаты все-таки недостаточно. Необходимо нечто более глубокое и значительное! Парадокс заключается в том, что обычные учителя все время всячески раздувают и выставляют свою любовь к детям напоказ, а наиболее талантливые из них, то есть педофилы, вынуждены эту любовь немного скрывать. При этом выбор ими профессии педагога на самом деле выглядит наиболее естественным и логичным. Вероятно, то же самое можно сказать и о литературе или же, по крайней мере, о литературе для детей. Лучшие детские писатели тоже обычно бывают педофилами, достаточно вспомнить автора «Алисы в стране чудес». Кстати, я где-то читала, что Льюис Кэрролл не просто чересчур сильно любил маленьких девочек и мальчиков, но считается еще одним из возможных претендентов на роль знаменитого лондонского маньяка Джека-Потрошителя, личность которого до сих пор так и осталась до конца не установленной. И я бы несколько не удивилась, если бы именно так оно и было. У человека, взявшегося за написание книжек для детей, должны быть для этого достаточно веские причины. В данном случае репутация детского писателя должна была еще отводить от Кэрролла подозрения полиции. Короче говоря, с литературой для детей мне все более-менее понятно, а вот с остальными видами литературной деятельности я пока так и не разобралась. Определенно могу сказать только одно: чем возвышеннее писатель, тем противоестественней и комичней он выглядит. И тем сильнее, соответственно, он своей духовностью достает читателей.

Между тем я заметила одну странную вещь: стоит только сейчас заикнуться о своем скептическом отношении к «духовности», как всех вокруг буквально начинает корезить. В свое время Ницше лез вон из кожи, всячески распинался о смерти метафизики, а немецким бургерам было и на него, и на все его прозрения глубоко плевать, и почти никто из них на него особо не обижался. Более того, сегодня тысячи философов во всем мире подхватили эту тему и всячески муссируют ее в своих диссертациях и на многочисленных конференциях, причем не просто без видимого сожаления или отстраненно, а, я бы даже сказала, с тайным наслаждением. Такое впечатление, что словосочетание «смерть метафизики» им всем очень нравится и ласкает слух. Однако о духовности те же самые люди, как правило, пишут и говорят с каким-то прямо нечеловеческим надрывом, как будто перед ними не отвлеченное понятие, а неизлечимо больной родственник, на которого они не в состоянии глядеть без слез. А ведь между «духовностью» и «метафизикой» вроде бы нет никакой существенной разницы! Достаточно открыть любой толковый словарь и внимательно проанализировать значение двух этих слов: они оба означают нечто нематериальное и присущее исключительно человеку.

Безусловно, человек, сочиняющий научный труд о смерти метафизики и всячески отстаивающий эту гипотезу, сам все-таки занимается чем-то духовным, то есть тем, что абсолютно не интересует тех же котов, например. Поэтому ему и обидно, когда эту его духовность кто-нибудь ставит под сомнение. Но скорее всего дело не только в этом. По моим наблюдениям, чем меньше люди читают книг, чем дальше они от литературы и философии, тем сильнее они держатся за это слово. А, казалось бы, уж им-то и вовсе

должно быть все по барабану, так как ни к какой духовности они сами никогда никакого отношения не имели.

Неделю назад я ездила в гости к своей мамаше на дачу, где опять была вынуждена выслушивать ее тирады по поводу насилия, убийств и всевозможных извращений на экранах ТВ, которые, по ее мнению, и привели к окончательному упадку нравственности в нашей стране. Вот недавно из новостей она узнала, как в одной деревне папаша с мамашей привязали своего годовалого сыночка к батарее, надев ему на шею собачий ошейник, и так продержали больше года, пока он не умер от хронического недоедания. А бабушка с дедушкой все это время спокойно за этим наблюдали, так как им казалось, что их внучек очень прозорливый и иначе с его аппетитом справиться невозможно. В семействе было еще двое детей, и еды на всех не хватало.

Или еще более ужасный случай из жизни маньяка, который в молодости был довольно-таки привлекательным и пользовался успехом у баб. Он обожал смотреться в зеркало и готов был заниматься этим часами, но однажды вдруг обнаружил у себя на лбу морщинку и ужасно расстроился. Тут-то он и понял, что нужно ему с этим что-то срочно делать, иначе морщин будет все больше и больше и скоро он весь ими покроется, превратившись в убогого старика. А ему хотелось во что бы то ни стало остаться молодым и красивым. В результате он женился на какой-то умственно отсталой тетке, которая практически каждый год рожала ему по ребенку. Ну а он этих младенцев потрошил и съедал самые, по его мнению, важные для омоложения органы: печень и сердце. Кроме того, он неизменно присутствовал при родах и первым делом заглатывал плаценту, так как где-то прочитал, что именно ее добавляют в наиболее дорогие и эффективные кремы для лица. Таким образом, он сожрал внутренности пяти или шести своих собственных детей, чьи трупы сжег в ближайшем лесу. Еще он постоянно пил молоко своей жены. Короче говоря, все эти меры привели к тому, что он в свои сорок семь выглядел на двадцать и по-прежнему очень нравился девушкам. У него вообще была мечта: прожить до ста тридцати двух лет, а если получится, то и больше. Но ничего не вышло, так как слабоумная жена в припадке ревности зарубила его топором. Правда, эту историю моя мамаша услышала от соседки по даче, а не из телевизора. Однако все это случилось и стало возможным исключительно потому, что все эти жуткие личности насмотрелись американских боевиков и триллеров.

Естественно, я не решилась ей возражать, а тем более говорить о своей неприязни к любым проявлениям духовности. Представляю, что бы с ней стало! Точнее, со мной. Зато, думаю, ей я могла бы запросто сказать, что метафизика давно умерла, поэтому и волноваться особенно не о чем. Мысленно я даже несколько раз смоделировала ситуацию, как я вдруг ненароком вставляю в наш разговор фразу про «смерть метафизики». Она бы точно ничего не заметила. Хотя, должна признаться, и на это в ее присутствии я так и не решилась. Мало ли что ей могло послышаться.

Таким образом, выходит, что все дело в словах, а не в явлениях, которые за ними стоят. Короче говоря, когда берешься о чем-либо писать или говорить, очень важно помнить о словах, которые ты используешь, ибо на них окружающие и будут прежде всего реагировать. Предмет же твоих рассуждений никого не колышет. Думаю, что большинство ученых это прекрасно чувствуют, поэтому и предпочитают распространяться про печальную участь метафизики, а духовность не задевать. Писатель, к сожалению, подобного выбора лишен, так как метафизика является сугубо научным термином, а он вынужден изъясняться на понятном всем языке.

Так получилось, что там же на даче я пересмотрела "Калину красную". И раньше, кстати, не могла понять, что в этом фильме примечательного, а теперь вот снова невольно задалась этим вопросом. Есть, наверное, советские фильмы, незаслуженно забытые или обретшие ныне какое-то новое звучание, но этот определенно не из их числа - наоборот, как-то чересчур много привлекает к себе внимания и абсолютно непонятно почему.

Начнем с того, что он элементарно плохо сделан. Обычно я не особо обращаю внимание на так называемый профессионализм, но тут его отсутствие просто бросается в глаза. Как у платья, у которого все швы небрежно и наспех сметаны и выступают наружу. Ритм повествования какой-то рваный, но очевидно не специально, а так уж вышло. Ключевая сцена свидания с матерью и вовсе напоминает хронику из семейного архива, снятую на любительскую камеру. И опять же, скорее всего потому, что режиссер куда-то очень спешил и переснимать дубли ему было некогда. Нет, я понимаю, что он здорово квасил и ему порой было не до кино. Однако зрителю от этого не легче. Характерно, что в фильме нет ни одной запоминающейся эпизодической роли, и это при том, что в те времена радио «Шансон» еще не доставало пассажиров маршруток, и найти в уголовной среде какую-нибудь не затасканную натуру или же, на худой конец, хотя бы более-менее живую интонацию или шутку, наверное, было не так уж и сложно. Но, увы! Зато везде и всюду маячит крупным планом фигура главного героя в исполнении самого Шукшина. Иногда бывает, что какой-нибудь актер привлекает к себе внимание яркой внешностью или талантом и тем самым как бы отодвигает на задний план остальных участников фильма, но в данном случае Шукшин, похоже, решил заслонить собой всех остальных в самом буквальном смысле этих слов: физически. Сполна воспользовавшись при этом своим положением режиссера. В сцене в ресторане, о которой в фильме предварительно довольно много говорят, так как главный герой после «отсидки» собирается там как следует оттянуться, мы опять видим исключительно Шукшина и фактически больше никого. А ведь несчастные советские зрители, не слишком избалованные подобными вольностями, наверняка тоже были бы не прочь немного оттянуться и ждали увидеть нечто более интересное. Можно было бы и о них немного подумать, а не только о себе. В результате где-то к концу фильма я почувствовала, что уже просто не могу больше видеть этого назойливого типа, каждый жест которого исполнен сознания собственной значимости и исключительности. А по степени нарциссизма и неприкрытого самолюбования Шукшина в этой роли можно сравнить разве что с Высоцким, на которого сегодня более десяти секунд тоже уже невозможно смотреть. К счастью, фильм наконец-то закончился, а то бы меня, вероятно, просто стошнило.

Интересно, что, комментируя фильм, который демонстрировался по ТВ, какая-то актриса, знакомая Шукшина, рассказала довольно любопытную историю о том, как к нему в гости, когда он еще был не особенно известен, но уже жил в Москве, зашел Тарковский. Тарковский как раз недавно получил премию Венецианского кинофестиваля и, пребывая в отличном расположении духа, стал отплясывать вместе со своей подружкой модный в то время танец твист. Шукшин же на протяжении всего танца мрачно сидел в углу,пил, а потом вдруг встал и со значением произнес: «Я вас всех обойду!» Очень легко себе эту сцену представить, по-моему. Не знаю, что хотела продемонстрировать своим рассказом знакомая Шукшина, скорее всего романтическую сложность его характера, но лично меня эта история заставила еще раз убедиться в том, что я не напрасно всегда испытывала сильное недоверие к личностям из сельской местности. И практически всегда, кстати, это недоверие оказывалось оправданным.

Есть, правда, в этом фильме одна интересная сцена. Где-то ближе к концу, по-моему, все тот же главный герой в приливе охвативших его чувств катается по траве под холмом и даже, кажется, смахивает с лица скупую мужскую слезу, а в это время на заднем плане - не сразу, а как-то не очень решительно и на не очень продолжительное время - в кадр попадает православный собор, - попадает, а потом опять исчезает... Эта сцена кажется мне в высшей степени символической. Здоровенному мужику с квадратной головой в тот момент очень тесно в этом мире, ибо пространство вокруг настолько сужено, что он не может себе позволить сходить в храм, - так его несчастного притесняют. Хотя в смысле общения все у него, казалось бы, не так уж и плохо, поскольку чуть раньше он уже, вроде бы, сходил в баню, где излил душу своему знакомому. Однако для полного счастья ему этого явно мало, так как храм в кадре может пока оставаться только очень

непродолжительное время. И чтобы его вообще показать, режиссеру (он же главный герой) потребовалось немалое мужество. Таким образом, некоторое несовпадение так долго и навязчиво демонстрировавшейся непомерной широты натуры героя фильма со столь явной узостью окружающего его социума все-таки придают определенный драматизм всей ситуации и отчасти оправдывают присутствие данного персонажа на экране: было, значит, зачем снимать кино, не обо всем в бане удалось рассказать. А когда и в храме, и в бане, и даже по телевизору - в какой-нибудь передаче «К барьеру» - можно будет без проблем излить свою душу, тогда он и подобные ему наконец-то обретут полную свободу. Правда, тогда они сами, как и их произведения, окончательно станут никому не интересны. Что, собственно, сейчас и произошло.

Пример Шукшина, который, как известно, был еще и писателем, неплохо показывает, что не только литература, но и любой другой вид искусства, включая кино, для большинства людей является совершенно ненужным занятием. Поскольку они и так могут ходить в гости, сауны, бары, клубы, встречаться там со своими знакомыми и говорить с ними о том, что их волнует. Зачем тогда садиться за стол и водить рукой по бумаге? Возможность вступить с кем-нибудь в прямой диалог, по-моему, вообще начисто исключает необходимость облекать свои мысли и чувства в письменную форму. Иначе писатель действительно становится похож на крестьянина, который идет за плугом и вдруг начинает танцевать. Поэтому в человеке должно быть нечто такое, что мешает ему вступить в непосредственное общение с окружающими - пусть даже тайный порок или преступление, - тогда, возможно, и его тяга к литературе не будет выглядеть столь нарочитой и бессмысленной. Более того, я заметила, если автор в своих произведениях высказывает о себе все и до конца, то и его книги тоже парадоксальным образом перестают отличаться от обычных разговоров и болтовни, хотя и запечатленных на бумаге. С этой точки зрения только предельное одиночество способно оправдать абсолютно противоестественный и избыточный акт, каковым по своей природе является письмо.

Глава двенадцатая

Однажды в России

Сколько себя помню, я всегда очень любила кофе, причем не просто любила, а любила страстно – этот эпитет лучше всего отражает мое отношение к этому напитку! Стоит мне просто пройти мимо какой-нибудь забегаловки с надписью «Кофе», где на вывеске нарисованы аппетитные кофейные зерна, как у меня прямо так и начинает течь слюна. При этом мне нравится даже растворимый кофе, потому что зерновой у нас, как правило, варить не умеют, за редкими исключениями. Поэтому, когда в гостях у каких-нибудь малознакомых личностей мне предлагают «чашечку кофе», я всегда предпочитаю растворимый, так как в этом случае у меня есть хотя бы возможность разглядеть этикетку на банке, из которой мне насыплют кофе в чашку, тогда как никто не может тебе дать гарантию, что из молотых зерен вместо кофе тебе не сварят какую-нибудь откровенную бурду. Пожалуй, только однажды мне довелось попробовать настоящий кофе, приготовленный в специальном аппарате под мощным давлением. Таким кофе меня угостил мой парижский знакомый, который по причине почтенного возраста сам уже не слишком им злоупотреблял, хотя тоже очень любил, а я выпила целых две чашки. И это было великолепно! Помню, я потом всю ночь не могла сомкнуть глаз, но на следующий день все равно чувствовала себя на редкость бодрой и полной сил. А в Петербурге я все-таки предпочитаю растворимый.

И видимо, когда что-то очень сильно любишь, то рано или поздно это должно принести тебе хоть какие-нибудь плоды. Забавно, но еще каких-нибудь пять-шесть дней тому назад мне и в голову бы не пришло произнести вслух нечто подобное! Но тут вдруг я получила извещение о том, что на почте меня ждет некая «простая бандероль». Я сразу подумала, что это мне опять прислали какие-нибудь журналы из Парижа - ну, в общем, как обычно.

Но когда я пришла на почту, мне вручили вовсе не обычную, «простую», бандероль, а подозрительно длинный и узкий сверток. Взяв его в руки, я слегка отковырнула краешек почтовой бумаги с одной стороны и обнаружила там коричневую изогнутую деревянную ручку. Боже мой, я поначалу глазам своим не поверила! Оказалось, что в эту бумагу был завернут зонтик! Великолепный большой зонтик золотого цвета, на котором коричневыми буквами было написано «Нескафе Голд»! Я была просто потрясена. Тем более, что я давно уже собиралась купить себе именно такой: с загнутой деревянной ручкой. А когда я вышла на улицу, то сверху посыпался мокрый снег с дождем, и я, раскрыв этот зонтик, обнаружила, что он прекрасно защищает меня от влаги, льющейся сверху. На другой стороне улицы в это время проходила компания пьяных молодых людей, и кто-то из них истерично и восторженно завопил: «О Нескафе Голд, это сделал ты!»

И действительно, этот зонтик я получила в награду за участие в рекламной компании кофе «Нескафе Голд»! В рекламном ролике с экранов телевизоров негр в золотом цилиндре и золотом плаще вместе с бабой точно так же радостно скакали и пели: «О Нескафе Голд, это сделал ты!» При этом они уверяли, что каждый, кто отправит в конверте по особому адресу три ярлычка от банок этого кофе, может выиграть «фотокамеру мечты». С того самого момента, когда я услышала эти заманчивые обещания, я стала покупать себе исключительно баночки кофе этой марки и всякий раз внимательно их осматривать. Это занятие не доставляло мне большого труда, к тому же баночки из-под кофе так прекрасно пахнут. А на обратной стороне этих баночек я тоже без особого труда обнаруживала небольшой отмеченный пунктиром лоскуток, который явно предназначался для того, чтобы его отрывали. Честно говоря, первый такой ярлычок я оторвала после некоторого колебания, но мне ужасно хотелось выиграть «фотокамеру мечты», то есть цифровую видеокамеру, или же на худой конец фотоаппарат, и я переступила через это внутреннее табу, преодолела предубеждение, постаравшись уверить себя в том, что все это не откровенное надиралово, хотя небольшой опыт участия в некоторых отечественных литературных премиях, например, у меня как-никак уже имелся. Правда, в глубине души я, конечно же, понимала, что это все тоже обычные рекламные трюки, предназначенные для идиотов.

Как бы то ни было, но ярлычок я оторвала, а постепенно у меня скопилось огромное количество таких ярлычков. И наконец, я решила их собрать и отправить в конверте по указанному адресу. Я купила конверт, сложила туда ярлычки – для начала, кажется, штук семь-восемь – и опустила конверт в почтовый ящик. Надо сказать, что практически на следующий день я совершенно забыла об этом своем поступке, разве что всякий раз, покупая новую банку «Нескафе Голд» и обнаруживая на ней такой ярлычок, я вдруг что-то смутно вспоминала и невольно жалела, что теперь он мне не пригодится, ибо рекламная акция уже закончилась. В общем, моя жизнь с окончанием этой акции тоже как-то немного обеднела и как будто лишилась какого-то дополнительного смысла... Потом наступило лето, я уехала на дачу и вовсе позабыла обо всей этой чепухе. И вдруг такая удача! Красивый удобный зонтик с изогнутой деревянной ручкой был в моих руках и защищал меня от дождя и снега!

Этот успех еще больше вдохновил меня на участие в других акциях (в которые, честно говоря, я уже и без того успела втянуться), правда, только в тех, где нужно было собирать разные ярлычки, потому что иногда приходится наткаться на предложение: «Подробности нашей рекламной акции вы можете прочитать в таком-то номере газеты...». Вот это кажется мне уже чересчур сложным: покупать какую-то газету, да еще отслеживать специальный номер. С ярлычками все гораздо проще! Все равно ведь приходится приобретать зубную пасту, и мне не составляет особого труда оторвать от коробочек и отправить по почте три ярлычка со штрих-кодами. За это счастливый победитель может выиграть домашний кинотеатр, ну а в качестве утешительного приза – годовой запас зубной пасты!

А рекламная акция сигарет «Честерфилд» даже придает дополнительный смысл курению: во всяком случае, с ее началом лично мне теперь уже не так жалко тратить бабки на сигареты. В одной пачке с красной лентой я как-то обнаружила вкладыш коричневого цвета под номером два, где было сказано, что нужно собрать еще два таких вкладыша: соответственно, с номерами один и три, правильно заполнить их, а потом отослать по указанному адресу. И все! Довольно-таки скоро я обнаружила два недостающих вкладыша в двух других пачках «Честерфилда». Я заполнила их, ответила на вопрос, который, надо сказать, не потребовал от меня особых умственных усилий, и решила, что на этом моя миссия выполнена, так как ни один найденный мной вкладыш не пропал даром. Однако оказалось, что все далеко не так просто. Ведь курить я не бросила, поэтому практически каждый день я по-прежнему покупала эти сигареты, да еще по две-три пачки, и в каждой из них находила вкладыши, так как рекламная акция все продолжалась и продолжалась. Поэтому я решила еще раз собрать все три вкладыша, но на сей раз мне упорно попадались только коричневые. А они должны были быть разных цветов: коричневый - с большим желтым листиком, красный - с множеством более мелких желтых листиков, а синий - с целой гирляндой маленьких желтых листочков. Но мне все время попадались только коричневые! Тем не менее я решила их не выбрасывать и откладывать в буфет на полочку – вдруг мне повезет, и я опять соберу целый набор. И вот однажды мне-таки попался синий! Я сложила их вместе, но доставало еще одного – красного. Вместо него в пачках, которые я покупала, все время упорно попадались одни коричневые, как будто нарочно. Но как-то я шла по улице и увидела прямо под ногами недостающий вкладыш: он валялся в луже и был сильно измят, но я все равно его подобрала. Дома я его высушила, выгладила и почистила. И теперь у меня оказался еще один требуемый набор вкладышей. Я снова сложила их в конверт и опустила в почтовый ящик. Между тем акция все продолжалась, а я покупала сигареты, и вкладыши мне тоже продолжали попадаться. Во мне уже проснулся настоящий азарт: купив пачку сигарет с красной лентой, я сразу же открывала ее и смотрела, какой вкладыш попадет на сей раз. Но теперь мне стали попадаться только синие вкладыши - очевидно, все остальные уже стали дефицитом. Но все-таки через какое-то время мое терпение и упорство были вознаграждены, и я опять собрала все три: коричневый, красный и синий! Этот набор, в свою очередь, тоже был вложен мной в конверт и отправлен по нужному адресу. В результате мне удалось собрать, кажется, пять или шесть таких наборов, и все я отправила по почте. Потом, подумав, что, может быть, для одного человека это слишком много и не стоит перебарщивать, я стала собирать вкладыши уже как бы от имени моего мужа, который вообще не курит, но ведь это не так уж важно. Правда, пока мне повезло только с кофе, но это еще ничего не значит, так как зонтик я ведь получила уже тогда, когда и думать забыла обо всей этой чепухе.

А тут как раз исполнилось восемьдесят пять лет Солженицыну! Конечно, было бы большой натяжкой сказать, что неожиданное обретение мною зонтика прямо день в день совпало с юбилеем Солженицына, отчего я вижу в этом совпадении какую-то неслучайную и глубокую связь между двумя «великими писателями земли русской», то есть мной и Солженицыным. Хотя зонтик и вправду я обрела где-то в середине прошлой недели, ну, может быть, днем раньше юбилея: Солженицын, насколько я помню, как раз тогда несколько раз промелькнул на экранах ТВ и, судя по всему, стал здорово похож на памятник Достоевскому, который несколько лет назад открыли на углу Кузнецкого и Большой Московской. Просто вылитый Ф. М.! Однако дело не в этом.

Первым произведением Солженицына, которое мне попало еще в школе, стал «Один день Ивана Денисовича». Тогда он уже был запрещен и, естественно, в школьную программу по литературе не входил. Мне его дала прочитать подруга. Она принесла мне старую затрепанную «Роман-газету» с портретом писателя на обложке. Я читала «Один день.» всю ночь, скрываясь от родителей, с фонариком под одеялом. И я была просто подавлена этими подробнейшими описаниями прожженных валенок, дырявых ботинок, залатанных фуфаяк, рваных рубах, стаканов махорки, отмеренных с особой

тщательностью, бревен, шлакоблоков, цемента, ломтей и крошек хлеба, корочек, которые главный герой заворачивает в чистую тряпочку и хранит до обеда специально, чтобы начисто вытереть ими миску из-под каши и, наконец, лютого сибирского мороза... Помню, тогда эта книга, как тяжелый непосильный труд, придавила меня к земле, не оставляя в дальнейшем ни малейшей надежды разогнуться. Персонажи этого рассказа, как старательные тупые муравьи, упорно снуют туда-сюда, пробивая себе дорогу к свету, к теплу, к пище. И я вдруг почувствовала ужасную тоску оттого, что мне тоже неизбежно когда-нибудь придется вписаться в этот человеческий муравейник и всю жизнь таскать и таскать соломинки, тряпочки и крупинки. Эта перспектива буквально повергла меня в отчаяние. Но чтобы выжить, муравьиной работы было явно недостаточно – необходимы были еще крайняя порядочность, обостренное чувство собственного достоинства и какое-то нечеловеческое смирение. В частности, один из персонажей «Дня» - некий Цезарь Маркович, который, насколько я помню, стоял и гордо курил, прислонившись спиной к барраку, - оставляет свою недокуренную сигарету вовсе не какому-то жадно смотрящему ему в рот прихлебателю, а именно исполненному собственного достоинства Ивану Денисовичу, смиренно стоящему в сторонке и ничего ни у кого не кланчающему. И вот это последнее условие уже окончательно вогнало меня в депрессию, так как я почувствовала, что совершенно неспособна выполнять все требования взрослой жизни. То есть если муравьиную работу я выполнять еще более-менее способна, то все остальное показалось мне абсолютно непосильным! И следовательно, я для этой жизни просто не подходила.

Но самое главное свое расхождение с Солженицыным в понимании жизни и окружающих меня людей я прояснила для себя уже много позже, и его - это расхождение - очень легко почувствовать, если взять и сравнить день из жизни Ивана Денисовича, который, очевидно, является прообразом самого автора, с одним днем Маруси, то есть меня, занятой собиранием разных ярлычков с целью получения какого-нибудь приза.

Теперь я уже точно знаю, что для успеха в этой жизни вовсе не достаточно много трудиться, старательно собирать всякие ярлычки и этикетки, что-нибудь там переводить, воспитывать детей, быть не просто хорошей писательницей, а еще очень скромной и издавать свои книги совсем небольшими тиражами. Нет, всего этого человеку в современном мире может не хватить даже для того, чтобы ему достался хотя бы этот злосчастный зонтик, который я тут уже так подробно описала, а не то чтобы там выжить в экстремальных условиях и заполучить Нобелевскую премию! Все-таки надо отдавать себе отчет в том, что и при самом благоприятном для меня раскладе, когда все ярлычки и этикетки совпали и выбор руководителей компании «Нескафе Голд» окончательно пал на меня, все еще могло закончиться далеко не столь благополучно. Потому что стоило хоть одной из сотрудниц, работающих на этом почтовом отделении, пронюхать, что в посылке находится предмет, о существовании которого получатель в моем лице абсолютно не подозревает и поэтому никогда в жизни не спохватится в случае его пропажи, ну и отправители, в свою очередь, тоже вряд ли когда-либо заинтересуются судьбой этой «простой бандероли» - так вот, достаточно только повнимательней взглянуть в физиономии всех этих баб, которые за гроши вкалывают сегодня на почте, чтобы понять, что при таком раскладе мне уж точно никогда бы не видать этого замечательного зонтика как своих ушей! К счастью, на почте никто ни о чем не догадался.

Короче говоря, в отличие от Солженицына я считаю: если тебе все же удастся выжить, то для успеха в этом мире, прежде всего необходимо, чтобы тебе не просто повезло, а очень крупно повезло, причем минимум дважды в одной и той же ситуации. Как мне - с зонтиком!

Глава тринадцатая

Сущность постмодернизма

В детстве, когда я еще не умела говорить и, ползая по полу, перебирала валявшиеся там кубики, шарики, тряпочки и колечки, родители далеко не всегда объясняли мне предназначение и название попадавшихся мне предметов - у них на это не хватило бы сил и времени. О многом я вероятно догадалась сама. Нечто подобное произошло и с постмодернизмом, изучением которого я никогда специально не занималась. Однако более-менее устойчивое представление об этом явлении я все равно себе постепенно составила. Просто потому, что мне постоянно приходится наткаться на это слово.

Во-первых, я немного знаю языки и понимаю, что в данном случае речь идет о чем-то, последовавшем сразу же за модернизмом: сменил же в свое время в живописи постимпрессионизм импрессионизм, а постиндустриальное общество в современном мире потеснило индустриальное. В последнем, впрочем, я не слишком уверена, но точно слышала, что такая смена вроде бы кое-где уже практически полностью свершилась. Поэтому, как бы я ни косила порой под дуру, дабы скрыть истинные масштабы своей непросвещенности, я вынуждена признать, что значение приставки «пост» во всех этих сложносоставных словах мне известно и в переводе на русский с иностранного означает «после». Выпускница филологического факультета университета не может этого не знать – прикидываться бесполезно, все равно никто не поверит.

Нужно ли говорить, что в душе я всегда ужасно завидовала Жану Жене: его бродяжничеству, отсутствию родителей, которые все время тебя достают, семьи, детей, над которыми опять-таки нужно трястись, что-то им обязательно готовить, и которые тоже тебе постоянно стараются испортить настроение, и даже тому, что у него не было своей квартиры, поскольку за вычетом времени, проведенного в тюрьме, Жене жил исключительно в гостиницах. Но самое главное, он мог спокойно игнорировать все новейшие течения литературы и искусства, так как никакого диплома он не получал, а это значит, что налогоплательщики не вкладывали в его обучение свои деньги и поэтому относились к многочисленным пробелам в его образовании с пониманием и сочувствием. О подобной свободе от всего, включая знания, мне остается только мечтать!

Я вот до сих пор так и не сумела до конца преодолеть в себе чувство, будто обязана отработать деньги, вложенные государством в мое пребывание в садике и обучение. Не говоря уже о том, что у меня никогда не было и, видимо, никогда уже не будет такой влиятельной «няньки» и покровителя, как Жан-Поль Сартр, который бы все за меня всем объяснил: каждый мой жест, слово, проступок, тайный порок, каждое мое заблуждение и отклонение. Поэтому мне и приходится как-то выкарабкиваться самой, ломать голову над сущностью постмодернизма и не из праздного любопытства, а всерьез, так как у меня есть сильное подозрение, что рано или поздно меня все-таки причислят именно к этому направлению в искусстве, более того, уже не раз причисляли. Ничего не поделаешь, если уж такого профана, как Жене, сегодня все называют «экзистенциалистом», то меня, писательницу с высшим образованием, наверняка будут называть «постмодернисткой», а может, и того хлеще. Самое обидное, что вот сейчас, в этот самый момент, когда я уже вроде бы приблизилась к пониманию самой сути этого явления, по телевизору началась трансляция моего любимого фильма «Молчание ягнят», а я не имею никакой возможности его посмотреть, потому что знаю, что потом, во второй раз, мне уже ни за что не удастся собраться с мыслями и решить эту задачу.

Больше всего, кстати, в постмодернизме меня всегда раздражало его постоянное ускользание от понимания. Задумаешься – вроде все ясно, а станешь смотреть телевизор - и в голове потом практически ничего не остается. В результате со временем я начала подозревать, что постмодернизм вообще появляется в моем мозгу только в тот момент, когда я о нем начинаю думать, а стоит мне только чуточку отвлечься и оглядеться по сторонам, как тут же возникает ощущение, будто бы никакого постмодернизма нет и

никогда не было. Не сомневаюсь, что на земном шаре живут миллиарды людей, которые никогда не подозревали, что в сознании отдельных личностей во время сильного умственного напряжения возникают подобные смутные видения. А может, это и есть самая характерная и определяющая особенность постмодернизма: он существует только в момент, когда о нем размышляют, причем исключительно в головах тех, кто это делает? Встречаются же в природе элементарные частицы, которые, как мне приходилось слышать от ученых-физиков, совсем не имеют «массы покоя» и способны существовать исключительно в движении. В искусстве тоже вполне могло появиться похожее явление. Тогда многое становится понятно. В частности, и то, что, вероятно, еще ни одно художественное явление ранее не порождало такого количества рефлексий, диссертаций и книг в момент своего актуального существования. Обычно исследования появлялись уже задним числом, когда то или иное течение в искусстве себя полностью исчерпывало, становилось достоянием истории, и искусствоведы и философы могли все более или менее спокойно охватить обобщающим взглядом, объективно зафиксировав его наиболее характерные черты.

А вот с постмодернизмом все не так! Складывается впечатление, что все, кто так или иначе чувствуют себя к нему причастными, ощущают эту его не совсем обычную природу и стараются как можно чаще задумываться над его особенностями, чтобы хоть как-то обозначить его присутствие в этом мире. С этой точки зрения характерным постмодернистским писателем - далеко не единственным, естественно, - является Жорж Батай, смысла произведений которого я тоже очень долго не могла уловить, хотя и перевела одну из его ключевых повестей на русский: я имею в виду «Историю глаза». Практически все в ней казалось мне совершенно банальным, примитивным, написанным грубо, второпях, и лишенным каких-либо тонкостей и нюансов, свойственных традиционным литературным произведениям. Присутствующие там описания многочисленных сексуальных извращений, вероятно, можно было бы даже назвать не описаниями, а перечислениями - настолько общими и приблизительными штрихами они сделаны. Героев этого произведения тоже можно отличить друг от друга разве что по именам. В общем, ни дать ни взять тот же с геометрической простотой очерченный «Черный квадрат», только в литературе. Оба эти произведения как раз и объединяет то, что, если просто попытаться на них смотреть (в случае с «Квадратом») или же читать (в случае с «Историей глаза»), то практически невозможно представить человека, который был бы способен получить в результате этого акта какое-нибудь, хоть самое минимальное эстетическое удовольствие. А все потому, что сами по себе ни эта картина, ни эта книга не существуют. Зато посвященные этим произведениям многочисленные исследования и научные труды придают им в глазах окружающих вес и значимость, даже если почти никто этих исследований и не читал, а только слышал о них, или же читал, но почти ничего не понял.

В этом и заключается главный практический вывод, который должен сегодня сделать для себя каждый писатель и художник, которому довелось жить в постмодернистскую эпоху. Нет никакого смысла хоть как-то напрягаться в момент творчества - писать или там рисовать можно все, что заблагорассудится, любую туфту!

Глава четырнадцатая

Страх и трепет

Рано или поздно все в этом мире становится литературой, а значит, выдумкой и неправдой. И самое грустное, что подобным необратимым изменениям подвержены не только возвышенные чувства и так называемая «духовность», но и «ненависть», «отвращение», «презрение» и даже пресловутая «тошнота». Запросто! Историю трансформации той же тошноты, кстати, проследить проще всего: то, что у Селина еще

было чувством, только-только облачившимся в экспрессивные и выразительные формы, у Сартра уже стало романом с эпитафией из Селина: «Человек без коллективной значимости... просто индивид».

Однако сам Селин, между прочим, хоть и был *man of hate*, как его назвала одна американская исследовательница, вовсе не стеснялся писать еще и о любви, по крайней мере к животным. Сартр и другие эпигоны как-то прошли мимо этой стороны его творчества - судя по всему, просто не заметили. А между тем во всех своих последних книгах Селин только и твердит про котиков, собак и птиц: какие они крутые, мудрые и грациозные, как способны все глубоко чувствовать и предчувствовать, гораздо лучше, чем люди.

Мне тоже всегда очень нравились кошки, но так просто сесть и написать об этом, как это делал Селин или же Берроуз, я сегодня уже не могу. А все потому, что испытываю просто панический страх перед литературой во всех ее проявлениях, и, скорее, это даже не страх, а настоящий ужас, из-за которого я, пожалуй, способна на любые поступки. В разумных пределах, конечно. В своей ненависти к литературе я вряд ли способна дойти до того, чтобы, вернувшись домой, взять своего любимого кота и с размаха бросить об стену. А если мне память не изменяет, именно так и поступил один из персонажей фильма Бертолуччи «XX век», который демонстративно, в присутствии нескольких юнцов, схватил совсем еще крошечного котеночка и шмякнул его об стену. Таким образом он закалял свою волю в борьбе с коммунистами, поскольку сам примыкал к фашистам. Окружавшим его зевакам он так и сказал: «Представьте, что этот котенок – коммунист!» Нет, до столь радикального поступка я еще явно не созрела. Пусть бы вся мировая литература действительно сосредоточилась в этом маленьком и дрожащем от страха существе - все равно швырнуть беспомощного котенка об стену я бы не смогла.

С другой стороны, и любовь к животным способна порой принимать довольно экзотические формы. Не так давно я встретила на дне рождения у своей приятельницы психиатра, которого знаю уже достаточно долго, хотя вижу его исключительно у этой своей подруги - раз в год, не чаще. Обычно он был всегда таким неразговорчивым, а тут вдруг разошелся и триндел весь вечер без перебоя, причем главным образом о своей привязанности к собакам, которые всегда вызывали у него гораздо меньшую антипатию, чем люди: «чем больше я узнаю людей, тем сильнее люблю собак». Однако с собак он только начал, и вскоре выяснилось, что он обожает еще и котиков, и зайцев, и канареек, а также куропаток, лис, кроликов, ласточек, змей, коров, слонов и медведей. И тех, кто над животными издевается, он бы просто расстреливал на месте без суда и следствия! А поскольку у него вызывает сочувствие всякая живая тварь, поэтому он и насекомым не способен причинить вред, даже с мухами отказывается воевать и запрещает жене развешивать липучки летом, в том числе и на кухне, ибо не в состоянии видеть, как эти несчастные, трепыхая крылышками, мучительно пытаются оторваться и взлететь. Если же он заметит где-нибудь на стене в комнате паука, то осторожно берет его за лапку, выносит на лестницу и там отпускает. Тараканы же и вовсе пробуждают у него особенно нежные чувства, потому что они очень умные и сразу чувствуют опасность и ускользают от человека, избегая гибели. Кроме того, тараканы уже своим внешним видом ему симпатичны: такие деловитые, сосредоточенные, к тому же они ничего плохого никому не делают, ну бегают себе и бегают стаями. Вот только к клопам у него отношение противоречивое: к ним он относится почти как к людям, ну, может быть, чуточку лучше, но все равно с их присутствием в доме он, видимо, все же не смог бы смириться. К счастью, клопов у них нет, поэтому вопрос, что с ними делать, перед ним не стоит и, дай бог, никогда не встанет. А уж как они мучаются от комаров - и передать невозможно! Но убивать комаров он жене тоже запретил, поэтому никаких пластинок «Раптор», ничего... «Как, неужели вы их не убиваете?» - не смогла я сдержать своего изумления. «Нет, я их, как правило, сдуваю», - при этих словах он даже поднес к своим губам ладонь и подул на нее, показав, как он обычно это делает, если комар вдруг неожиданно встретится на его

пути. Вот с таким человеком я, оказывается, ежегодно встречалась и, ничего не подозревая, сидела рядом за одним столом. Можно себе представить, что получилось бы, если бы он вдруг взял и записал все эти свои сложные отношения с представителями фауны и флоры. Не знаю почему, но мне показалось, что этот тип страдает графоманией и так сильно полюбил животных исключительно под влиянием книг. Хотя я и готова допустить, что в его изложении это чувство выглядело бы достаточно свежо.

Однако справиться с разного рода искушениями, связанными с литературой, мне тоже порой бывает не так уж и просто. Помню, несколько лет назад, во время своего пребывания в одном из немецких университетов мне было довольно приятно услышать про себя настоящий научный доклад, сделанный совсем молоденькой студенткой из Швейцарии, специально для меня приехавшей в этот университет за несколько сотен километров от ее дома. Особенно мне запомнилось выражение «тема танца в романе «Домик в Буа-Коломб»». Это выражение не просто поразило мое воображение - оно меня, можно сказать, очаровало своей значительностью и эффективностью. Кажется, только в этот момент, услышав эту исполненную глубокого и таинственного смысла фразу, я впервые почувствовала себя настоящей писательницей, совсем как Достоевский или Лев Толстой.

«Тема танца в романе «Домик в Буа-Коломб»» - звучит, почти как «тема дуба в романе Толстого «Война и мир»!»! Князь Андрей возвращается с войны, а старый дуб напротив его усадьбы по-прежнему зеленеет и шелестит своей кроной... Кажется так, если я, конечно, ничего не путаю. Или там же, но только «тема смерти»: князь Андрей лежит на поле под Аустерлицем, уставившись в небо, и в это мгновение постигает суетность всех человеческих желаний и потуг, всю эту мелкую суетность копошащихся вокруг него людишек, включая Наполеона. Минуя некоторые незначительные детали, можно сказать, что смысл этой сцены сводится к противостоянию времени и вечности. Думаю, каждый хотя бы приблизительно отдает себе отчет в том, что одно является полным отрицанием другого как с точки зрения классической логики и философии, так и самых обычных представлений. Там, где еще как-то обозначено время в виде тиканья часов или же смены дня и ночи, вечность практически отсутствует, и о ней остается разве что мечтать, уставившись в прозрачное синее небо, ибо оно представляется человеку наиболее недоступным и удаленным от земли. Хотя и небо, в принципе, тоже выхвачено из сферы случайных ассоциаций, потому что, если бы в природе существовало что-нибудь еще более удаленное и недоступное, то человек, размышляя о вечности, непременно задумчиво взирал бы на этот объект, а пока он привык связывать вечность с небом, за неимением ничего лучшего, так сказать. Но детали тут не так уж и важны – главное, что во всех этих сценах таится бесчисленное множество тем для целой кучи самых разных диссертаций и научных трудов. Ведь если кто-то в экстремальной ситуации вдруг понимает тщетность и суетность всей своей предыдущей жизни, то тут, безусловно, есть над чем подумать ученым. А если еще и небо такое голубое и бездонное, и дуб такой живучий, большой, и так безмятежно колышет своей листвой, то человеку вообще должно быть все по фигу: незачем дергаться, воевать, делать карьеру, а достаточно просто быть поближе к природе и стараться по возможности слиться с ней. Все эти выводы прямо так и напрашиваются при чтении Толстого!

Но как, каким образом обнаружила «тему танца» в моем романе студентка из Швейцарии?! Никогда бы не подумала, что в нем можно найти нечто похожее на Толстого, какую-нибудь «тему». И написать, если и не диссертацию, но целую курсовую, страниц так двадцать, не меньше – видела собственными глазами. Если бы я сама - не как автор, а просто как читательница - прочла свой роман, то никогда бы не смогла найти там ни одной подобной темы: ни темы танца, ни темы смерти, ни темы дуба. Правда, один мой близкий знакомый, которого я описываю в «Домике», действительно решил сплясать «Яблочко» перед французскими полицейскими, причем исключительно потому, что у него после приезда в Париж поехала крыша и он вообразил себя моряком-подводником по фамилии

Маринеску. Париж на него так подействовал! Никакой темы танца здесь вроде бы и рядом не лежало!

В свое время, когда я впервые приехала в Западный Берлин и зашла в самый крупный местный универсам КДВ на Курфюрстендамштрассе, то тоже пережила достаточно сильное потрясение от изобилия продуктов на его прилавках. Но абсолютно никакого желания стать Зоей Космодемьянской или там Зиной Портновой, а тем более, сплясать цыганочку перед секьюрити из этого магазина у меня и в мыслях ни на одно мгновение не возникло. Единственное чувство, которое мне удалось в себе с трудом подавить, было желание что-нибудь оттуда спереть, какую-нибудь красивую тряпку или же кусок колбасы. Но я сумела справиться с этим искушением. Короче говоря, каждый в этой жизни по-своему переживает те или иные сильные потрясения, с которыми он в какие-то моменты своей жизни может столкнуться по воле случая. Я, в частности, осталась совершенно довольна своим поведением в той достаточно непростой ситуации, особенно, если учесть, что в детстве меня несколько раз ловили на воровстве, причем при куда более банальных обстоятельствах.

Что касается Толстого, то лично у меня имеются две версии по поводу всех этих многочисленных «тем», которые находили и продолжают находить в его книгах исследователи. Возможно, это литературоведы сделали из него полного дегенерата, а сам Толстой здесь ни при чем. То есть князь Андрей лежал раненый на поле и смотрел на небо сквозь ветви дуба, ни о чем таком особенно не думая и не делая никаких поспешных выводов по поводу окружавших его людей, включая Наполеона. А может быть, Толстой уже изначально был не особенно умен, а исследователи просто чутко уловили это его характерное качество и только сделали его более явным в своих трудах. Скорее, все-таки последнее: Толстой был не слишком умен. Потому как лежать и смотреть в небо, размышляя о вечности и суете окружающих людишек, да еще будучи тяжело раненным – это уже само по себе смешно. Даже при условии, что тебя вообще никто не видит, и ты спокойно можешь думать о чем угодно. А вставлять подобную сцену в роман – это и вовсе что-то запредельное!

Правда, мне ведь тоже было приятно выслушать доклад про свой роман и польстило, что в нем обнаружилось нечто, достойное серьезного научного исследования почти как у Толстого или же Достоевского. Но я все равно сама твердо знаю, что ни одной подобной темы в моих романах нет и быть не может! И меня это успокаивает. Иногда мне, конечно, бывает забавно вообразить, будто меня вдруг выбрали депутатом или же губернатором Петербурга: у меня тогда появился бы свой отдельный кабинет с мягкими кожаными креслами, машина с шофером, все бы стали передо мной всячески пресмыкаться. Но это длится буквально какие-то мгновения, а дальше я уже абсолютно себя в этом качестве не представляю. Вот так и с Достоевским, и особенно с Толстым: я способна испытывать удовольствие от своего сходства с ними буквально какие-то считанные секунды, а затем сразу же все рассеивается и меня охватывает самая настоящая тоска. И все потому, что и Толстой и Достоевский стали уже абсолютно неотъемлемой частью литературы. Поэтому более или менее свободно и раскованно я сегодня могу себе позволить рассуждать разве что о любви к клопам, которые мне совсем не нравятся. В конце концов, если чувства, которых ты не испытываешь, и станут когда-нибудь литературой, то это будет не так обидно. Все-таки я благодарна тому психиатру за то, что он, возможно, сам того не желая, но просоответствовал своей гуманной профессии и облегчил мою участь, подсказав мне эту мысль.

Глава пятнадцатая

Традиция и современность

Из чего рождается ощущение причастности к той или иной духовной традиции? В конечном счете все определяет личный опыт, а это во многом сопряжено со случайным стечением обстоятельств. Если человеку с детства попадаются исключительно умные, вежливые и утонченные люди, то он невольно переносит их достоинства и на авторов книг, с которыми ему приходится сталкиваться. И в принципе в этом нет ничего страшного. Нисколько не сомневаюсь, что если бы я постоянно натыкалась на личностей, которые бы спокойно разгуливали по воде или же, вместо того чтобы бежать в ближайший магазин, превращали обычную воду в вино, то мне было бы гораздо легче поверить в то, что написано в Библии. И в этом не было бы никакого особого вреда ни для меня, ни для окружающих.

Однако, проводя большую часть своей жизни в библиотеке за чтением разнообразных высоко нравственных и интеллектуальных сочинений, человек, как бы по инерции, тоже начинает переносить эти прекрасные качества на окружающих. И вот тут, поступая таким образом, он уже подвергает себя серьезному риску, так как ему запросто могут встретиться какие-нибудь жулики, а он будет думать, что перед ним гегели и канты или же на худой конец витгенштейны и фрейды. В результате его просто опустят на бабки, и все!

Не случайно же опытный взгляд преступника чаще всего и отыскивает в толпе в качестве потенциальной жертвы каких-нибудь интеллигентов в очках. И думаю, не только из-за их щуплого телосложения – скорее всего, интеллигенты в преступной среде столь высоко котируются именно из-за своей чрезмерной доверчивости. В этом отношении их даже можно поставить в один ряд с малолетними детьми и впавшими в маразм пенсионерами. А очки в данном случае являются как бы косвенным свидетельством того, что нуждающийся в них человек слишком много читает. Хотя для полной идентификации интеллигента одних очков преступнику, конечно же, недостаточно. Неплохо бы еще знать, что у предполагаемой жертвы имеется диплом о высшем гуманитарном образовании – тогда можно было бы действовать наверняка, не опасаясь нежелательных последствий.

А вот мне почему-то постоянно попадаются одни дегенераты, мудаки и сумасшедшие маньяки. Ну просто как нарочно! При таких жизненных обстоятельствах поневоле начнешь подозревать, что и все так называемые «гении» прошлых веков, авторы наиболее известных книг и философских трактатов, тоже были такими. Хотя мой разум этому и противится, но на подсознательном уровне я все равно не могу избавиться от подобного ощущения. Так что, видимо, я принадлежу к тем людям, которые относятся к существующей многовековой культурной традиции человечества с большим недоверием. Может быть, мне просто не повезло с окружающими людьми. Но ничего не поделаешь – так уж сложилась моя жизнь.

Не так давно в телевизоре я наткнулась на жирную бабу-депутата, которая рассуждала о нравственности и полемизировала со своими потенциальными политическими противниками, ссылаясь не только на привычных в таких случаях отечественных классиков, вроде Пушкина и Толстого, но еще зачем-то на Сократа с Платоном. А поскольку эта баба была, кажется, некогда членом Аграрной партии, то ее засняли на огороде, на фоне ветхого деревенского домика, где жила ее древняя мамаша. Мамаша выращивает в огороде цветочки, а она, стоя перед камерой, теперь картинно поливала их из лейки.

Ну, с Пушкиным и Толстым все более-менее понятно, но что такого она нашла поучительного у Платона, я, честно говоря, так и не поняла. Если бы ей сказали, что Платон был не просто классиком мировой философии, а классическим извращенцем, то есть трахал своих учеников, в том числе и совсем юных, в зад, то ей бы, думаю, это вряд ли понравилось. А поскольку Платон был учеником Сократа, то несложно догадаться, у кого он свои наклонности позаимствовал. В принципе этот факт биографии Платона лично меня мало волнует, но на месте журналиста, который брал у нее интервью, я бы обязательно подкинула ей такую информацию – просто чтобы сломать ей кайф. Уж больно самодовольная физиономия была у этой отъевшейся, как свинья, «народной избраницы».

Однако больше всего меня бесит, что она наверняка Платона прочесть даже не удосужилась и, рассуждая на все эти «умные» темы, где-то в глубине души полагает, что на свете существуют простачки вроде меня, которые все уже прочитали или же непременно прочитают и все недодуманные ею мысли обязательно додумают, причем таким образом, чтобы в ее рассуждениях комар носа не подточил, да еще абсолютно задаром или же за какие-нибудь жалкие копейки и без малейшей перспективы попасть когда-либо в телевизор. В этом-то все и дело! Я на ее физиономию периодически натываюсь, а у нее практически нет никаких шансов увидеть меня и мне подобных. Вот и выходит, что мы с ней как бы принадлежим к абсолютно разным культурным традициям.

Хорошо еще, что за всю свою жизнь я не прочла ни одной философской книги. Ничего не поделаешь, но и нескольких мимолетных встреч с представителями этой древнейшей профессии мне хватило, чтобы навсегда отбить охоту знакомиться с их сочинениями. Вот совсем недавно мне довелось наблюдать одну философскую дискуссию – и опять, между прочим, по телевизору. Вообще, надо сказать, что это чудо техники позволяет современному человеку проникнуть в самые неожиданные и новые для себя сферы жизни и области знаний. Трудно сосчитать, сколько раз благодаря телевидению мне уже удалось побывать в Африке и на других экзотических континентах и полюбоваться на всяких диковинных зверушек, при этом мне даже не надо было покидать пределов своей комнаты и тащиться в зоопарк, а уж в библиотеку тем более. Поэтому нет ничего удивительного, что, переключая каналы, я все-таки наткнулась на философов, хотя их и показывают теперь гораздо реже, чем крокодилов или же гамадрилов. Более того, на сей раз мне попалась целая куча личностей, сгрудившихся за круглым столом и что-то лихорадочно между собой обсуждавших. Естественно, я не сразу врубилась, кто это – на лбу ведь у них не написано, – поэтому мне и пришлось вслушаться, о чем они говорили, а то бы я мгновенно переключилась на что-нибудь поинтересней. Насколько я поняла, все они только что вернулись с международной конференции и пребывали по этому поводу в диком возбуждении. А баба, которая, судя по всему, и возглавляла всю делегацию, так как была еще и директором целого института, принадлежащего Академии наук, и вовсе во время этого заграничного турне окончательно убедилась, что отечественная философия является самой передовой в мире, поскольку «именно российские ученые занимаются сейчас разрешением наиболее острых и наиболее проблем современности».

Однако она привлекла мое внимание не своей речью, а тем, что внешне была как родная сестра похожа на депутатшу из Аграрной партии, о которой я уже тут так много писала. Ну просто вылитая! До такой степени, что если бы их сфотографировать и потом поместить фотографии рядом в газете, то можно было бы, пожалуй, даже объявить среди читателей конкурс «Найди десять отличий!» с призовым фондом в тысячу рублей. Точно такая же круглая лоснящаяся физиономия с двойным подбородком и маленькими заплывшими жиром глазками, как у хорька. Ну, возможно, я слегка преувеличиваю и при ближайшем рассмотрении сходство между ними оказалось бы не столь явным. Скорее, они похожи на уровне того, что в христианстве принято называть «ликами». То есть лица у них, может быть, и различаются, но некая глубинная внутренняя общность заставляет об этих деталях мгновенно забыть, отодвигает их на задний план, так сказать. Стоит ли после этого удивляться, что та баба-депутат с такой уверенностью ссылается на Платона и Сократа?! Ведь она, как и я, имеет возможность периодически наблюдать философов по телевизору, поэтому просто не может не ощущать своего глубокого духовного родства с ними.

Это не так просто уловить, но весь фокус тут, видимо, как раз и заключается в том, что личности, которые действительно культурную традицию творят, при жизни в основном остаются «за кадром». Ничего страшного, вроде бы. Но когда я себе представила, как через пару тысяч лет какая-нибудь свиноподобная дура из правительства или парламента будущего, возможно, точно так же будет всех поучать, ссылаясь при этом уже и на меня, а не только на Платона или же Толстого, то от такой перспективы меня и вовсе чуть не

стошило. Кроме того, в это мгновение я еще раз как-то совсем по-новому поняла и оценила творчество маркиза де Сада. Хотя лично мне, должна признаться, его всегда было довольно скучно читать. Ну и что!? Зато его уж точно никогда не будут цитировать всякие недоумки, даже через тысячу лет. Не случайно ведь от его имени произошло ставшее нарицательным определение «садист», применяющееся в отношении человека, который любит всех самыми изощренными способами доставать. Вряд ли публичному политику когда-либо захочется заполучить подобную репутацию. За одно это Сад уже заслуживает уважения! А вот в России, к сожалению, писатель, которого сегодня любой кретин не смог бы привести в пример окружающим в качестве образца для подражания, до сих пор так и не родился. Поэтому тут все и толкутся вокруг одних и тех же персонажей, стараясь урвать от них как можно больше выгоды для себя.

Естественно, не только русским, но и всем людям вообще свойственно стремление к кому-нибудь примазаться. Просто у одних это получается незаметно, а другие действуют чересчур явно. Думаю, тут тоже многое зависит от воспитания и условий, в которых тот или иной человек вырос. Никогда не забуду, как я однажды обратилась к одному своему знакомому, чтобы он мне помог наладить контакт с беспризорными детьми, радиопередачу о которых мне тогда срочно нужно было сделать. Я обратилась к нему исключительно потому, что он сам в детстве воспитывался в детдоме, и я подумала, что мне пригодится его жизненный опыт. Мы договорились встретиться у метро. Надо сказать, что я давно его не видела, поэтому в первый момент немного испугалась. Похоже он был с сильного перепоя: небритое опухшее красное лицо, заросшее светлой рыжей щетиной, мятые брюки и исходивший от него специфический запах подтверждали дошедшие до меня сплетни о том, что он пьет. Ко всему прочему вместо ботинок на ногах у него были домашние тапки. Неуверенно оглядываясь по сторонам, он предложил мне пойти на детскую площадку, видневшуюся неподалеку. Я согласилась, потому что детей можно было, скорее всего, найти именно там. Мы сели с ним на краю обшарпанной песочницы и закурили, оглядываясь по сторонам. Тут ему ужасно захотелось пива. Я пообещала ему купить пива, но только после того, как разговор с детьми будет записан на диктофон, пока же ни одного ребенка я поблизости не видела. Наконец мы заметили неподалеку троих подростков: двух мальчиков и девочку. Я толкнула своего знакомого в бок, ведь именно он должен был вступить с ними в контакт. И он вихляющей нетвердой походкой направился к этой троице. Но те, как только его увидели, поспешили прочь, а он направился за ними. В это мгновение я окончательно пожалела, что с ним связалась и решила потихоньку уйти. Я уже встала было с песочницы и направилась к метро, но тут услышала позади его голос. Он сказал, что не стоит бегать именно за этими детьми, а нужно поискать других, и поэтому предложил мне пройтись по ближайшим улицам. Короче, трогательных рассказов детишек о своем несчастном детстве в тот день мне записать так и не удалось: мой приятель своим видом распугал, кажется, всех имевшихся в окрестностях этой станции метро детей. Кроме того, мне пришлось потратить едва ли не последние свои деньги ему на пиво, которого он выжрал бутылок десять, не меньше. В результате он вообще уже почти не держался на ногах, а я всерьез начала опасаться, что напуганные им дети куда-нибудь пожалуются, и нас с ним загребут в милицию как опасных маньяков. Уже и не помню, как мне тогда удалось от него избавиться, но стоило мне это огромного труда и нервов, не говоря уже о бабках. Но в принципе, я не в обиде на этого своего знакомого. Как-никак он воспитывался без родителей в детдоме, и привычка цепляться к другим людям у него в крови. Скорее всего, и меня он бессознательно принимал за свою мамочку, а бутылки с пивом были для него чем-то вроде бутылочек с молочком из молочной кухни, которых ему в детстве никто не покупал.

Все-таки наиболее гнусный способ жить за чужой счет – это такой, которого практически никто вокруг не видит. А для того чтобы незаметно примазаться к чужим достижениям и успехам, некоторые люди проявляют настоящие чудеса изобретательности. В последнее время все чаще стали появляться публикации, документальные фильмы и

передачи, в которых как бы невзначай подкидывается мысль, что в 1941 году, в тот самый момент, когда немцы вплотную подошли к Москве, вокруг нее трижды облетел самолет с иконой Божьей матери на борту. Из чего столь же ненавязчиво делается вывод, что Москва была не сдана врагу вовсе не только благодаря героизму советских солдат, а еще и с помощью поддержки потусторонних сил в лице Девы Марии. Конечно, с учетом того, как коммунисты относились к религии, этот факт выглядит совершенно невероятным. Но даже если это правда, в 1941-м такой полет все равно никому из советских солдат остался бы неизвестен, то есть самой минимальной моральной поддержки он им и то оказать не мог. Зато теперь, по прошествии многих лет, православной церкви удалось неплохо погреть руки на чужом горе и героизме, задним числом приписав часть заслуг в победе на войне так называемому «богу». Получается, что одни мучились, жертвовали своей жизнью, замерзали в окопах, а тут самолет с какой-то дощечкой на борту просто облетел вокруг города три раза, и все!

На этом фоне и жирная баба-депутат с лейкой начинает казаться чрезвычайно скромным и безобидным существом. По-своему я даже завидую ее безмятежной уверенности в том, что Платон, Гегель, Кант, Маркс и писательницы вроде меня давно уже за нее додумали все самые сложные мысли о добре и нравственности. И ей самой теперь остается только прилежно выполнять наказания своих избирателей, да утрясать неувязки и противоречия в новых законах. На самом деле, мне бы тоже хотелось просто сидеть и сочинять романы, а на досуге поливать цветочки или же смотреть сериалы, ни о чем больше не заботясь и не забывая себе голову лишней чепухой. Наверное, было бы совсем неплохо, если бы население Земли состояло исключительно из профессионалов, где каждый бы отвечал за специально отведенную ему сферу.

В принципе, современное общество приблизительно к такому устройству и стремится! Физики занимаются изучением законов окружающего мира, а «лирики» сочиняют о нем стихи и песни. Наука, в свою очередь, делится на множество областей, сфер, подсфер, разделов и подразделов: кто-то изучает микромир и невидимые для глаза атомы, а кто-то – земную гравитацию и свойства разнообразных твердых тел, вроде шаров и резиновых шин. Ну а в литературе, соответственно, поэты сочиняют стихи, а прозаики – повести и рассказы. Не говоря уже о дальнейшем дроблении внутри литературы на всевозможные жанры: детективы, приключенческие романы, триллеры, стихи в рифму и без. И в каждом из этих жанров есть свои корифеи – точно так же, как и в любой из областей науки существуют общепризнанные авторитеты и специалисты.

Более того, подобное разделение труда не только не противоречит, но вполне соответствует гармоничным отношениям человека с природой. Всем известно, что посаженные в городе деревья, кусты и прочая растительность поглощает выделяемые заводами и автомобилями отходы в виде углекислого газа и других вредных и бесполезных веществ, а взамен производят столь необходимый для жизни людей кислород. Я слышала, что тополя, от которых весной и в начале лета повсюду бывает так много мерзкого белого пуха, который забивается в нос и глаза, и те, оказывается, как-то умудряются отсасывать из атмосферы излишки вредной для человека радиации. Поэтому, вероятно, люди их и терпят в городах. То есть разделение функций, возможно, вовсе не является порождением извращенного развития человечества, а изначально присуще всей природе. И широко распространенное представление о том, будто в каждом растении и живом существе заложен чуть ли не образ целого мира, скорее всего, тоже мало соответствует действительности. Лично я не сомневаюсь, что и всасывающие в себя радиацию тополя, и изнывающие от африканской жары жирафы не ощущают абсолютно никакой сверхъестественной связи с окружающим миром и ничуть не менее одиноки, чем современный человек.

Правда, в животном и растительном мире есть маленькие травинки и огромные дубы, крошечные комарики и увесистые бегемоты, а люди, занимающиеся совершенно разной по объему и масштабам деятельностью, все приблизительно одного роста и вообще слишком

похожи друг на друга – по крайней мере, гораздо больше, чем кролики на слонов. Вот это, по-моему, и вносит в человеческую жизнь самую большую путаницу.

Глава шестнадцатая

За что мне нравится Жан Жене

За что мне нравится Жан Жене? Хотя бы за то, что однажды во время совместного обеда в ресторане он стащил у Батая рукопись, которую тот опрометчиво положил рядом с собой на столе. А что может быть дороже рукописи для писателя, особенно для такого, как Батай?! Когда я думаю об этом, то мое сердце замирает в сладкой истоме. Единственное, что меня слегка огорчает, то это сознание того, что Батай наверняка должен был сделать копию своего «гениального творения». Но не стоит о грустном!..

Одна дама -- большая поклонница таланта Жене -- пригласила его к себе домой поужинать и подала к столу какой-то жалкий паштетик и шоколадный пудинг, в общем, все было очень-очень скромно. Жене же вел себя чрезвычайно чопорно и от угощений упорно отказывался. В результате баба не выдержала и спросила: «Разве вы больше не любите бедность?» - после этих слов Жене вскочил, в ярости опрокинул стол, начал крушить все вокруг и расфигачил к чертям всю ее посуду. Ну а другая тетка, тоже его страстная поклонница, как-то за ужином в кафе очень долго и подробно расспрашивала Жене, когда, как и почему он стал любить мужчин. Жене отвечал ей очень подробно и ласково, а ночью пошел и обворовал ее квартиру, обнес подчистую, не оставил даже трусов.

Когда Жене приехал в Лондон, какой-то местный журналист стал подробно описывать ему тяжелый быт английских стариков: какая у них маленькая пенсия, в какой нищете им приходится проводить остаток своих дней, позабытыми и позаброшенными, всеми покинутыми, никому на свете больше не нужными... Жене слушал очень внимательно, а потом вдруг произнес: «Мне очень нравятся англичане – они такие элегантные, стильные, так красиво одеваются, но лучше всего они умеют врать!»

А когда Жан Жене был еще никому не известным начинающим писателем, неоднократно арестовывался за бродяжничество, кражи, мошенничество и прочие преступления, он случайно познакомился с одной богатой дамой, которая прониклась к нему симпатией. Вообще Жене всегда умел очень красиво говорить, и многие женщины почти сразу начинали испытывать к нему материнские чувства. Из одежды на нем тогда был его единственный черный свитер с высоким воротом и черные штаны, которые он носил не снимая и даже спал в них. Баба пригласила его к себе в дом, накормила, напоила и отвела в ванную, чтобы он наконец-то получил возможность смыть с себя всю эту вонючую грязь, накопившуюся за долгие странствия. Она дала ему чистую одежду, чтобы он мог переодеться. Жене очень долго не выходил из ванной, и она подумала, что он так долго моется и решила его не беспокоить. В конце концов, она все-таки постучала в ванную, но ей никто не ответил, и она вдруг испугалась, что с ним что-нибудь случилось. Но когда она толкнула дверь, то обнаружила, что Жене в своем черном свитере и черных штанах сидит на полу и задумчиво пускает в ванной бумажные кораблики, а чистая одежда аккуратно сложена рядом с ним на полу.

Кстати, Жене вообще очень не любил мыться и менять одежду и сохранил эти свои привычки до самой старости. Когда он, уже гораздо позже, будучи известным писателем, ездил в Нью-Йорк, специально чтобы поддержать «Черных Пантер», тем вообще очень не понравился его непрезентабельный вид и грязная одежда. «Черные Пантеры» тогда, наоборот, особенно тщательно следили за своим внешним видом. Они повели Жене в магазин и купили ему черные кожаные брюки и кожаную куртку. Жене был в восторге от такого подарка – эти брюки и куртку он носил несколько лет не снимая, к тому же кожу все равно нельзя стирать.

Тогда же в Нью-Йорке Жене подружился с Берроузом и Гинзбергом. Как-то они вместе гуляли по Центральному парку, наблюдая за хиппи. «Как мне нравятся хиппи, - сказал Жене, - им совсем ничего не нужно в этой жизни, они даже деньги сжигают, как только те попадают им в руки. Вот смотрите, - и Жене протянул одному грязному бородатому хиппи в цветной майке толстую пачку долларов. Тот с неожиданной прытью схватил ее и упал перед Жене на колени, осыпав его руку поцелуями. «Спасибо вам, спасибо, добрый человек! - завопил он. - Теперь у нас будет, на что поужинать!»

Всем известен портрет Жене, сделанный Джакометти. Именно Джакометти пригласил Жене к себе, чтобы писать этот портрет. Сеансы продолжались довольно долго, однако как-то Джакометти обнаружил, что у него пропал его лучший рисунок Матисса, которым он очень дорожил. К тому же и Жене тоже куда-то исчез и уже больше не являлся на сеансы. Джакометти пожаловался одному своему другу, который предложил ему выяснить все непосредственно у самого Жене. «О, я не могу этого сделать, ведь раньше он был вором», - возразил художник. И только много лет спустя, уже после смерти Джакометти, его друг все же решил внести ясность в этот вопрос. Воспользовавшись удобным случаем, он спросил у Жене: «Джакометти говорил мне, что этот рисунок могли взять только два человека – или я, или вы, потому что больше ни у кого ключей от его мастерской не было». «Ну тогда это, должно быть, вы», - ответил ему Жене.

Со многими своими жертвами Жене познакомился через Кокто, у которого было довольно много состоятельных знакомых. Как-то в ожидании ужина в гостях у одного из них он стащил в гостиной с камина старинную шкатулку, наполненную разными кольцами, серьгами, бусами и браслетами. Но потом, придя вечером к себе в гостиницу и обнаружив, что все драгоценности в шкатулке поддельные, Жене пришел в настоящую ярость. «Ну и ну, - завопил он, с отвращением бросив шкатулку на пол, - а еще изображают из себя порядочных людей! Сходи, сейчас же и верни им все», - приказал он своему юному другу, сопроводившему его в тот вечер.

Договорившись однажды с одним английским издателем о гонораре за статью, Жан Жене написал обещанный текст, но в последний момент неожиданно потребовал за него гораздо большие деньги, чем это предполагалось в начале. «Да вы вор!» - в бешенстве воскликнул издатель. «Еще бы, - согласился Жене, - об этом всем давно известно». И получил требуемую сумму.

Когда Жене близко сошелся с Борисом Кохно, секретарем Сергея Дягилева, то как-то в порыве чувств написал ему огромное, на целых три страницы, посвящение к своей книге «Богоматерь Цветов». Однако очень скоро они поссорились, и Жене не мог простить себе этого жеста: «Как я мог написать этой скотине, этому ублюдку такие прочувствованные слова! - жаловался он своему близкому другу по имени Жан-Пьер. – Я не смогу с этим жить!» Жан-Пьер, который совершенно искренне любил тогда Жене, вызвался ему помочь и устранить подобную несправедливость. Вместе с Жене они отправились в гости к Кохно, которого в тот момент не было дома, и пока Жене в соседней комнате заговаривал зубы приятелю хозяина, его друг перерыл все книги в библиотеке, нашел ту, что с посвящением, и бритвой вырезал все три страницы, которые торжественно и вручил Жене на улице. А Кохно, когда вернулся домой и зачем-то сунулся за книгой, подумал, что просто сошел с ума, увидев, как она изуродована. Но самым печальным в этой истории было то, что вскоре Жене и Кохно помирились. Жене написал ему новое посвящение, еще более прочувствованное. А всю вину за происшедшее Жене, естественно, свалил на Жан-Пьера. «Жан-Пьер, как ты мог это сделать? Как тебе в голову такое пришло?» - со слезами на глазах допытывался у того Кохно, встретившись с ним случайно на вечеринке. Несчастный Жан-Пьер не знал, куда деваться от стыда.

Ну а когда Жене только начал обретать широкую известность, Кокто пригласил его на торжественный прием в честь бельгийской королевы, где и представил Ее Величеству как «гениального поэта». Узнав об этом, один известный журналист написал, что «после того

как Жана Жене представили самой бельгийской королеве, можно сказать, что Конец Света точно не заставит себя ждать!»

Жене был автором нескольких остроумных пьес. Самая известная из них «Служанки», которую я смотрела в постановке парижского театра TSE. Большинство изложенных здесь баек почерпнуты мной из многочисленных биографий Жене, но, по крайней мере, одну или две из них я услышала из уст руководителя этого театра Альфреда Ариаса, который был знаком с Жене, а может быть, даже от его друга, который представился как Ларри и говорил исключительно по-английски с сильным американским акцентом. Ларри вообще поразил меня знанием всех тонкостей творчества Жене и его биографии. «Какой эрудированный человек», - подумала я. Однако стоило мне ненароком упомянуть имя, кажется, Селина, как его только что горевший взор потух, а он сам как-то весь поник и бессмысленно закивал головой в такт моим словам, и я почувствовала, что этого имени он, возможно, никогда не слышал.

В основу «Служанок» положен реальный случай из жизни: в тридцатые годы прошлого столетия во французском городке Ман две служанки, сестры Кристин и Леа Папен, в извращенной и жестокой форме замочили своих хозяек. Впоследствии этот же сюжет использовал Шаброль для своего фильма «Церемония». Насколько мне известно, если один и тот же сюжет используют сразу несколько авторов, то такой сюжет автоматически становится «бродячим». По моему глубокому убеждению, этот «бродячий» сюжет гораздо больше подошел бы для русской истории двадцатого столетия, чем тот, что был навязан ей Достоевским в романе «Бесы», интрига которого, кстати, тоже была почерпнута автором из газет. Впрочем, сейчас все это не так уж и важно.

Романы Жене практически невозможно читать. И если бы я не перевела один из них, то, вероятно, вряд ли когда-либо вообще смогла бы осилить его до конца. Его прозаические произведения полны наивной, почти подростковой, романтики и совершенно запредельных по своей абсурдности психологических наблюдений. Хозяйка борделя «Феерия», мадам Лизиана, мучается от ревности и представляет себе ужасную картину, как вдруг у двух братьев Кэрель, вступивших с друг другом в противоестественную связь, родится ребенок. Страшно подумать, что с ней тогда было бы! Тем не менее эти романы переиздаются и переводятся на все языки. И вот за это мне нравится Жан Жене, пожалуй, больше всего!

И последнее. Когда Жене познакомился с посвященным ему огромным трудом Сартра, то пренебрежительно бросил: «Да он тут не говорит ничего нового, а просто повторяет за мной мои слова и мои мысли!» Естественно, после этих слов ни один нормальный человек не откроет книгу Сартра, а будет внимательно читать и изучать творчество Жене.

Жене просил, чтобы его похоронили в Марокко. Его могила находится на скале над морем. С одной стороны расположена тюрьма, а с другой – публичный дом. Незадолго до смерти он как-то сказал: «Большая часть жизни проходит в дурацком отупении, в убогом идиотизме: открываешь дверь, зажигаешь сигарету... В жизни человека бывает лишь несколько проблесков. Все остальное – серая мгла».

Глава семнадцатая

Подруга Селина

Двадцать седьмого мая 2004 года исполнилось сто десять лет со дня рождения Луи-Фердинанда Селина. Честно говоря, я всегда была не в ладу с юбилеями так называемых «великих людей», но совпадение дня рождения Селина с днем основания Петербурга, особенно после пышного празднования трехсотлетия последнего, оказалось своеобразным мнемоническим правилом, позволяющим мне теперь без особого труда восстанавливать в памяти эту дату. И самое главное, в нужный момент, а не задним числом, как это часто со мной бывает!

По случайному стечению обстоятельств в России первая переведенная мной книга Селина «Смерть в кредит» вышла в свет ровно десять лет назад, то есть в год его столетия. ЮНЕСКО проигнорировало тогда это событие, не внеся его в список «памятных дат», так как Министерство культуры Франции, в свою очередь, не выступило с соответствующим предложением. Забавно, что нечаянно оброненная мной по этому поводу фраза во время презентации русского издания «Смерти в кредит» мгновенным эхом отозвалась во французской прессе. Присутствовавший на презентации биограф Селина Франсуа Жибо уже через день поведал мне, что ему звонила вдова Селина Люсетт и сообщила про заметку в парижской «Фигаро», где говорилось, какое недоумение вызвало у русских переводчиков и издателей ханжеское поведение французского правительства по отношению к своему классику. В общем, попытка «замолчать» эту дату во Франции не прошла и даже обернулась небольшим международным скандалом. Правда, я до сих пор так и не поняла, каким образом брошенное мной вскользь замечание в стенах небольшой галереи, расположенной в одном из подвалов Литейного проспекта, столь стремительно достигло Парижа. Поскольку из французских официальных лиц, если не считать уже упоминавшегося выше биографа Селина, который приехал в Петербург по своей личной инициативе, на презентации тогда я заметила только обвешанную полиэтиленовыми мешками с продуктами бабу из медиатеки Французского института. И все! Больше там определенно никого не было! Тем не менее факт остается фактом: уже на следующий день одна из влиятельнейших французских газет вынуждена была публично оправдываться за поведение своего правительства.

Этот курьезный случай окончательно подвиг меня на создание российского Общества Друзей Л.-Ф. Селина. И надо сказать, что с тех пор мне неоднократно приходилось наталкиваться на мнительных личностей, у которых публичная организация с таким названием вызывает крайне двусмысленные ассоциации. Некоторые даже подозревают, что под этой вывеской скрывается объединение чуть ли не тайных антисемитов. Еще бы! Общество друзей коллаборациониста и автора «Безделиц для погрома»! Однако я думаю, что, если бы оно называлось буквально, как его французский аналог, то есть «Обществом селининских исследований», то это было бы еще более амбициозно и, самое главное, дальше от истины. Лично я все-таки считаю себя скорее кем-то вроде друга Селина, чем его исследовательницей. Возможно, это и не самое удачное определение, но дружба, по крайней мере, ни к чему особо не обязывает, ни к каким серьезным и углубленным изучениям объекта своей привязанности - так, слабое любопытство, чуточку более пристальный взгляд в отдельные мгновения бытия. А если друг надоест, то его всегда можно послать подальше. Этим, кстати, дружба отличается не только от кропотливой исследовательской работы ученого, но и от любви! Надо сказать, что я вообще предпочитаю держаться на дистанции от людей, чтобы не грузить себя никакими излишними обязательствами перед ними. В конце концов, если уж с кем и дружить, то лучше с покойником, к тому же достаточно известным, несмотря на некоторые отягощающие эту известность обстоятельства.

Тем не менее мне приходилось встречать во Франции литературоведов, которые, наоборот, начинают энергично отнекиваться и отмахиваться, даже когда их кто-либо вдруг просто назовет «селинистами», а не «селинологами», как бы им того хотелось. О дружбе, то есть о публичном обозначении своих симпатий, в данном случае речь и вовсе не идет. Впрочем, столь тонкое колебание смысла из-за каких-то там суффиксов трудно уловить русскому уху, так как в России огромное количество людей, изучающих куда более извращенного, чем Селин, поэта, именуют себя «пушкинистами», ни капельки не стыдясь подобного звания. Слабое понимание этого нюанса, вероятно, приходит только тогда, когда речь заходит об отличии «сталинистов» от «сталинологов».

Как бы то ни было, но, по моим наблюдениям, «селинологов» сейчас не только во Франции, но и во всем мире как собак нерезаных. Россия в этом отношении стоит несколько особняком, так как, насколько мне известно, на русском языке в настоящий

момент существует только одна посвященная Селину диссертация, и та была написана совсем недавно - где-то года три назад. Но по большому счету это не так уж и важно, поскольку, общаясь с французскими «селиноведами», я очень скоро пришла к выводу, что между ними и их русскими коллегами, занимающимися изучением того же Пушкина, нет никакой существенной разницы.

Никогда не забуду, как в парижской квартире мэтра Жибо, являющегося президентом Всемирного общества селининских исследований, состоялось обсуждение темы очередной посвященной творчеству Селина конференции, на которую как всегда должны были съехаться аспиранты и преподаватели из университетов стран всего мира, включая Австралию и Японию. Сидевший во главе овального стола профессор Сорбонны задумчиво спросил: «Ну что, мадам и месье, что мы будем обсуждать в следующий раз?» После чего вокруг воцарилось гробовое молчание. Собравшиеся за столом вопросительно уставились на профессора. Наконец, выдержав небольшую паузу, профессор громко и отчетливо произнес: *Peut-être «Démésure» ?!»* - и все радостно закивали. Непродолжительная немая сцена закончилась. Конечно же, «*démésure*», а что же еще!? Это изящное французское слово можно приблизительно перевести на русский как «беспредел» или же «беспредельность». Таким образом, темой следующей селининской конференции стала «беспредельность». С тех пор прошло уже несколько лет, и я даже успела получить по почте увесистый том с текстами сообщений, сделанных на этой, посвященной «беспредельности» Селина, конференции. Среди их названий мне особенно запомнились два: “*Mesure de démesure*” и “*Démésure de mesure*”, то есть «Предел беспредела» и «Беспредел предела».

Тем не менее в Париже до сих пор нет ни одной мемориальной доски, посвященной Селину, а его дом в Медоне не получил статуса дома-музея, что позволило бы его вдове Люсетт Детуш добиться существенных налоговых льгот в оплате своего жилья. Помню, во время своего самого первого приезда в Париж я по наивности отправилась на поиски дома Селина на Монмартре, однако, поблуждав вокруг неоднократно описанного в его романах места, я так и не смогла достоверно убедиться, что вижу перед собой именно тот дом. Там, конечно же, не было никаких мемориальных досок, а бродившие вокруг бомжовского, точнее клошарского, вида личности только недоуменно пожимали плечами. Зато во время своих тщетных поисков я натолкнулась на мраморную дощечку с именем певицы Далиды, которая тоже некогда обитала в этом районе.

Впрочем, кажется, почти все, что я могла бы сказать теперь о Селине, было, вероятно, уже мной когда-либо сказано или же написано, так что к его очередному юбилею мне уже почти нечего добавить. Разве что несколько историй, которые мне довелось услышать от его вдовы. Вот Люсетт, между прочим, с полным основанием можно назвать «подругой Селина», а не просто каким-то там досужим «другом-исследователем». Все-таки она поделила с ним многие тяготы и невзгоды, включая тюрьму и ссылку. Именно от нее я узнала, что не только Министерство культуры Франции, но и единственная дочь Селина от первого брака от него отказалась. Что не помешало ей после смерти Селина попытаться выселить Люсетт из дома в Медоне. К счастью, Селин предусмотрительно составил свое завещание таким образом, что ее попытка провалилась. Насколько я помню, дочь звали Колетт. Впоследствии несчастная свихнулась и угодила в Сент-Анн – психушку, расположенную неподалеку от знаменитой парижской тюрьмы Санте. Во время своего пребывания там она любила наряжаться в яркие платья и отплясывать с кастаньетами, видимо, представляя себя в роли Люсетт, какой ту в своих романах изобразил Селин. В частности, в одной из сцен романа «Север», где Селин описывает встречу с цыганами во время своего пребывания в Восточной Пруссии в самом конце войны: «Мы жмем друг другу руки... только одна женщина пришла с нами попрощаться, та, что с тамбурином... она даже посылает нам воздушные поцелуи!.. конечно, она танцовщица... у нее же не только тамбуринов... у нее еще и кастаньеты... специально для нас она трещит ими через окно... тррр! трррр! трррр! целая рулада!.. я говорю Лили: «попроси ее их тебе одолжить!..»

но Лили не хочет... я настаиваю... и еще как... а эта Эсмеральда уже зовет остальных, чтобы они посмеялись... она думает, Лили не умеет с ними обращаться, что это всего лишь так, баловство... они собираются над нами посмеяться... пардон!.. Лили надевает себе на пальцы веревочки и трррр! гораздо лучше, чем она!.. сразу видно, настоящая артистка!.. что за трели, что за переливы!.. шквалы... пиццикатти! легкие!.. изысканные!.. те все просто остолбенели... у окон... но они аплодируют... больше им ничего не остается!.. «еще!.. еще!» просят они... старик – тоже... он и вовсе орет во все горло... оценил... пусть Лили сыграет еще для него!.. еще тоньше!.. еще изысканнее!.. и еще громче!.. громче!.. фуриосо!..»

Не исключено, что Колеетт представляла себе нечто в этом роде – во всяком случае, мне так кажется. Пересечения очевидны!

Люсетт уверяет, что, когда они поженились, Селин тут же сел за работу, не собираясь ничего праздновать. Даже своим самым близким друзьям он не предложил выпить в честь их свадьбы, чем ужасно их всех разозлил.

В 1941 году один знакомый предложил Селину вступить в организацию франкмасонов. Селин ответил отказом, но изъявил желание посмотреть, «как все это происходит». Люсетт вместе с Селином отправились на собрание, проходившее в подвале церкви Сен-Жермен-де-Пре. Там стоял огромный стол, вокруг которого сидело множество народу, почти как на картине «Тайная вечеря». Впоследствии Люсетт очень часто возвращалась к этой теме и была убеждена, что если бы Селин тогда согласился, то обрел бы влиятельных покровителей, однако он был законченным индивидуалистом.

В 1942 году Селин и Люсетт собрались провести лето в Сен-Мало, как они это обычно делали, но немцы им запретили, и они отправились в Кэмпе, в психиатрическую лечебницу, которую возглавлял знакомый Селина, доктор Мондэн. Последний был страстным любителем живописи и каждую ночь отправлялся на этюды, а утром возвращался сияющий от счастья, неся под мышкой очередное абсолютно черное полотно. Его жена периодически предпринимала попытки выброситься из окна, а больные прислуживали за столом и на кухне. Одному из них, ранее разрезавшему свою жену на мелкие кусочки, обычно поручалось разделявать на кухне мясо.

Интересно, что в самом начале немецкой оккупации Парижа Жан-Поль Сартр явился к Селину с просьбой походатайствовать у оккупационных властей о постановке его пьесы «Мухи». Однако Селин отказался, сославшись на то, что не имеет никакого влияния на немцев. Сартр не поверил и затаил обиду. После войны объявивший себя одним из участников Сопротивления Сартр принял самое активное участие в травле Селина, обвиняя его в том, что тот сочинил свои антисемитские и расистские памфлеты специально по заказу немцев и за деньги. В послевоенных романах Селин, в свою очередь, называл Сартра не иначе, как «Тартр» или же «Сартир». Помимо прочего, Селин считал Сартра одним из самых наглых своих плагиаторов, которые беззастенчиво обворовали его, присвоив себе практически все его художественные открытия. Именно в этом, то есть в желании избавиться от своего главного конкурента, он и видел главные причины развязанной против него в послевоенные годы клеветнической кампании.

Хорошо известно, что после окончания войны Селину и Люсетт пришлось бежать в Копенгаген, где они поселились у подруги Селина, танцовщицы Карен Мари Йенсен. В декабре 1945 года за ними пришли полицейские, которые ужасно их напугали, так как они решили, что это просто какие-то люди, которые явились их убить, потому что все полицейские были в штатском. Селин и Люсетт с котом Бебером в сумке выскочили на крышу из мансарды, где они жили, и бросились бежать, совсем как в американском боевике, однако их почти сразу же поймали.

Кстати, Селин в то время всегда носил с собой пистолет для самозащиты и цианистый калий для того, чтобы в случае чего покончить с собой. Датские полицейские при обыске помимо пистолета обнаружили у него еще и хирургические инструменты, поэтому заподозрили Селина в том, что он тайно делал аборт. Ко всему прочему соседи Селина

тут же донесли полицейским, что в эту квартиру постоянно приходили какие-то девушки. Трудно сказать, что делали эти девушки у Селина, и вообще, правда ли это -- думаю, что нет, и соседи просто специально оклеветали подозрительного иностранца. Хотя, когда они с Люсетт еще жили на Монмартре, у Селина, действительно, чуть ли не каждый день появлялись новые пассии. Правда, в основном это были женщины с лесбийскими наклонностями - Селин любил наблюдать, как они развлекаются. Об этом он даже как-то сам написал в письме своему американскому знакомому Милтону Хиндусу: «Я всегда предпочитал красивых женщин-лесбиянок: на них очень приятно смотреть, и кроме того, их сексуальные призывы ни к чему меня не обязывают».

Как бы то ни было, но в Копенгагене Люсетт и Селин были арестованы. Люсетт обвинили в шпионаже и десять дней продержали в камере с пожилой датчанкой, убившей своего мужа и присвоившей себе его деньги. Люсетт не говорила по-датски, а Селин не разрешал ей произносить ни одного слова на этом языке, хотя одно слово она все-таки выучила: «bread», то есть «хлеб».

Когда Люсетт приходила в тюрьму на свидание с Селином, она всегда приносила в сумочке Бебера. Кот не шевелился и только в самый последний момент, как будто прощаясь, протягивал Селину лапку. Люсетт утверждала, что даже печь она топила в своей квартире исключительно ради Бебера, чтобы тот не умер от холода. Таким образом, Бебер невольно помог ей тогда выжить.

В датской тюрьме Селина постоянно подвергали как физическим, так и моральным пыткам. Ему сообщали, что его освобождают, одевали, сажали в автобус, а потом привозили обратно в тюрьму. Не менее часто ему приходилось выслушивать известие о том, что сегодня он будет расстрелян. Селин потерял в тюрьме 20 килограммов, поэтому его поместили в тюремную больницу. Он лежал там за ширмой, и когда рядом с ним умирал пациент, должен был звонить в специальный колокольчик, после чего приходили санитары и забирали труп.

Селин пробыл в тюрьме больше года, но потом адвокату все же удалось добиться его освобождения. В день его возвращения Люсетт купила прекрасную магнолию с белыми цветами. Однако когда Селин пришел домой, все цветы опали – остались одни ветви.

После тюрьмы здоровье Селина было окончательно подорвано: теперь он ходил, опираясь на палку, и чувствовал себя ужасно. Зимой 1947/48 года они провели в небольшой комнатке тюремного сторожа, который временно согласился уехать в Ментон, где жила мать Люсетт. Вообще в Дании им приходилось постоянно переезжать с места на место. Наконец, адвокат Селина Миккельсен предложил им поселиться неподалеку от Корсора, в своем летнем домике на берегу Балтийского моря, где они и провели три года. Люсетт каждое утро купалась в Балтийском море, даже в мороз, а Селин потом согревал ей ноги банками с кипятком. В результате Балтику, как и Данию, Селин возненавидел на всю оставшуюся жизнь: за однообразный серый цвет воды и неба, холод и мрак.

Только в середине 1951 года Селин и Люсетт снова смогли вернуться во Францию. Сначала они прилетели в Ниццу, а затем переехали в Ментон, где, как я уже сказала, в то время жила мать Люсетт.

Люсетт каждый день тренировалась, чтобы не потерять физическую форму – прыгала на скакалке, отчего внизу в салоне тряслась хрустальная люстра. Как-то утром служанка принесла им записку, где было сказано: «Вы чрезвычайно нас обяжете, если прекратите свои забавы». На что Селин ответил служанке: «Передайте госпоже, что мы не хотим ни к чему ее обязывать», - и добавил, обращаясь к Люсетт: «Люсетт, давай прыгай, тебе осталось еще двадцать раз». Селин не хотел, чтобы Люсетт жила исключительно за его счет и не разрешал ей отказываться от уроков танцев, которые позволяли ей зарабатывать деньги. «Если у тебя не будет денег, ты даже рта открыть не сможешь», - неизменно повторял он. И она действительно всю жизнь, до глубокой старости, продолжала давать

уроки танцев. Ученицы приезжали к ней домой. Зал для упражнений сохранился в Медоне до сих пор - с зеркалами и балетными станками вдоль стен.

Ставший последним пристанищем Селина дом в парижском пригороде Медон был куплен в августе на деньги от продажи двух принадлежавших Люсетт ферм в Нормандии. А переехали они в Медон в октябре 1951 года. Тогда Селин и переписал заново их супружеский контракт, в соответствии с которым единственной владелицей дома становилась Люсетт. Он как будто чувствовал, что после его смерти дочь Колетт попытается выгнать Люсетт из дому.

После смерти Бебера Люсетт нашла для Селина нового товарища, купив в универмаге «Самаритэн» попугая Тото. Тото поселился в одной комнате с Селином, где постоянно разбрасывал его рукописи, и порой Люсетт слышала, как они беседуют на одном, только им понятном языке. Люсетт в своей ванной комнате тоже завела множество птиц, для чего на окнах были установлены решетки. Птицы летали там и вили гнезда. Когда она, лежа в ванной, читала журнал, они клювами пробивали страницы, желая обратить на себя ее внимание. Начиная с 1951 года в Медоне у них было 50 собак и бесчисленное количество кошек. Люсетт подбирала на улице всех брошенных животных.

В Медоне Селин продолжал заниматься медициной, но лечил исключительно бедных, которые были не в состоянии ему платить. Кроме того, как правило, он сам посещал их на дому. Один знакомый как-то встретил его на тропинке, ведущей в Нижний Медон. Селин, одетый очень чисто, в пиджаке и при галстуке, стал что-то бормотать, указывая рукой на какой-то дом: «Она там, она недавно пришла...». Потом выяснилось, что он почти каждый день навещает одну старушку, больную раком в последней стадии. Он не брал с нее ни копейки, так как денег у нее не было, а старушка постоянно выражала недовольство, что он плохо ее лечит. Не исключено, что именно ее Селин описывает в романе «Из замка в замок» под именем мадам Нисуа.

Селин оставил медицинскую практику только в 1959 году, когда здоровье его окончательно пошатнулось.

Примерно в это время Люсетт несколько раз возила Селина в Париж к дантисту, после чего они обычно заходили в кафе недалеко от Мадлен, где пили кофе с молоком и ели круассаны. Однажды Селин остался ждать там Люсетт, которая отправилась за покупками. Он был одет по своему обыкновению в драную на локтях кофту и обтертую на воротах и манжетах рубашку, на груди у него виднелись небольшие пятнышки крови. Тут к нему подошел служащий кафе и, деликатно взяв за локоть, попросил к выходу, стараясь при этом не привлекать внимания остальной публики. «Такие места не для тебя, приятель, - объяснил он безропотно повиновавшемуся Селину. – Не стоит тебе сюда приходить!»

Как-то на пляже в Дьеппе Люсетт разговорилась со стариком крайне жалкого и оборванного вида, который собирал там камни и грузил их в тележку. Он начал жаловаться Люсетт, рассказывать ей о своей тяжелой жизни, о том, что у него отобрали сарай, где он держал лошадь... И вдруг сказал: «Есть только один человек, который сказал правду об этом мире - это тот, кто написал «Смерть в кредит»! Естественно, он не знал, что говорит с вдовой автора этой книги. После этого старик удалился вместе со своей лошадью и тележкой, груженной кучей камней.

Я познакомилась с Люсетт лет пятнадцать назад, когда ей было восемьдесят. Тогда она была еще полна сил и водила меня в ресторан, оперу, ходила со мной в гости к общим знакомым. Сейчас она уже практически никуда не выходит из своего дома в Медоне и принимает гостей полулежа в кресле, рядом с огромной клеткой попугая Тото. Во время своего последнего пребывания в Париже я наконец решила, что неплохо бы все-таки сделать законченное интервью с вдовой Селина. Люсетт не стала возражать против того, чтобы я записала нашу беседу на магнитофон. Однако когда я попыталась спросить ее про

пребывание в Дании, она надолго задумалась и потом несколько раз повторила: «Там было очень холодно, холодно... очень холодно...» И все.

Глава восемнадцатая Политика литературы

Между тем стоит задуматься, почему во Франции исследователи Селина или же Сада не спешат называть себя «селинистами» или же «садистами», а перед отечественными пушкинистами и их коллегами подобная дилемма вообще не стоит. В России, как я уже сказала, одни только сталиноведы считают нужным сейчас дистанцироваться от Сталина и его последователей. Ну, разве что еще исследователи творчества Льва Толстого могли бы сегодня указать на то, что их не следует смешивать с «толстовцами», если бы таковые к настоящему моменту окончательно не вымерли. Пожалуй, это единственный случай, когда ученые из числа наших соотечественников скорее всего сочли бы необходимым хоть как-то акцентировать свое расхождение со взглядами одного из классиков русской литературы, да и то, скорее, из желания отмежеваться от его очевидной наивности. Кому охота, чтобы его приняли за откровенного лоха, который, вырядившись в холщевую рубаху, готов вставать ни свет, ни заря и тащиться в поле пахать, да еще бесплатно, в то время как другие спокойно набивают себе карманы «бабками», покупают шикарные «тачки» и оттягиваются на умопомрачительно дорогих курортах Лазурного побережья.

И все же, откуда взялись все эти тонкие лингвистические и смысловые различия, укоренившиеся ныне в глубинах человеческого подсознания? Из-за чего Селин, Сад и поныне вызывают у литературоведов бессознательный трепет, а Пушкин и ему подобные – нет? Ответ напрашивается сам собой: в России к настоящему моменту так и не родилось ни одного писателя, сопоставимого по своему влиянию на умы и сердца людей со Сталиным. По-моему, это совершенно очевидно! А во Франции по крайней мере два таких писателя имеются: Сад и Селин!

Иными словами, во Франции разрыв между умственными способностями писателей и политиков не столь катастрофически велик, как в России. Мало того, в современной России эта пропасть, к сожалению, не только не уменьшается, а углубляется: политики становятся все более и более изощренными, а писатели – простоватыми. Вероятно, поэтому сегодня даже привычное словосочетание «искусство политики» уже практически ничего не значит, а употребляется исключительно по инерции, как эхо давнего прошлого, доносящееся откуда-то из времен Макиавелли, не ближе. То есть если политики сейчас и используют это словосочетание, они, вероятно, представляют себя кем-то вроде Данте, Шекспира или же Гомера, но никак не Толстым, Пушкиным или тем более Венечкой Ерофеевым, Бродским и Граниным. Хотя бы потому, что первых трех они, скорее всего, не читали, а то бы, возможно, и вовсе отказались от этой привычной формулировки. Однако Данте, Шекспир и Гомер все равно внушают современным людям некоторое почтение, поскольку их имена сохранились и дошли до наших дней через несколько столетий. Факт и вправду заслуживающий удивления. А в остальном на смену искусству политики сейчас окончательно пришла политика искусства!

Конечно, сами выражения «политика искусства» и «политика литературы» еще слегка режут слух и не стали устойчивыми и привычными или же, как еще обычно называют подобные словосочетания, «идиоматическими». Однако мне ни разу не приходилось слышать из уст политологов рассуждений о «дискурсе», «трансгрессии», «реконструкции» и прочих туманных понятиях, которые долго и безуспешно пытались запустить в широкий обиход некоторые из теоретиков современного искусства. Вместе с тем сами эти же теоретики сейчас постоянно говорят об «имидже», «пиаре», «раскрутке», «манипулировании сознанием масс» в применении к литературе, причем абсолютно непосредственно, как о чем-то само собой разумеющемся и не подлежащем сомнению. А

это значит, что для большинства современных литературоведов и искусствоведов, изъясняющихся на сленге, практически полностью позаимствованном у политологов, занятие литературой теперь мало чем отличается от политической деятельности. Их речь достаточно наглядно об этом свидетельствует.

Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что в наши дни на смену некогда устойчивым представлениям о политике как об искусстве, - когда занятие политикой сравнивалось с художественным творчеством как с чем-то высшим и достойным подражания, - пришла политика искусства, где образцом для подражания стала уже сама политика. Расхожая метафора, если так можно выразиться, вывернулась наизнанку. И в этом нет ничего удивительного. Подражать можно чему-то великому и внушающему уважение, а прошедшие два века в отечественной культуре ничего подобного не дали. Ничего по-настоящему поучительного, кроме Сталина!

Забавно, что все эти «раскрутки», «пиары», «манипулирования массами», о которых в один голос сегодня вслед за политологами твердят деятели искусства, вовсе не являются чем-то существенным и серьезным, чему действительно следовало бы сейчас учиться писателям и художникам. И это лишний раз свидетельствует об уровне умственных способностей последних. Характерно, что по-настоящему серьезные и крупные политики, включая того же Сталина, никогда не позволяли себе подобной легкомысленной болтовни. В этом отношении нынешние писатели и художники чем-то напоминают дворовых хулиганов, которые не прочь блеснуть своими познаниями «фени» перед школьниками младших классов и их слабоумными мамашами. Все-таки тот, кто всерьез задумал какое-то значительное преступление, решил ограбить банк, например, никогда не станет попусту размахивать на улице ножом или же трепать языком, просто чтобы лишний раз покрасоваться на публике. Наоборот, он постарается максимально скрыть свои намерения, ибо настоящий кайф для него заключается в достижении конечной цели.

Никогда не забуду, как в самом начале девяностых писатель Лимонов, выступая в каком-то телевизионном ток-шоу, на безобидный вопрос ведущего о том, что сегодня является главным оружием писателя, вдруг неожиданно достал из кармана перочинный ножик и, продемонстрировав его присутствующим, заявил: «Вот мое оружие!». После этого даже моя мамаша выразила сомнение в его умственных способностях. И должна признаться, это был тот редкий случай, когда я была вынуждена с ней мысленно согласиться. Несмотря на то, что Лимонов всегда вызывал у меня симпатию. Однако симпатия симпатией, а сути дела это нисколько не меняет: ни о каком величии духа и замыслов в современном искусстве говорить не приходится!

А вот Сталин, судя по сохранившимся кадрам кинохроники, всегда держался спокойно и уверенно, говорил негромким голосом, не вынимая изо рта свою неизменную трубку, цедил слова сквозь зубы, отчего каждое его слово звучало как-то по-особому, тут же обретая весомость и значимость. Еще мне нравится в Сталине его методичность: он продумывал каждое свое действие, каждый жест. Я читала в воспоминаниях его современников, что к каждому, в том числе самому на первый взгляд незначительному, телефонному разговору он очень тщательно готовился, настраивал себя на нужную волну. Я так и представляю себе эту картину. Сталин сосредоточенно ходит туда-сюда по своему кабинету, держа в одной руке трубку, заложив другую руку за спину, как Наполеон, а его губы потихоньку, едва заметно, шевелятся - это он репетирует воображаемый разговор с незримым собеседником. Однако Сталин, как известно, умел доставать и подчинять себе людей не только в разговорах. Примечательно, что эти его способности проявились задолго до того, как он стал главой государства. Еще в молодости, занимаясь революционной деятельностью, он был какое-то время в ссылке в одной из глухих сибирских деревень. И жил он там в одном доме, точнее, в одной комнате со Свердловым, который потом вспоминал об этом коротком периоде своей жизни как о настоящем кошмаре. Сталин практически целыми днями лежал на кровати и курил, пуская клубы дыма в потолок, а окурки бросал прямо на пол. Так что несчастный Свердлов был

вынужден и пол подметать, и обед готовить, и чуть ли не белье стирать. Сталин же не делал абсолютно ничего!

Если теперь вспомнить знаменитую историю, которой в детстве меня постоянно пичкали родители и учителя, про то, как маленький Володя Ульянов случайно разбил графин, а затем долго мучился и, наконец, не выдержал и признался маме в содеянном, чтобы та не подумала на его братьев и сестер, так вот, если вспомнить эту историю и сопоставить ее с поведением Сталина, то становится понятно, что дальнейшая судьба вождя мирового пролетариата в его соперничестве со Сталиным была фактически предрешена, даже если он потом и постарался укрепить свои нервы. Все равно способности, данные человеку от природы, никогда не сравнятся с тем, что достигается им путем самовоспитания.

Таким образом, вместо того чтобы твердить о «раскрутке» и «манипулировании толпой», современным писателям стоило бы задуматься о более существенных вещах, которым они могли бы поучиться у политиков. В частности, чтобы разобраться в нагромождении жизненных фактов и событий, человеку всегда бывает полезно хоть немного от них отстраниться, дабы иметь возможность охватить взглядом все происходящее целиком. Психологи даже рекомендуют мысленно сосчитать до двадцати или же до пятидесяти, а еще лучше - до ста, прежде чем ответить на чью-либо грубость. Иными словами, для проникновения в суть событий и адекватной на них реакции, а также подбора наиболее удачных образов и слов, всегда необходима некоторая временная дистанция, как в случае, когда тебе нахамили: лучше всего не отвечать тому, кто это сделал, сразу, а выждать благоприятный момент, подобрать самое язвительное ругательство или же тихо подкрасться потом сзади и... Именно так, насколько я знаю, и поступал Сталин, который никогда не отвечал своему обидчику тотчас, а способен был выжидать довольно долго, иногда годами и целыми десятилетиями. Вот этому у Сталина стоило бы поучиться каждому писателю, ибо эффективность такого отношения к реальности блестяще доказана им на практике!

Глава девятнадцатая

Прощай, грусть!

Вчера случайно услышала, что несколько дней назад умерла Франсуаза Саган. И сама немного удивилась, насколько буднично прозвучало для меня это известие: как будто мне просто напомнили о том, что я уже почти забыла. Нет, грустно, разумеется, но я уже давно смирилась с отсутствием этой писательницы в окружающем меня мире. С некоторых пор она как-то незаметно переместилась в разряд авторов, предназначенных если и не для массового читателя, то для детей и юношества. Вполне возможно, что я бы и вовсе не стала публично реагировать на это печальное событие, если бы не наша мимолетная встреча во время моего недавнего пребывания во Франции. Все-таки получается, что умерла не просто знаменитая писательница, а какая-никакая знакомая, ибо факт знакомства с человеком всегда делает его уход из мира чуточку более значимым, даже когда речь идет о столь бесплотном существе, как писатель, еще при жизни практически полностью растворившемся в собственных текстах. Ведь писатель – это уже не совсем человек, поскольку достаточно просто перестать читать его книги, чтобы он для тебя умер. Вот и я уже давно не открывала книг Франсуазы Саган, хотя мне и довелось открывать дверь ее дома в Нормандии.

Надо сказать, что большинство моих парижских знакомых, которые так или иначе подпадают под такое, вроде бы сугубо русское, определение, как «интеллигенция», всегда недовольно кривятся, когда кто-либо при них произносит имя Саган. Естественно, я не могла этого не заметить. Однако это обстоятельство мало повлияло на мое к ней отношение: во всяком случае, в отрицательную сторону. Скорее, наоборот. Столь

болезненная реакция невольно снова пробудила во мне казалось бы уже давно угасший интерес к ее личности. Еще бы! Не удовлетворять вкусам интеллигенции, заставляя их морщиться – это уже кое-что. О таком большинство ныне живущих писателей могут только мечтать! Поэтому, когда я узнала, что книга Франсуа Жибо, которую я перевела на русский, посвящается не просто какому-то абстрактному Бобу, как это имя было обозначено на титуле, а американскому актеру Бобу Вестхоффу, второму мужу Франсуазы Саган, умершему от рака буквально на руках у Жибо, я стала настойчиво упрашивать Франсуа непременно познакомить меня с Саган. Однако он все время отвечал очень уклончиво, ссылаясь на ее неважное самочувствие и проблемы с законом, которые, насколько я поняла, были связаны главным образом со злоупотреблением кокаином. Тем не менее во время своего последнего приезда в Париж мне все же удалось его уломать. Жибо сам отвез меня на машине в ее дом под Онфлером, а точнее, просто захватил с собой, когда в очередной раз отправился ее проведать - меня и еще некоего Дени, который оказался сыном Франсуазы Саган и Боба.

Я знала, что Саган тяжело больна - только что выписалась из больницы после операции - и готовилась к худшему: к встрече со старой больной наркоманкой с трясущимися руками, иссушенным морщинистым лицом и лихорадочным взглядом. Но все оказалось не так уж и страшно, хотя подробности и детали этого посещения (ибо все это очень напоминало посещение больного в клинике) я все-таки предпочитаю оставить за кадром. Она и вправду выглядела неважно и держалась напряженно, но все равно меня неплохо покормили. Этот дом она купила после того, как выиграла в казино в Довиле восемьдесят тысяч франков. Поскольку раньше там находилась галантерейная лавка, то, чтобы попасть внутрь, ей приходилось каждый раз поднимать массивный железный занавес. Одно время она вообще так много играла, что сама попросила запретить ей вход в парижские казино, так как порой проигрывала просто фантастические суммы. Конечно, глядя на нее, мне было трудно в это поверить, хотя я и слышала, что когда-то она любила покупать дорогие спортивные машины и гонять на дикой скорости по Парижу, вызывая негодование у добропорядочных обывателей и поставляя огромное количество скандальных сплетен для бульварных изданий. Она и сама признавалась: «Меня всегда привлекала возможность прожигать жизнь, пить, пьянеть». В апреле 1957 года она попала в серьезную автомобильную аварию и в течение нескольких недель находилась между жизнью и смертью. Именно тогда, по словам Франсуа, она и пристрастилась к морфию. Второй раз в автомобильную катастрофу она попадает во время путешествия в Колумбию со своим другом Франсуа Миттераном. Результатом стал разрыв плевры.

Как бы то ни было, но этот визит ничего существенно нового к уже сложившемуся у меня образу не прибавил, кроме сознания того, что я познакомилась с еще одной знаменитой француженкой. Примерно такое же чувство испытываешь, когда посещение какой-нибудь выставки или перформанса уже ничего не прибавляет к образу художника, к которому ты давно утратила серьезный интерес. Да и сам художник к тому же как будто это чувствует, поэтому тоже не особенно старается привнести в свои картины что-нибудь новое и поразить окружающих. Вот и Франсуаза Саган, мне показалось, уже потеряла интерес как к людям, так и к самой себе. И этим она существенно отличалась и от Люсетт (вдовы Селина), и от Натали Саррот, хотя по возрасту они вроде бы и были значительно старше ее.

Если же немного отстраниться от личных впечатлений, то известие о смерти Франсуазы Саган прозвучало сегодня еще и как далекое эхо давно отгремевшего французского экзистенциализма. И, по всей видимости, последнее: других напоминаний об этом философском движении в обозримом будущем явно не предвидится. Сейчас мне уже трудно вспомнить, какая именно проблематика волновала эту писательницу: ее произведения практически полностью выветрились из моей головы, хотя читала я их в свое время с упоением. Более-менее отчетливо запечатлелась только история про то, как девочка подросткового возраста всячески доставала любовницу своего отца, и в результате

та напилась и втемяшилась куда-то на автомобиле, то есть фактически покончила с собой. Скорее всего, это было самое первое произведение Саган, название которого она позаимствовала у Элюара: «Здравствуй, грусть!». Во всяком случае, я точно помню, что девочка в конце вдруг почувствовала легкую грусть, поскольку впервые столкнулась со столь сильными чувствами и неожиданными поступками взрослых. Именно поэтому, вероятно, критики сразу же и причислили Саган к последовательницам одного из столпов экзистенциализма Жана-Поля Сартра. Все-таки экзистенциализм был последним литературно-философским течением двадцатого столетия, творцы которого настаивали на том, что человек даже в самых обычных ситуациях вынужден совершать постоянный выбор между жизнью и смертью. Чего стоит одно название книги того же Сартра: «Бытие и ничто»! Я ее, разумеется, не читала, но название звучит почти как гамлетовское «быть или не быть». Возможно, я ошибаюсь, но мне почему-то кажется, что и Франсуаза Саган тоже вряд ли особенно вчитывалась в философские труды Сартра. Зачем читать, когда и из названия все более-менее понятно?

Забавно, но сегодня в ее собственном творчестве мне тоже больше всего нравятся именно названия, которые я только и запомнила: «Немного солнца в холодной воде», «Любите ли вы Брамса?», «Смутная улыбка» ... И наконец, «Здравствуй, грусть!» - этот роман она опубликовала, когда ей было девятнадцать. Всего же за пятьдесят лет она написала около пятидесяти книг. Надо отдать ей должное: книги с такими названиями, и правда, хочется непременно открыть и прочесть. Именно в названиях, мне кажется, и кроется главная причина коммерческого успеха ее романов. Я бы даже назвала Саган «гением названий»! А содержание ее книг не так уж и важно - главное, что ей удалось создать образ очень легкой, почти воздушной и неземной женщины, которой можно поверить на слово, услышав всего несколько обрывочных фраз, случайно оброненных ею на ходу, особенно не углубляясь в то, что за ними стоит. В одном из интервью она говорит о себе так: «Мой образ, созданный в течение многих лет, свидетельствует о беспорядочной жизни. Не могу сказать, чтобы он мне очень нравился, но все же он гораздо привлекательнее, чем другие. Учитывая все: виски, Феррари, игру, - это картинка все равно более забавная, чем вязание, семья, домашнее хозяйство...». Эта легкость в облике Франсуазы Саган, вероятно, больше всего и раздражает «французских интеллигентов», ибо они ошибочно принимают ее за поверхностность. Хотя Саган действительно, если так можно выразиться, скользила по поверхности жизни и «бежала по ее волнам».

Примерно такое же раздражение вызывает у многих моих парижских знакомых и Жан Жене. И, скорее всего, по той же причине: большинство из них считает его чуть ли не откровенным профаном и дураком. Однако не стоит забывать, что причастность к экзистенциализму предполагает не столько начитанность, сколько способность на рискованный поступок, не укладывающийся в рамки обыденных представлений о человеческой свободе. А этого у Жене никак не отнимешь.

Безусловно, Саган явила миру куда более облегченный вариант французского экзистенциализма, чем Жене! И это сразу же бросается в глаза, хотя бы из-за явного несходства их человеческих и писательских судеб. Жене был беспризорником, бродягой и вором, начавшим писать в тюрьме и пробившимся в большую литературу только где-то к сорока годам. На его фоне Франсуаза Саган выглядит настоящим баловнем судьбы. Дочь богатого предпринимателя, уже в девятнадцать лет добившаяся громадного успеха у широкой публики, который не покидал ее практически до самой смерти. Свой первый роман она написала всего за два месяца и, по ее словам, «главным образом, в парижских кафе, перепечатывая затем его двумя пальцами на машинке».

Разве что две судимости (одна - за кокаин, вторая - за неуплату налогов) заставляют задуматься над тем, что и в ее жизни далеко не все складывалось столь уж гладко, но все равно, благодаря своим связям и дружбе с французским президентом, ей в обоих случаях удалось благополучно избежать тюрьмы. С налогами она «прокололась», ввязавшись в крупную денежную аферу где-то в одной из наших бывших среднеазиатских республик.

Говорят, что в этом случае ей помог не только французский президент, но и то, что на допросах она «косила» под законченную наркоманку и алкоголичку. На все вопросы следователя она отвечала, что абсолютно ничего не помнит - получилось в высшей степени убедительно.

В целом же, если оставить за скобками различные неурядицы и личные драмы, которые неизбежно сопровождают жизнь любого человека, ее творческая судьба наверняка станет предметом тайной зависти для многих поколений юных писательниц. И примерно с такой же долей уверенности можно утверждать, что, скорее всего, подобная участь так и останется для них недостижимой мечтой. Я, по крайней мере, в этом отношении ей совершенно искренне завидую, однако в моей зависти нет ничего тяжелого, мрачного и злобного, как нет всего этого и в облике самой Франсуазы Саган. А во французской литературе, точно так же как и в русской, было достаточно литераторов, которые строили свое писательское и человеческое благополучие на бесцеремонном вторжении в жизнь других людей с навязчивыми проповедями и нравоучениями. О Саган такого не скажешь. И это уже немало. Поэтому «великой писательницей», к счастью, ее назвать язык не поворачивается! Мне нравится ее умение не оставлять особо глубоких следов в человеческой памяти. «Здравствуй, грусть!», «Прощай, грусть!» - от перестановки слов в обратной временной и смысловой последовательности фактически ничего не меняется.

В 1988 году Франсуаза Саган сама составила о себе заметку для Словаря современной французской литературы: «Явилась в 1954 году с тоненьким романом «Здравствуй, грусть!», который вызвал мировой скандал. Исчезла после жизни и творчества в равной степени приятных и халтурных, но это уже стало скандалом только для нее самой».

Глава двадцатая

Гений пустоты

Тимура Новикова называют ключевой фигурой петербургской независимой культуры, расцвет которой обычно относят где-то к концу 80-х - началу 90-х годов. Однако я считаю, что по-настоящему выдающимся, то есть резко выделяющимся на фоне окружения, его сделали только трагические обстоятельства последних лет его жизни. Все-таки современному искусству, особенно тому, которое так или иначе связывают с богемой, андеграундом или же так называемым постмодернизмом, часто очень не хватает основательности, значительности и вообще чего-то такого, что заставило бы окружающих отнестись к нему всерьез. Особенно это стало заметно после крушения Советского Союза, когда свобода самовыражения перестала быть сопряжена с риском противостояния власти. Так, суетятся какие-то молодые люди, хихикают, шутят, устраивают, может быть и забавные, но уж больно поверхностные и не оставляющие особого следа в людской памяти перформансы. В то время как в глазах обывателя настоящий художник, дабы остаться в веках, должен чувствовать сопротивление материала, ваять тяжелым молотом из куска гранита, а не строить фигурки из песка. И мне кажется, что Тимур всегда остро ощущал некоторую легковесность главного дела своей жизни и стремился ее преодолеть. Однако и учрежденная им Новая Академия Изыщных искусств, и громогласные заявления о возврате к традиционным формам классического искусства для подавляющего большинства окружавших его людей скорее всего так и остались бы еще одной постмодернистской шуткой. Почти все мои знакомые именно так эти жесты Тимура и воспринимали. И только неизлечимая болезнь и слепота, неожиданно настигшие его в середине 90-х, невольно помогли ему продвинуться в этом направлении. Те, кто был с ним рядом, вроде бы по-прежнему делали то же самое, что и он, но, на самом деле, это было уже не совсем так. Слепой художник продолжал активно участвовать в художественной жизни, создавать картины и коллажи, снимать фильмы – ситуация, что ни говори, достаточно необычная. Отныне Тимур не только словами и действиями, но всей своей

жизнью наглядно демонстрировал окружающим: если критики, зрители и эксперты давно уже ничего толком не понимают и не различают, то и самому художнику тоже совсем не обязательно как-то особенно напрягаться, чтобы творить - позволительно вообще ничего не видеть. Если так можно выразиться, Тимуру удалось преодолеть легковесность современного искусства, доведя ее до абсолютного предела и, тем самым, сделав вполне осязаемой и весомой. И действительно, я никогда больше не встречала человека более легкого, чем Тимур. Столь явственно легкого. И, вероятно, поэтому ему гораздо лучше давались разные публичные акции, чем работа с холстом и другими материальными объектами. Даже его устные выступления при переводе на бумагу много теряют.

Что касается творческого наследия Тимура, то тут тоже, скорее, можно говорить о некоем достаточно «пустом» пространстве, не слишком заполненном материальными шедеврами, обилие которых обычно оставляют после себя так называемые «великие художники». Именно поэтому, я думаю, Тимур Новиков уже сейчас столь часто становится объектом всевозможных научных исследований и статей. Подобное свободное пространство дает исследователям практически полную свободу толкований и интерпретаций. То же самое можно сказать и про тех, кто решит поделиться с окружающими своими воспоминаниями о Тимуре. Мне кажется, что каждый из них снова рискует невольно вовлечься в ту бесконечную игру, которую он вел, и погрузиться в пучину этой безграничной пустоты и свободы, став не просто наблюдателем, а активным участником или даже соучастником описываемых событий. Как это обычно и бывало при жизни Тимура. С этой точки зрения Тимур Новиков, безусловно, является легендарной личностью, так как про него, не сомневаюсь, со временем начнут слагать настоящие легенды.

Жаль, конечно, что его больше не увидишь в галерее Новой Академии на Пушкинской – с тех пор как он перестал там появляться, это место сильно поблекло. В последние годы жизни, собираясь на очередной вернисаж, Тимур неизменно облачался во фрак, на лацкане которого поблескивал восьмиконечный орден. На вопрос о происхождении этого ордена он всегда только загадочно улыбался. Фрак, роскошный цилиндр, брюки в тонкую полосочку, лаковые штиблеты и крахмальную рубашку, насколько я помню, он приобрел у Владика Монро за весьма приличную сумму – Владик тогда нуждался в наличных, а Тимур Петрович всегда славился своим гуманизмом, да и торговаться он считал ниже своего достоинства. Когда я приходила к Тимуру, в его обшарпанную квартиру на Литейном, где на кухне был совершенно черный потолок, он обычно встречал меня стоя, опираясь на живописную трость с серебряным набалдашником. От этого у меня всегда было впечатление, что я попала в великолепный дворец, золоченые чертоги, как у царя Салтана, не иначе. И так, я думаю, было с каждым его гостем. К тому же стены комнаты Тимура были все увешаны его аппликациями на золотой парче и бархате, которые были украшены жемчугом, золотом и бриллиантами – по крайней мере, именно так мне тогда казалось.

Помню, как на презентации моего романа «Домик в Буа-Коломб», он достаточно неожиданно для меня, не говоря уже о всех остальных, кто там присутствовал, вручил мне Рокфеллеровскую премию. Я даже не уверена, что к тому моменту он успел познакомиться с содержанием этого романа, который только что вышел из печати, разве что с какими-нибудь отрывками, которые ему могли зачитать его многочисленные и постоянно сменявшие друг друга секретари. Презентация проходила в небольшой галерее на Лиговском проспекте. Тимур явился в своем фраке и с тростью, в разгар презентации вышел на сцену, произнес небольшую речь о том, как важно оказывать поддержку гению, который часто сам неспособен прокормить себя в этом грубом мире. Закончив речь, он извлек из кожаной папки довольно увесистый конверт и торжественно вручил его мне вместе с живописной картинкой, на которой было изображено восходящее солнце, окаймленное золотым растительным орнаментом, сопроводив формулировкой: «За создание образа настоящего русского интеллигента с человеческим лицом!» Отвечая потом на вопросы присутствовавших журналистов, он тут же во всех деталях, подробно,

рассказал им о том, что это поэт и издатель Дмитрий Волчек (роман вышел в издательстве «Митин Журнал») познакомился в Нью-Йорке с внучкой Рокфеллера и выхлопотал для меня эту премию, которая теперь не даст мне умереть с голоду... Не буду говорить, что я увидела, открыв конверт, но мне ничего не оставалось как стать соучастницей этого акта, который, кстати, имел достаточно неожиданные последствия для моей писательской судьбы, так как информация об этой премии попала потом в СМИ, причем не только у нас, но и за границей.

Практически каждую ситуацию, к которой он оказывался причастен, Тимур стремился перевернуть, довести до абсурда, но это, как ни странно, вовсе не мешало ему достигать вполне успешных практических результатов. В феврале 1999 года мы организовали с ним фестиваль петербургского декаданса, в котором наряду с такими известными личностями, как Владик Монро, Андрей Бартенев, Наталья Пивоварова и Вова Веселкин, принимали участия совершенно деклассированные бомжи, которых мы с Тимуром нашли на улице, и я тогда предложила привлечь для охраны нашего мероприятия членов петербургского отделения НБП. Тимур с радостью подхватил эту идею. Особенно его вдохновило то, что вокруг всего зала по периметру будут стоять молодые люди, облаченные в живописные черные наряды с портупейми. На предварительном инструктаже он сразу же дал им указание ни в коем случае не пускать в зал журналистов. Подобное же предупреждение было специально внесено и во все приглашения: «Представители средств массовой информации в зал не допускаются!» Кроме того, за билеты была назначена совершенно заоблачная по тем временам сумма, хотя мы и понимали, что в зале будут присутствовать люди главным образом по приглашениям. В итоге фестиваль вызвал к себе просто ажиотажный интерес, в том числе и со стороны прессы: мест на всех не хватило, люди толпились даже в проходах, несмотря на то что на улице был тридцатиградусный мороз и до зала «Зоопарка», где проходил фестиваль, было не так легко добраться. Правда, члены НБП восприняли указание Тимура насчет журналистов слишком буквально, и некоторых из них потом пришлось чуть ли не вытаскивать из сугробов.

Так был ли Тимур великим художником? Некоторые считают, что он недостаточно хорошо рисовал. Но, по-моему, в данном случае это совершенно не важно. Стоило тебе оказаться рядом с Тимуром, как ты сразу же погружался в особый мир, который совсем не обязательно был связан именно с живописью. Когда мы прогуливались с ним по Невскому, он сразу же начинал подкидывать мне всякие идеи. В частности, предлагал написать повесть, сюжет которой сводился примерно к следующему. На Московский вокзал прибывает целая толпа молодых провинциалов, которые никогда до этого в Петербурге не были. И вот идут они по направлению к Адмиралтейству, и по мере продвижения вперед их группа лишается то одного, то нескольких человек. У кинотеатра «Художественный» один юноша засмотрелся на яркие афиши и заслушался грохочущей из динамиков музыкой, да так и остался стоять столбом, а остальные не заметили и прошли дальше. У Катькиного садика пожилой благообразный человек с вкрадчивыми манерами заманивает еще парочку обещаниями развлечений и, естественно, «бабок». На канале Грибоедова к ним пристаёт отмороженный наркоман и предлагает курнуть травы, а то и попробовать кое-чего покрепче. И так постепенно по мере приближения к Адмиралтейству их становится все меньше и меньше, так что до конца Невского доходит только один юноша, самый стойкий. Но и там, в Александровском саду, как только он садится на скамеечку отдохнуть, к нему подходят курсанты и шепотом говорят, что знают отличный способ заработать, совершенно безопасный и ничего общего с криминалом не имеющий -- при этом они указывают ему на фланирующего неподалеку старика («бабушку») с характерной внешностью и крашеной шевелюрой, стреляющего глазками то вправо, то влево... Таков был замысел Тимура. И пусть этот замысел так и остался не воплощенным на бумаге -- сама прогулка по Невскому тоже была своеобразным произведением искусства. И ее можно пересказывать совсем как повесть или роман.

Глава двадцать первая

К иерархии жанров: там внизу

Некоторые вещи пугают. Орудия пыток и вовсе созданы, чтобы устрашать. Каждый раз, когда они возникают у тебя перед глазами – пусть даже в виде музейных экспонатов – ты невольно представляешь себя на месте жертвы. И это понятно. Но я заметила, что мне иногда становится не по себе и от предметов одежды, особенно, когда видишь их не на каком-то конкретном человеке, а в магазине или же на витрине, где они стоят и ждут потенциального покупателя. Перспектива оказаться их «счастливой обладательницей», вероятно, и пробуждает в моей душе не слишком приятное чувство панической растерянности и неуверенности в себе. Конечно, это не совсем то же самое, что очутиться в утыканном шипами «испанском кресле», но это такой тихий ужас, который проникает в твою душу почти незаметно: ты стараешься отмахнуться от него, поскорее забыть, а он опять возвращается к тебе ночью в виде кошмара. И дело тут вовсе не в уродстве какого-то отдельно взятого платья, пальто или шляпки -- корни этого страха уходят гораздо глубже. Эпитет «страшное» в применении к уродливому платью – это все-таки гипербола. Настоящий страх способны пробуждать не отдельные экземпляры, а только типы и виды одежды. Как не бывает страшных зайцев или воробьев, но зато есть тигры, медведи, пчелы и змеи, точно так же не существует пугающих юбок и жакетов, но зато есть... боты и калоши. Они стоят себе где-нибудь незаметно в уголке, но когда твой взгляд случайно падает на них, ты вдруг невольно задумываешься: до какого состояния тебе нужно дойти, чтобы надеть их на себя. Вот это и есть настоящий кошмар!

Приблизительно то же самое можно сказать и о литературе. Давно уже ничего не читала, а тут как-то открыла хрестоматию по русской литературе, наткнулась на басню и почувствовала, что не могу на нее спокойно смотреть – до такой степени, что захотелось поскорее закрыть книгу и забыть о том, что я там увидела. И тоже вовсе не из-за содержания или умения излагать свои мысли конкретным автором, а из-за самого принципа устройства подобных текстов. От этих принципов, которые, видимо, лучше все же называть более привычным словосочетанием «законы жанра», прежде всего и повеяло на меня по-настоящему пугающей затхлостью. Смешно сказать, но мне на глаза попалась обычная басня, а у меня возникло такое ощущение, будто я случайно заглянула в обувной магазин и примерила на себя калоши.

Самое интересное, что до этого момента я вообще ни о чем подобном никогда не задумывалась. Ну, мелькают иногда в голове знакомые с детства образы стрекозы, муравья, слона и бегающей перед ним маленькой собачки, но я их уже давно перестала воспринимать всерьез: все они остались где-то в далеком прошлом. Разве что история про ворону и лису, кажется, не утратила полностью своей актуальности и в наши дни. Да и то, вероятно, из-за полемики – очной и заочной – между лидером российских коммунистов и главой РАО ЕЭС, на которую мне вольно или невольно уже почти двадцать лет периодически приходится наткаться. Телевизор я практически не смотрю, однако стоит только его включить, как там опять прокручиваются вариации на известный со школы сюжет – сейчас, правда, чуть меньше, а несколько лет назад почти постоянно. Только персонажи полностью поменялись местами, и теперь уже ворона всячески пытается пристыдить, взывает к совести, блещет ораторским искусством и требует у коварной лисы, чтобы та вернула назад некогда принадлежавший ей кусочек сыра. А больше никаких новых басен жизнь вроде бы не придумала. Даже совсем уж примелькавшихся на экранах юмористов, которые давно исчерпали весь запас своих шуток и острот и поэтому готовы их бесконечно повторять, и то невозможно сегодня представить декламирующими нечто подобное – настолько дико выглядело бы сие зрелище.

Нет, что бы там ни говорили, а вырождение этого литературного жанра свидетельствует об обретении современными людьми некоторой творческой свободы, не доступной ранее их предшественникам. У прогресса и цивилизации тоже есть свои плюсы. Причем мера этой свободы такова, что возвращение к языку иносказаний и аллегорий в наши дни представляется мне крайне маловероятным. Если тебя особенно никто не притесняет, то зачем прибегать к каким-то туманным образам, чтобы обличить абстрактный порок или социальное зло? Можно ведь просто и четко сформулировать волнующую тебя проблему, выступить по телевизору, наконец, и поделиться со зрителями тем, что тебя так волнует. А для выражения более тонких и ускользающих чувств и мыслей, переполняющих человеческую душу и голову, существует еще и язык символов, но он заведомо непонятен толпе. Баснописец же неизменно обращался к широкой публике, поэтому этот жанр всегда считался едва ли не самым низким и вульгарным из всех возможных. Кем, в частности, был его признанный классик Крылов? Вроде бы и поэтом его не назовешь, но и не прозаик уж точно. Меня в детстве еще очень смущал тот факт, что незадолго до Крылова существовал еще и некий Лафонтен, который вроде бы уже сочинил все эти истории, с тем же сюжетом, только по-французски. Не говоря уже об Эзопе, но тот хотя бы жил несколько тысяч лет назад. Однако и переводчиком Крылова почему-то тоже никто не называл. Постепенно я пришла к заключению, что Крылов, видимо, является кем-то вроде изобретателя паровоза, на звание которого тоже претендовали сразу несколько человек в нескольких странах. Тогда наверняка Лафонтен и Эзоп в своих творениях просто чего-то не доделали, и только наш соотечественник довел их до настоящего совершенства.

Все это, впрочем, не мешало Крылову безбедно существовать, а возможно, даже наоборот, помогало, поскольку коллеги по перу из прозаиков и поэтов не воспринимали его в качестве серьезного конкурента. Что и позволило ему избежать крайних проявлений злобы, зависти и ревности, которые, как известно, самым роковым образом сказались на судьбе многих его современников. И все же, его присутствие в тогдашней литературе выглядит не менее естественным и органичным, чем присутствие фигуры «дедушки Крылова» среди античных статуй в Летнем саду в наши дни. Все-таки все понимают, что тогда была эпоха классицизма, и Крылов тут, между нимф и богинь, призван олицетворять Эзопа.

Однако всего каких-то сто лет спустя именно появление в литературе штатных баснописцев вроде Сергея Михалкова делает советскую культуру безнадежно архаичной и несовременной. Кому-то может показаться, что это какая-то незначительная деталь, однако эта мелочь из разряда тех, которые позволяют отличить праздничный наряд домашней хозяйки от костюма светской барышни, даже если они сшиты из одинакового по стоимости материала. Поэтому вот тут-то, благодаря этой «мелочи», и становится понятно, что человеческое общество к тому времени достигло такой стадии развития, когда этот литературный жанр окончательно себя исчерпал, и поэтому фигура баснописца больше уже никем не воспринимается как легкий и ни к чему не обязывающий штришок, стилизующий современность под древность. Более того, чтение текста, где цветочек, дерево, щебетание ласточки или же мычание коровы намекают читателю на его тайные пороки и аморальные поступки, становится элементарно вредным для психики, ибо может способствовать развитию у него достаточно тяжелых и опасных для окружающих форм паранойи. Самый поверхностный взгляд на поведение того же Сталина позволяет сделать вывод, что он был склонен воспринимать окружающий мир не просто как книгу, – а так зачем-то советуют делать некоторые не слишком умные религиозные мыслители, – но именно как басню, где любой случайный жест, безобидная картинка, улыбка, взгляд или неодушевленный предмет могли быть восприняты главой могущественной империи в качестве намека на просчеты в его политике, скверный характер, маленький рост и прочие дефекты, с самыми непредсказуемыми последствиями для тех, кто был ко всем этим случайным вещам и явлениям так или иначе причастен.

Последнее обстоятельство наглядно показывает, насколько небезобидным для судеб целого государства, народа и его культуры может быть столь явное пренебрежение подобного рода деталями и мелочами, из которых практически полностью соткана литература. Кто решил продлить существование басен? И самое главное - зачем? У меня такое впечатление, что все произошло по какому-то случайному недосмотру, поскольку к этому виду словесного искусства просто никто не относился всерьез. Можно было бы, естественно, предположить, что революционеры, вознамерившиеся радикально изменить мировой порядок, решили не оставлять без внимания и один из низших литературных жанров, сознательно уравнив его в правах и даже возвысив над остальными. Причем, они вполне могли это сделать исключительно из любви к симметрии или же из чувства инстинктивной классовой солидарности не только с людьми, но и с неодушевленными предметами и сущностями, особенно не вдаваясь во все эти литературные тонкости и не задумываясь о последствиях. Такое тоже возможно. Однако никаких специальных революционных указов на этот счет мне пока не попадалось.

Что касается дальнейшей судьбы этого жанра, то в настоящий момент с басней, судя по всему, полностью покончено, как покончено теперь с такими некогда опасными болезнями, как оспа или чума. Иногда, правда, и сейчас приходится наткнуться на тексты, в той или иной степени насыщенные различными аллегориями и иносказаниями, но все-таки это уже не басни в чистом виде, а какие-то очень и очень отдаленные от первоначального оригинала мутации. И все равно, тяга к созданию подобных текстов обычно выдает в их авторах ни на что реально не претендующих обитателей литературного дна, подобно тому как боты и калоши свидетельствуют о крайне низком социальном статусе тех, кто вынужден их сейчас на себя надевать. Эти несчастные по каким-то причинам до сих пор не чувствуют себя вправе говорить о простых вещах четко и ясно или же воспринимают своих потенциальных читателей как страдающих паранойей пациентов психиатрической лечебницы, которые, вероятно, только и способны сегодня воспринимать все их намеки и иносказания всерьез.

Печальная и поучительная судьба этого литературного жанра невольно наводит меня еще и на мысль о каком-то таинственном и немного пугающем сходстве мирового разума с устройением современного компьютера. В этом мире незримых сущностей тоже, возможно, присутствует некая область, которая представляет собой нечто вроде специального хранилища в антивирусной компьютерной программе. В традиционной иерархии литературных жанров эта область, видимо, соответствует самой низшей ступени. Попадая туда, тот или иной эстетический феномен, подобно файлу, зараженному опасным для остального программного обеспечения вирусом, становится практически обреченным на дальнейшее удаление из существующей системы ценностей. Деятнадцатый век и несколько обособленное, как бы вне времени и пространства, положение баснописца Крылова достаточно ясно указывали человечеству на определенную опасность, которую таит в себе это, казалось бы, совсем непротивительное занятие. Однако вняли этому предупреждению далеко не все. В результате вирус проник обратно в систему и произошел сбой.

Глава двадцать вторая

Культурные герои постмодерна

Не знаю даже, откуда взялось это широко распространенное ныне убеждение, будто господствующий в искусстве той или иной эпохи стиль обязательно зарождается в головах философов и теоретиков культуры. На самом деле, чаще всего это происходит совсем не так. Я бы сравнила искусство с водной поверхностью, которая в условиях полного штиля и отсутствия каких-либо сотрясений способна оставаться неподвижной достаточно долгое время, до тех пор пока на нее не упадет какой-нибудь камень, от которого и начинают

потом разбегаться в разные стороны волны. Причем такой «камень» может иногда прилететь с самой неожиданной стороны. В частности, с достаточно большой долей уверенности сегодня можно говорить о том, что решающее влияние на искусство эпохи Модерн оказали не столько Ницше, Вагнер и Достоевский, сколько Людвиг Баварский или даже Жиль де Рэ, образ которого использует в своем знаменитом романе «Там внизу» Гюисманс. Видимо, просто следует четко отличать творцов культуры от ее героев.

Пример Жилия де Рэ особенно интересен, так как он, ко всему прочему, еще и жил за несколько веков до рождения Арт Нуво. Богатейший феодал и маршал Франции, соратник Жанны д'Арк, правоверный христианин... После того как Жанну сожгли на костре, Жиль де Рэ воздвиг в своем поместье Машкуль-ан-Рэ церковь, посвященную всем невинно убиенным младенцам, для хора которой отбирал самых красивых мальчиков; а затем и вовсе скрылся ото всех, запершись у себя в замке Тиффош. Бытует мнение, что трагическая гибель Жанны д'Арк, перед которой он преклонялся, обострила его религиозные душевные порывы, однако экзальтированный мистицизм постепенно привел его к сатанизму. Сперва он развращает детей из своего церковного хора, но вскоре это ему надоедает и он идет еще дальше. Первой жертвой Жилия становится мальчик, которого он сначала зарезал, потом отрезал ему кисти рук, вынул сердце, вырвал глаза, а кровь использовал в качестве чернил для написания алхимических формул и заговоров. С 1432 по 1440 год в Анту, Пуату, Бретани постоянно пропадают дети. Постепенно в деревнях в окрестностях замка Тиффош практически не остается подростков мужского пола. Современные источники насчитывают от семи до восьми сотен жертв, хотя это очень приблизительная цифра. Женщин же, за исключением Жанны, для него просто не существовало: он относился к ним с глубоким отвращением. В подземной тюрьме своего замка Жиль насилует и разрезает на куски мальчиков, наблюдая за их предсмертными судорогами. Он оскверняет тела уже мертвых детей, а однажды даже выпотрошил беременную женщину, вытащив у нее из живота зародыш. Он отрезает у детских трупов головы и расставляет их на столе, выбирая наиболее прекрасную, потом страстно целует ее в мертвые губы. Всякий раз после подобных излишеств он надолго погружается в глубокий, напоминающий летаргию, сон. И неизвестно, сколько бы еще все это продолжалось, если бы не одна оплошность: однажды, впад в буйство, Жиль де Рэ врывается в церковь и прямо у алтаря избивает священника. Вскоре его арестовывают, привозят в город Нант и заключают в башню. При осмотре в подземельях его замка были обнаружены горы детских костей и черепов, которые не успели сжечь слуги. Суд приговаривает его к повешению с последующим сожжением трупа. В записках, вроде бы даже написанных им собственной кровью, Жиль де Рэ требует от дьявола «знания, могущества и богатства», а во время судебного процесса заявляет: «Никто в мире никогда не совершал и не сможет совершить того, что сделал я».

Тем не менее, мне кажется, есть личности, которые и в наши дни вполне могли бы составить конкуренцию Жилию де Рэ, хотя действовать им приходилось в несоизмеримо более сложных условиях и не прибегая к помощи слуг. Знакомая моей двоюродной тети работала в прокуратуре, поэтому в детстве мне довелось услышать от нее несколько в высшей степени поучительных историй, которые, как я теперь понимаю, оказали на меня влияние, возможно, не меньшее, чем книги Достоевского.

В шестидесятые годы на территории одной из среднеазиатских республик орудовал очень странный преступник по фамилии Хосрян, если я, конечно, теперь не путаю его фамилию. Этот тип страдал редчайшим заболеванием, вылечить которое было очень сложно, так как кровь у него, в довершение всего, была тоже очень редкой группы - четвертая, резус отрицательный. То ли он приобрел это заболевание в тюрьмах и колониях, которых немало повидал на своем веку, то ли таким родился – все это теперь уже значения не имеет. Но только у него уже имелось солидное уголовное прошлое, поэтому он сколотил небольшую банду, человек так из пятнадцати, и дал своим подручным задание: отлавливать для него людей исключительно с четвертой группой

крови и отрицательным резусом! А найти таких людей было не так-то и легко, потому что они встречаются чрезвычайно редко. Но его подручные до того боялись своего пахана, что шли на всевозможные ухищрения и увертки, чтобы выполнить задание. А Хосрян, как только ему в руки попадала желанная добыча, тут же перерезал ей горло, сливал кровь в тазик, затем переливал ее в бутылку, садился за стол и гранеными стаканами всю до единой капли жадно выпивал. Отчего лицо у него стало кирпичного цвета, а глазки совершенно заплыли. Хотя он и до этого особой красотой не отличался, но со временем все больше начал внушать всем, в том числе и своим ближайшим соратникам, ужас и отвращение. Неизвестно почему, но он решил, что его заболевание можно вылечить только таким путем, то есть пить кровь именно той группы, какая была у него самого. Возможно, это ему посоветовал какой-то дебилый врач, а может, он сам до такого додумался. Кстати, один из его подельников потом рассказал, что на зоне все считали Хосряна очень здоровым человеком, так как однажды он истолок в порошок высушенную мокрицу и этот порошок шприцем ввел себе в вену, предварительно растворив в воде. То же самое сделали и его два сокамерника, надеясь закосить от работы, но оба через день отбросили коньки, а вот Хосрян только пару дней провалялся с высокой температурой, и хоть бы что. Короче говоря, для того чтобы избавиться от своей болезни, он убил всего где-то около четырнадцати человек, в том числе пятерых детей. Возможно, все это продолжалось бы еще очень долго и он бы выпил кровь у еще большего количества людей, но как-то один из членов его банды не выдержал (а Хосрян обращался со своими подчиненными чрезвычайно жестоко - наказывал за малейшую провинность, избивая и лишая пищи) и позвонил в милицию. Хосряна задержали и затем приговорили к высшей мере наказания.

А Анатолия Сливко сотрудники органов Внутренних дел даже прозвали «заслуженным маньяком Российской Федерации», что было недалеко от истины, ибо он к тому времени удостоился звания «заслуженного учителя Российской Федерации». Этому человеку в раннем детстве довелось пережить ужасы фашистской оккупации. В частности, как-то прямо на его глазах немецкий офицер в великолепной отутюженной форме убил собаку, при этом ее кровь брызнула прямо на его вычищенные до блеска кожаные сапоги, и эта сцена произвела на маленького мальчика, каким тогда был Анатолий Сливко, неизгладимое впечатление. Именно в тот момент он впервые пережил нечто похожее на оргазм. Впоследствии мальчик вырос, стал учителем в школе и организовал туристический кружок для детей. На работе он был на прекрасном счету, все его очень любили, и особенно родители мальчиков, которым он за свои деньги покупал новую пионерскую форму и черные тупоносые ботиночки, которые казались несколько старомодными, но эта небольшая деталь представлялась всем даже трогательной. По вечерам он приглашал особо понравившихся ему мальчиков в комнату при школе, где было все оборудовано для туристического кружка: на стенах висели огромные карты, портреты Миклухо-Маклая, Христофора Колумба и Кука, а на столе стоял большой глобус. Учитель требовал, чтобы мальчик приходил к нему одетым в парадную форму: белую рубашку, черные брючки и красный пионерский галстук. Если же внешний вид мальчика не соответствовал его требованиям, то он сам снимал с него одежду, добродушно ворча, доставал из тумбочки уютжок и, разложив на столе старое байковое одеяльце, старательно гладил его рубашку, брюки и пионерский галстук до тех пор, пока на одежде не оставалось ни единой, самой крошечной складочки. Затем он одевал мальчика и собственноручно начищал черной ваксой его тупоносые ботиночки, которые, как уже было сказано, покупал сам, ибо редко бывало так, что у ребенка была обувь, подходящая по фасону и цвету. Потом учитель рассказывал мальчику про разных пионеров-героев - как они сохраняли мужество под фашистскими пытками и никогда не выдавали немецким захватчикам место расположения партизанских отрядов. Мальчик слушал его с горящими глазами, весь трепеща от ужасных подробностей, которые сообщал ему учитель; ему тоже хотелось показать, что он мог бы вынести любые испытания. И тут учитель предлагал мальчику нечто такое, о чем тот и сам уже мечтал, а именно: подвергнуть испытанию его стойкость

и доказать, что он настоящий мужчина. Анатолий Сливко извлекал из ящика стола толстую бельевую веревку, накидывал ее на торчавший из стены крюк, на котором перед этим висел портрет Миклухо-Маклая; пододвинув стул, ставил на него мальчика; накидывал петлю ему на шею и просил представить, что сейчас его будут пытаться фашисты. Затем учитель резким движением выбивал стул у него из-под ног и некоторое время любовался тем, как подросток судорожно дергался, задыхаясь в петле. Однако он не доводил дело до конца и вовремя возвращал мальчика к жизни, подхватив его и сделав ему искусственное дыхание. По окончании процедуры он обычно хвалил своего подопечного, гладил его по голове и давал конфетку или шоколадку, а иногда покупал ему новую пару черных ботиночек. Но вскоре Сливко надоели такие пресные игры и он перестал оживлять мальчиков, а хладнокровно ждал, пока ребенок перестанет дергаться в петле. Кроме того, иногда он перерезал некоторым из них горло заранее припасенным ножом и, всякий раз когда кровь забрызгивала черные тупоносые ботиночки, испытывал самое большое в своей жизни удовольствие. Затем, стремясь расширить свои эксперименты, он приобрел небольшую любительскую кинокамеру и начал снимать все это действие, аккуратно складывая отснятые пленки в шкаф для методических пособий и на досуге внимательно их просматривая.

Короче, мальчики стали пропадать, и все пропадали и пропадали, а милиция ничего не могла сделать. Абсолютно никаких подозрений заслуженный учитель Российской Федерации Анатолий Сливко ни у кого не вызывал. Напротив, родители пропавших детей все как один отзывались о нем сугубо положительно и с огромной симпатией. Погубила учителя простая случайность: какой-то не в меру ретивый милиционер решил поинтересоваться, что за пленки хранятся в шкафу туристического клуба. И все! Маньяк попался! Забавно, что роковое «увлечение» Анатолия Сливко кинематографом сделало его культовой фигурой среди ленинградских режиссеров-некрореалистов конца 80-х, которые считали его чуть ли не своим предтечей и посвящали ему искусствоведческие трактаты и исследования.

Не менее глубокий след в моем сознании оставил в свое время и Сергей Головкин. Журналисты окрестили его «Удавом», а сам себя он почему-то величал «Фишером». Возможно, ему нравился известный американский шахматист, а может, просто это слово казалось ему особо страшным и значительным из-за сочетания букв «ф» и «ш», как в жутком слове «фарш», например. Он работал на московском Конном заводе № 1 старшим зоотехником-селекционером, где, помимо прочего, в его обязанности входило осеменение кобыл. Этому занятию он предавался с особым увлечением, если не сказать, упоением. В то время как его коллеги успевали осеменить двух-трех животных, он производил эту операцию с семью-девятью кобылами, постоянно перевыполняя план, отчего ему многие завидовали. Правда, впоследствии кое-кто из его товарищей по работе признался, что им все же такое рвение сразу показалось странным и даже немного испугало. Хотя Головкин был человеком очень тихим, скромным, замкнутым и малообщительным. Разве что однажды он зачем-то пригласил к себе несколько молодых рабочих со своего завода и угостил их спиртом, а те попросили у него так называемого «конского возбудителя», дабы опить своих подружек. Однако девушки совсем не возбудились, а их просто пробрал ужасный понос и они надолго поселились в туалете. Молодые люди обвинили Головкина в обмане, но тот отверг все их обвинения, сославшись на то, что нужно было делать инъекции, а не подмешивать снадобье в пищу. Больше никаких его существенных недостатков или же пороков сослуживцы вспомнить не могли.

Однако самого Головкина девушки не интересовали - у него была своя мечта, преследовавшая его с раннего детства. На следствии он признался, что еще маленьким мальчиком часто представлял себя в роли гестаповца, мучающего пионеров-героев: как он жарит их на сковородке, сжигает на костре, разрезает на части, выкалывает на груди профили Гитлера или же чертей с рогами. Желание сжечь какого-нибудь пионера на костре возникло у него главным образом под впечатлением песни «Взвейтесь кострами, синие

ночи!», которую он очень любил и постоянно насвистывал себе под нос. Когда ему было тринадцать лет, он повесил кошку и потом отрезал ей голову, ощутив при этом огромное наслаждение, невероятный прилив энергии, легкость и счастье. Тогда же он начал мечтать об эксгумации и расчленении трупа, причем не просто трупа, а желательного худенького светловолосого мальчика среднего роста, не старше шестнадцати лет. Впоследствии на эту тему советские психиатры строили многочисленные гипотезы, предполагая, что, возможно, именно такой мальчик или мальчики обижали и избивали его в детстве, поэтому он и возненавидел их на всю оставшуюся жизнь.

С течением времени Головкин пришел к выводу, что гораздо приятнее расчленять живых мальчиков, чем искать какие-то трупы, к тому же никогда ведь не знаешь, что там отроется из могилы - блондин или брюнет: на эмалированных табличках над могильными плитами такие детали порой бывает очень сложно разобрать. Дождь и ветер постоянно на них воздействует, и эмаль тускнеет. А живые мальчики спокойно разгуливают по улицам - тут уж ошибиться невозможно! Просто нужно набраться терпения и ждать удобного случая. И когда он устроился на работу на конезавод в Московской области, то там рядом как раз располагалось очень много пионерлагерей, где мальчиков было до фига и больше: они играли в футбол, в волейбол, бегали, прыгали, а иногда тайком курили в кустах у ограды. Сперва Головкин просто заманивал в лес какого-нибудь одинокого пионера, предлагал ему вместе покурить или выпить, затем совершал с ним развратные действия, но в конце концов не выдержал и нескольких прирезал, то есть воплотил свою мечту в жизнь. Расчлененные трупы он закапывал в лесу. Однако совершать подобные преступления на природе было чрезвычайно опасно, пару раз его даже чуть не застукали на месте преступления какие-то грибники.

И Головкин решил подойти к делу более основательно. На сэкономленные деньги он приобрел себе автомашину «Жигули», поставил ее в гараж, располагавшийся на территории конезавода, под гаражом вырыл подвал, забетонировал пол, обложил стены бетонными шпалами, провел свет, закрепил на стенах и потолке специальные металлические кольца, на всякий случай купил детскую оцинкованную ванночку и приступил к отлавливанию мальчиков. Первую свою жертву он нашел у пионерлагеря «Романтик»: мальчик пришел в лес с жестяной баночкой за березовым соком. Головкин тщательно подготовился к нападению. У него были припасены с собой бинокль, в который он обычно наблюдал за детьми, выискивая нужный ему тип, а также нож, бритва, полиэтиленовый пакет, веревка и кепка. Он напал на мальчика сзади, закрыл кепкой ему глаза и под угрозой ножа утащил в чащу, где связал ему руки, погрузил в багажник машины и увез к себе в бункер. Там он подвесил испуганного мальчика к вмурованному в стенку металлическому кольцу, выжег ему паяльной лампой на груди нецензурное слово, однако тот при этом не кричал, а только шипел от боли, как впоследствии рассказал на суде сам Головкин. Затем он отрезал у ребенка гениталии, отчленил голову, истыкал его ножом, выпотрошил, кровь слил в ванночку, а гениталии сложил в стеклянную банку и законсервировал при помощи поваренной соли. Он сделал это для того, чтобы иметь возможность подолгу наслаждаться их видом, но к его огромному разочарованию они очень скоро сморщились и позеленели, полностью утратив свой первоначальный аппетитный вид, поэтому ему пришлось выбросить свой трофей. Вообще, чем больше жертва нравилась маньяку, тем больше ему хотелось с ней всячески развлекаться - тискать, манипулировать, резать, жечь, царапать, кусать, рвать на части. Самым любимым сувениром Головкина был череп мальчика, которым он, по его словам, «совершенно насытился». Этот череп специально был выставлен в подземном бункере на самом видном месте, чтобы все новые мальчики, попадавшие туда, видели его и пугались. Однажды маньяк привел к себе сразу троих мальчиков и последовательно убивал их одного за другим на глазах у оставшихся, называя себя Фишером и похваляясь тем, что у него на счету уже четырнадцать жертв. Порядок, в котором они будут умирать, он тоже сразу же им объявил. Сперва он расчленил одного мальчика, при этом демонстрируя его внутренние

органы и давая анатомические пояснения остальным двоим, которые к его удивлению перенесли это относительно спокойно, без истерики, иногда только отворачивались.

От каждой своей жертвы он сохранял на память какие-нибудь предметы: значки, крестики, пуговицы, игрушки, фантики, конфетки – они напоминали ему о том, что он сделал с их владельцами. Всего на счету маньяка оказалось примерно семнадцать жертв. Когда же Головкина поймали и начался судебный процесс, психологи стали исследовать причины и социальные корни такого ужасного явления. Коллеги по конному заводу, как я уже сказала, кроме чрезмерного рвения при осеменении кобыл и того случая с конским возбудителем так и не смогли сообщить о нем ничего особенного. И только одна его сокурсница по Ветеринарной академии вспомнила, как однажды во время празднования Нового года, когда все студенты собрались вместе, чтобы повеселиться и потанцевать, Головкин уселся за стол и начал с жадностью поедать все приготовленные закуски, и так сидел всю новогоднюю ночь и ел, ел, ел, пока не съел абсолютно все, а другим совсем ничего не осталось – ни одного соленого огурчика, ни кусочка хлеба, ни горсточка салатика. Вот тогда, по словам девушки, в ее душу впервые закралось ужасное подозрение: а не маньяк ли этот тихий прыщавый тощий студент с бесцветными глазами. И она теперь жалела, что не заявила на него сразу в милицию.

Если же говорить о влиянии этих личностей на искусство, то в наши дни наибольший интерес к ним проявляют главным образом творцы так называемой массовой культуры. Не случайно, именно триллеры стали сейчас едва ли не самым популярным жанром литературы и кино. В основном герои триллеров, как и их прообразы в жизни, охотятся за женщинами и детьми; отличаются обычно только способы, которыми они со своими жертвами расправляются. Единственное, что в каждом конкретном случае остается не совсем ясным, – это цель, ради которой они совершают свои преступления. В американских фильмах чаще всего прибегают к фрейдистским трактовкам поведения маньяков: ко всяким там травмам детства, злой мамочке и т. п., – хотя массовому зрителю все эти объяснения вряд ли нужны. Мало ли у кого было трудное детство и сумасшедшая мамаша, так что же теперь мочить всех подряд?! А дети тут причем? Поэтому главной отличительной чертой серийных убийц все-таки является немотивированное поведение. Отчего их и бывает гораздо сложнее поймать, чем других преступников, ставящих перед собой цель ограбить банк, устранить конкурента или же свидетеля. В принципе, в отличие от тех же мафиози, маньяки не представляют серьезной опасности для государства и общественных институтов, а доставляют неприятности исключительно своим жертвам, а также их родственникам и знакомым, то есть крайне ограниченной группе людей. В этом отношении они мне всегда напоминали графоманов, которые в своем творчестве тоже не решают каких-либо реальных задач и не предпринимают для достижения успеха осмысленных действий, а просто сочиняют себе стихи и романы, чтобы складывать их потом в стол или же доставать чтением вслух своих близких. Между тем это занятие поглощает практически все их время и силы, что уже само по себе не может не пугать. У меня даже есть подозрение, что в каждом графомане таится потенциальный маньяк-убийца, вся негативная энергия которого, связанная с детскими травмами и т. п., к счастью для окружающих нашла более безобидный выход и выплеснулась на бумагу. Развивая эту аналогию, думаю, с большой долей уверенности можно утверждать, что графоманы отличаются от писателей в традиционном понимании этого слова примерно так же, как серийные маньяки-убийцы отличаются от классических преступников.

Где-то тут проходит и граница между эпохами Модерна и Постмодерна. Интересно, что уже в «Преступлении и наказании» Достоевского можно обнаружить почти все характерные черты классического триллера. Прагматика в поведении Раскольникова фактически отсутствует: замочив двух баб, он с каким-то удивительным легкомыслием относится к раздобытым таким образом деньгам и драгоценностям и полностью сосредотачивается на своих переживаниях и мыслях. Это обстоятельство, в свою очередь, сильно затрудняет работу следователя, занимающегося раскрытием убийства. Не подлежит

сомнению, что идеи, высказанные русским классиком через своего персонажа, всерьез волновали многих мыслителей и художников на протяжении последних ста лет, однако самого писателя никому и в голову не приходит отождествлять с преступником, зарубившим топором старушку-процентщицу и ее сестру. А вот запутанные отношения между маньяками и полицейскими из сегодняшних триллеров достаточно легко проецируются на сферу современной интеллектуальной литературы.

Нетрудно заметить, что практически во всех триллерах маньяк всячески пытается вовлечь окружающих еще и в какую-то одному ему понятную игру. Для чего оставляет на месте каждого своего преступления разнообразные знаки, иероглифы, буквы, из которых преследующий его полицейский и должен будет сложить некую магическую фразу, в которой разъясняется конечный смысл его необычных поступков. Большинству людей все это совершенно безразлично, однако полицейский вынужден ломать голову над ребусами преступника по долгу службы. Я уже неоднократно ловила себя на мысли, что после просмотра очередного триллера чаще всего испытываешь чувство некоторого разочарования, так как смысл окончательно сложившейся фатальной фразы, как правило, оказывается в высшей степени банальным и уж никак не стоящим затраченных на ее разгадку усилий, а тем более, человеческих жертв. Нечто похожее можно наблюдать и в современной литературе. Писатель в наши дни часто точно так же пытается безуспешно вовлечь окружающих в непонятную для них игру, составляя на страницах своих книг всевозможные шарады из букв, однако единственным по-настоящему заинтересованным в разгадке лицом оказывается ученый-литературовед, вынужденный заниматься этими головоломками по долгу службы. Всем остальным они абсолютно по барабану. А если кто-нибудь из «посторонних» все же решится пройти этот путь до конца и прочитает какую-нибудь ключевую для современной культуры книгу, то его постигнет примерно такое же разочарование, какое я обычно испытываю после просмотра очередного триллера. И все потому, что окончательно прояснившийся смысл этих криптограмм и ребусов будет очень мало соотноситься с количеством потраченных на расшифровку сил и времени. Литературовед, подобно профессиональному полицейскому, от таких горьких чувств заведомо избавлен, поскольку за свой труд он получает соответствующие бонусы в виде научных степеней, одобрения сослуживцев и, наконец, элементарной заработной платы. Более-менее занимательными для рядовых читателей в этой ситуации являются уже не сама книга и ее автор, а перипетии отношений между писателем и его исследователем. Отсюда становится понятно, почему практически все из существующих ныне литературных премий отданы в распоряжение так называемой «серьезной литературы», то есть литературы, претендующей на элитарность, сложность и непонятность для среднего ума. Все очень просто! Вручение такой премии является чуть ли не единственным действием, которое привлекает к себе внимание широкой публики. Без премий подобная литература уже давно прекратила бы свое существование, так как ее все окончательно перестали бы замечать. А тут присутствует некая интрига, задействованы хоть какие-то бабки, которые критики, эксперты и специалисты присуждают понравившимся им авторам. Стоит же после окончания церемонии вручения премии какому-нибудь особо любознательному читателю вдруг открыть книгу лауреата, как весь его интерес и любопытство мгновенно угаснут.

Короче говоря, все как в «страшном кино»! Там ведь зрители тоже внимательно следят исключительно за поединком полицейского и преступника. Если же эта напряженная «борьба интеллектов» из триллера вдруг была бы устранена - например, полицейские объявили бы забастовку и отказались выполнять свой долг, - то все любители этого жанра автоматом остались бы один на один с маньяком и его загадками. Можно себе представить, какую скуку и разочарование они должны были бы испытать! Ведь фактически они оказались бы в положении зрителей так называемого «авторского кино», которые вынуждены ломать голову над смыслом беспорядочного нагромождения кадров на экране, причем совершенно ничего с этого не имея. Одно дело - наблюдать за тем, как

полицейский гоняется за преступником, стреляет в него из пистолета, сцепляется с ним в смертельной схватке, а другое – думать над тем, что если первой убитой бабой оказалась некая Алла, то второй, возможно, будет Белла, так как по алфавиту за «а» сразу же следует «б».

Среди маньяков, правда, иногда тоже встречаются совсем странные типы, которые не подпадают под начертанную мной схему. Не так давно из телевизионных новостей я узнала, как где-то в российской глубинке был пойман тихий, скромный рабочий – то ли слесарь, то ли токарь, – который держал у себя в подzemелье под домом двух девушек, используя их в качестве наложниц. Он соорудил в огороде рядом со своим домом на десятиметровой глубине настоящее бомбоубежище, которое могло бы ему очень пригодиться на случай непредвиденной атомной войны. Думаю, он бы несколько не пострадал и какое-то время совершенно спокойно бы там жил - с такой основательностью и размахом все было оборудовано. Этот тип провел туда воду и свет, сконструировал специальную систему подачи воздуха, а также установил телевизор и магнитофон. Масштабы изобретательности, затраченных усилий и времени, которые потребовались этому несчастному для того, чтобы соорудить под землей столь комфортабельное убежище, меня больше всего и впечатлили. Однозначно можно сказать, что он вложил в свое детище гораздо больше сил и средств, чем в свое время Головкин в бункер у себя под гаражом. Парадокс заключается в том, что сделал он это исключительно для того, чтобы удовлетворять свои, в общем-то вполне естественные и непритязательные потребности, свойственные любому взрослому человеку. Тут и вправду есть что-то уж совсем ненормальное - даже в сравнении с описанными выше жуткими личностями. Но кто знает, может быть, именно такой герой станет ключевой фигурой искусства будущего.

Глава двадцать третья

Чистота непроницаемых сфер

Бесспорно, в жесте современного поэта, обращающегося к окружающим со стихами, есть что-то трогательное, ибо, по сути, это жест отчаяния. Гадалкам, ясновидящим и прочим более-менее удачливым колдунам и магам отдельные доверчивые обыватели и сегодня все еще готовы платить бабки за их услуги, а вот поэты уже давно посажены на голодный паек. Поскольку они даже никому ничего не обещают - никакой тебе помощи, никакого снятия порчи, сведений о будущем или исцеления, а просто составляют себе на бумаге слова в столбик, в рифму или без, да еще порой – во время публичных выступлений – выкрикивают их в лицо слушателям, - как правило, надрывно и с каким-то особым, трудно поддающимся определению, выражением в глазах. Скорее всего, поэты таким образом тоже пытаются загипнотизировать присутствующих, подчинить их своей воле, как в далеком прошлом это делали шаманы и прорицатели. Кстати, периодически становясь невольной свидетельницей поэтических чтений, я в последнее время все чаще ловлю себя на мысли, что если бы на месте поэта сейчас и вправду оказался какой-нибудь вырядившийся в перья и разноцветное тряпье шаман, причитающий на непонятном языке, бьющий в бубен и вращающийся вокруг своей оси, - в общем, такой, какими их обычно показывают по телевизору и в кино, - то он, несмотря на всю необычность своего облачения и поведения, вероятно, смотрелся бы куда убедительнее и, самое главное, естественнее человека, публично читающего свои стихи. Прежде всего потому, что все странности в поведении шамана можно списать на его малообразованность, в то время как большинство поэтов - люди вполне просвещенные: писать и читать, как правило, обучены. Кроме того, насколько мне известно, настоящие шаманы, то есть те, что в перьях и с бубнами, в наши дни принадлежат либо к вымирающим народностям Дальнего Севера, либо к каким-нибудь малочисленным африканским племенам, также находящимся на

границ голодной смерти. А это значит, что они уже прошли путем поклонения сверхъестественному и потустороннему до конца, заплатив за свои заблуждения дорогой ценой, - можно сказать, жизнью, благополучием и положением в мире. Что тоже не может не вызывать определенного сочувствия. Поэзия же ныне культивируется в странах вполне благополучных и цивилизованных, в том числе и тех, что живут за счет эксплуатации упоминавшихся выше обреченных на вымирание племен и народностей. Не говоря уже о том, что шаманами и колдунами в племенах с первобытнообщинным укладом становились избранные единицы, а если бы в той же России во время последней переписи населения граждан попросили ответить на вопрос, не увлекаются ли они стихосложением, то количество тех, кто ответил бы на этот вопрос положительно, наверняка зашкалило бы за шестизначную цифру. Короче, в современных более-менее развитых государствах занятие поэзией всячески поощряется, однако к ней вряд ли кто-нибудь относится всерьез, за исключением, разве что, самих поэтов. В противном случае, эти страны, вероятно, тоже уже давно пришли бы в упадок и исчезли с карты мира. А так, в упадке и на грани вымирания пока находятся только большинство живущих ныне поэтов и члены их семей. Что, хотя и составляет существенный процент от работоспособного населения, все же не отражает господствующих настроений в обществе.

Возможно, обо всем этом и не стоило бы лишней раз говорить, настолько это очевидно, однако, только когда представляешь себе эту картину, начинаешь по-настоящему понимать, почему литература в наши дни раскололась на традиционную и так называемую «постмодернистскую». Писателей сегодня причисляют к одной из этих групп в зависимости от использования традиционных или же чуть более современных форм магического воздействия на читателей. На примере поэзии это видно лучше всего.

Тут стоит все же уточнить, о какой магии в данном случае можно говорить всерьез и зачем она собственно нужна. Ничего особенно сверхъестественного и потустороннего я не имею в виду. Весь окружающий человека материальный мир тоже ведь исполнен определенной магии. Достаточно вспомнить те же цветы, пусть даже не астры и хризантемы, которые в киосках у метро хачики продают за бешеные бабки, а самые банальные ромашки, растущие на обочине пыльной проселочной дороги, которые тем не менее тоже способны привлечь к себе внимание и заставить любоваться собой всяких там грибников, дачников и прочих любителей уикендов на лоне природы. Не исключено, что и маньяк Головкин, подстерегавший своих жертв в лесополосе неподалеку от пионерского лагеря «Романтик», в какие-то мгновения отвлекался от этого занятия и мечтательно пялился на какие-нибудь задроченные васильки. А тигры или же змеи, которые уже на расстоянии одним только своим внешним видом внушают другим животным и людям трепет и желание держаться от них подальше! Вот эту способность внушать страх и уважение на расстоянии, без каких-либо дополнительных усилий, а только при помощи внешних форм и чисто ритуальных движений и жестов, в данном случае я только и подразумеваю, когда употребляю слово «магия».

В этом отношении человеческое общество мало чем отличается от мира животных и цветов. Каждая сфера деятельности, каждый социальный институт, каждая нация и любой человек в отдельности стараются оградиться от окружающих ореолом таинственности и загадочности, очертить вокруг себя некий магический круг, дабы через него переступало как можно меньше посторонних и нежелательных личностей, способных причинить им вред. Так, представители государственной власти внушают гражданам своей страны уважение к традициям и устоям, рассказывают им всякие байки из далекого прошлого, чтобы те всем скопом не кинулись грабить банки и вырывать кошельки из рук своих сограждан, а нашли себе какое-нибудь безобидное занятие, проводили побольше свободного времени где-нибудь в церкви или же, на худой конец, занялись сложением стихов. Иными словами, государственная власть просто вынуждена культивировать среди своих подданных разнообразные формы тихого помешательства. И это приносит определенные плоды, ибо в противном случае полицейским и милиционерам было бы

просто со всеми не справиться. А так они имеют дело только с самыми буйными, на которых подобные магические заклинания и ритуалы не действуют. Я даже не стану эти гипнотические приемы тут перечислять, поскольку они и без того всем достаточно хорошо известны. Куда интереснее, что даже самые трудно проницаемые и окутанные загадочным туманом круги и сферы способны порой неожиданным образом пересекаться и сталкиваться. Поэтому я и допускаю, что поджидающий очередную жертву убийца способен на какое-то мгновение заглядеться на пыльные ромашки и васильки: это значит, что магия отдельных социальных институтов и учреждений на него уже не действует, а природа все еще впечатляет. Хотя и «любовь к природе» ему тоже внушили в детстве все те же чиновники через находящиеся у них на содержании составителей школьных учебников и учителей.

Нетрудно себе также представить, как какой-нибудь слабонервный интеллигент, ненароком угодивший в тюрьму, впервые приближаясь к двери тюремной камеры, мучительно начинает вспоминать все некогда виденные им фильмы из жизни преступного мира: как правильно войти в эту дверь, нужно ли ее сразу за собой прикрыть, что делать, если тебе под ноги вдруг бросят полотенце и т. д. и т. п. Однако и матерый уголовник, столь же случайно оказавшийся на филологическом факультете университета, приближаясь к дверям кафедры русской литературы, тоже, возможно, не без тайного содрогания начнет вдруг перебирать в своем мозгу какие-нибудь давно забытые стишки из школьной программы, стараясь вспомнить имя их автора. А волнуют ли кого-нибудь всерьез все эти незакрытые двери камеры, брошенные под ноги полотенца, Пушкин и Маршак, наконец, или же все это откровенная туфта, рассчитанная на то, чтобы отпугивать от каждой из этих замкнутых в себе сфер человеческой жизни наиболее доверчивых и непосвященных простачков – это уже совсем другой вопрос. Предполагается, что наиболее слабонервный заключенный, случайно, вопреки установленному ритуалу, закрывший за собой дверь камеры сам, без посторонней помощи, сразу же отправится к параше, то есть никому даже не потребуется тратить на его опущение лишних сил. Примерно на такое же место среди филологов может рассчитывать и профан, позабывший, кто сочинил «Я помню чудное мгновенье». Таким образом, магия всевозможных ритуалов в современном человеческом обществе широко распространена и способна работать как на государство, так и против него.

Главная проблема современного искусства и заключается в том, что его творцы сегодня сами, без посторонней помощи, уже, похоже, больше никого не в силах загипнотизировать и подчинить своей воле. Не случайно, едва ли не самым ключевым произведением современного искусства стал знаменитый «Черный квадрат», создатель которого впервые столь явным образом постарался сместить внимание зрителей с изображения на холсте, доступного если не пониманию, то хотя бы взгляду любого человека, на отодвинутые ранее на задний план искусствоведческие теории и концепции. Если не ошибаюсь, появление столь ускользающего от понимания широкой публики объекта в искусстве называется его «дегуманизацией». Конечно, Малевич был не одинок, и у него имелись многочисленные соратники и предшественники: в одиночку он бы с такой задачей вряд ли справился. Однако именно «Черный квадрат» стал своеобразной брешью в стене некогда неприступной крепости искусства, через которую на его территорию и проникли толпы посторонних в лице всевозможных экспертов и ученых-искусствоведов.

Однако катастрофические последствия такого «вторжения», кажется, осознают далеко не все. Между тем даже государственные перевороты и революции никогда не наносили искусству такого ущерба. Хотя бы потому, что искусство во все времена находилось в непримиримом и явном противоречии с политикой, и тут все более-менее ясно. Любому идиоту ведь понятно, что когда представители власти призывают художников вспомнить о нравственности, называя ее неотъемлемой составляющей некой мифической культурной традиции, они, в действительности, пытаются довольно грубо и неуклюже в эту культуру

вторгнуться, использовать ее в своих интересах и тем самым ее разрушить. Тут и говорить особенно не о чем.

Единственным содержанием творчества художника всегда была и остается красота. Никаких иных целей у той же литературы или живописи никогда не было и быть не может. Не буду здесь вдаваться в подробные разъяснения того, что я подразумеваю под «красотой». Если этого кто-то до сих пор еще не понял, то ему все равно не объяснишь. Красота для человека искусства - примерно то же, что добро для политика, скажем так. Во всяком случае, я не знаю ни одного примера, когда политик публично отказался бы от служения добру, каким бы жестоким диктатором, самодуром или же маньяком он в реальности не был. Иными словами, государственный деятель может уничтожать сотни и тысячи людей, нарушать в своей частной жизни все мыслимые и немыслимые запреты и табу, но стоит ему только усомниться в значении добра, сделать какое-нибудь неудачное заявление для прессы на этот счет, как на его политической карьере можно смело ставить крест. Как можно будет поставить крест и на ученом, который заявит о своем нежелании или же неспособности служить истине.

Примерно то же самое можно сказать и об отношении художника к красоте. Он может писать уродливые картины, сочинять убогие стишки, но публично о своем презрении к красоте он никогда не скажет – в противном случае всей его творческой деятельности придет конец. Думаю, что это так или иначе осознают и чувствуют все. Недаром ведь всего пару десятков лет назад в Советском Союзе поэты, которые начинали в своих стихах чересчур упираться на добро, то есть фактически переходили на службу государству, сразу же лишались всех своих читателей. Несмотря на то что государство награждало их различными премиями и тиражировало их книги. Эти книги в огромном количестве пылились на прилавках магазинов. И никто ничего не мог с этим поделать. Тут все понятно. Однако над тем, что в любой, пусть даже самой умной научной статье никакой красоты нет и быть не может, по моим наблюдениям, сегодня еще мало кто задумывался.

Тем не менее прекрасным может быть только само литературное произведение или же картина, а не их научное исследование или же теоретическое обоснование. Исследования и теоретические обоснования могут быть только умными. И разговоры о так называемой «красоте мысли» - это все из области социальной демагогии, которой современные ученые, видимо, научились у политиков. Разница между первыми и вторыми заключается только в том, что политики по отношению к искусству ведут себя несколько настойчивее, грубее, и, возможно, глупее. Но вряд ли это отличие столь уж существенно. Как не существенно и то, что современные литературоведы, искусствоведы и критики, вполне возможно, даже испытывают искреннее сочувствие к «смутным объектам» своих исследований, по-своему их оберегают от безмозглой толпы, «дегуманизируя» и создавая вокруг них трудно проницаемую для непосвященных своеобразную «магическую ауру» из малопонятных обывателям научных терминов. Как я уже сказала, государство в недавнем прошлом тоже по-своему заботилось о тех, кто соглашался наиболее рьяно служить так называемому «добру», да и сейчас продолжает это делать.

Поэтому и наиболее характерной фигурой современной литературы является вовсе не пытающийся загипнотизировать публику истеричными выкриками «шаман» – эта фигура сегодня выглядит чересчур архаично, - скорее, это некий расслабленный дегенерат, нуждающийся в постоянных опекунах в виде многочисленных теоретиков и исследователей его произведений, и потому не прилагающий никаких особых волевых усилий к их созданию.

Говоря о характерной дегенеративности современного искусства, я, естественно, подразумеваю его «уродство». Просто слово «урод» в данном случае звучало бы несколько двусмысленно, так как уроды вообще-то в опекунах не нуждаются. В отличие от дегенератов, олигофренов и прочих умственно-отсталых личностей с капающей изо рта слюной и трясущимися ручками. Но это только в быту и повседневной жизни, где в соответствии с установленным в обществе порядком регулируются права собственности,

годность того или иного индивидуума к труду и мера его ответственности за совершаемые поступки. Зато в искусстве в опеке в первую очередь как раз и нуждаются эстетически неполноценные существа, то есть уроды.

В полной мере это относится и к результатам их творчества.

И чем уродливее произведение искусства, тем сильнее его создатель нуждается в поддержке извне. Так называемое «социалистическое искусство» наглядно это продемонстрировало. Советские поэты и писатели нуждались в государстве, как в мамочке, без которой они так и не научились самостоятельно передвигаться по жизни и, тем более, творить. «История и время это показали», – так, кажется, в подобных случаях принято говорить.

Сейчас, правда, отношения художника с социальными институтами тоже далеки от идеальных. Стоит только сунуться в какой-нибудь фонд, как натыкаешься на такие требования к потенциальным получателям различных грантов, что, как я ни старалась, подогнать под них свой образ мне еще ни разу не удалось. И самое смешное, что эти требования оказывались абсолютно невыполнимыми для меня из-за какой-то просто пугающей простоты! Чтобы получать бабки под свои творческие проекты, сегодня надо быть либо представительницей нац- или секс-меньшинства, либо многодетной матерью, либо гражданкой отсталой среднеазиатской республики, либо инвалидом по зрению, контуженным ветераном афганской войны, либо просто слабой женщиной (это самый мягкий вариант), ну, или же тебе самой нужно изъявить готовность посвятить свою жизнь служению и спасению кого-нибудь из этих убогих существ, то есть фактически перейти на их иждивение.

Все это, собственно, и означает, что художник поставлен в современном обществе перед вполне очевидной альтернативой, а точнее, общество при помощи тщательно разработанной системы материальных поощрений ему недвусмысленно намекает: или же ты публично признаешься в своей неполноценности, или будешь пахать в поте лица и выкарабкиваться из дерьма самостоятельно, пока, действительно, не окажешься где-нибудь в хосписе, с трясущимися руками, в полном маразме, и тебе уже ничего не будет нужно, даже бабок. Естественно, подобная перспектива мало кого прельщает. Тут нет ничего удивительного. В свое время академик Павлов наглядно продемонстрировал на животных, как можно при желании вырабатывать у них всякие условные и безусловные рефлексы. Человек же, по моим наблюдениям, поддается подобной «дрессировке» еще быстрее и легче.

В итоге только за прошедшее столетие описанная мною выше система «воспитания чувств» привела к появлению абсолютно новой породы людей, отличающихся такой бесхитростностью мыслей и поступков, какие даже поборнику всеобщего «опрощения», вроде Льва Толстого, не могли присниться в самых сладких снах. И теперь, когда я вижу, как на экране ТВ какая-нибудь вполне сытая и довольная жизнью голливудская звезда, сверкая белоснежной улыбкой, спешит сделать заявление для прессы о том, как она только что отслонила миллион долларов жертвам цунами на Таиланде или там голода в Кении, то я прекрасно понимаю, откуда у нее этот лишний миллион. Весь фокус в том, что она не только не стыдится публичного проявления простоты своих чувств и мыслей, а иначе вообще чувствовать и мыслить не умеет. И все эти тонкости и нюансы ей элементарно до лампочки! Она с детства чувствует себя во всей этой четко отлаженной системе грантов премий и поощрений, как рыба в воде, как крот в своей подземной норке, белка на дереве, медведь в берлоге, гиппопотам на берегу Амазонки, короче, совершенно естественно. Поэтому и реакция на произошедшую в далекой Азии трагедию у нее такая спонтанная и искренняя.

Стоит ли удивляться после этого, что лет двадцать тому назад, когда позиции государства в России были серьезно поколеблены, значительная часть наиболее ушлых дегенератов, или неполноценных уродов, от него отшатнулась и стала искать поддержку среди ученых, цепляясь уже за науку как за новую «мамочку» или, даже точнее, няню,

временно заменившую им захворавшую мать. Отсюда понятно, почему весь этот сверхсложный туманный и наукообразный постмодернизм пришел в Россию с существенным запозданием по сравнению с Западом, то есть всего лет пятнадцать-двадцать назад, вместе с крушением «тоталитаризма» и «командно-административной системы». А раньше здесь и слова такого – «постмодернизм» - никто не слышал и не произносил вслух, и все головокружительные литературные карьеры делались исключительно за счет государства и политики. В сущности, вся история отечественной литературы последних двух десятилетий укладывается в до смешного простую формулу: как только прямое насилие стало невозможным, писателям пришлось прибегнуть к хитрости и прочим интеллектуальным уловкам, временно посвятив себя поискам истины.

Ныне же, когда государство снова начало укреплять свои позиции, число писателей, выступающих за добро и нравственность, опять стало расти в геометрической прогрессии. И теперь, кажется, разве только ленивый способен отказать себе в удовольствии лягнуть напоследок ставший не особенно нужным постмодернизм. Главный же вывод, который можно сделать, окинув беглым взглядом историю отечественной литературы последних лет, заключается в том, что уроды и дегенераты всех мастей так и будут до скончания веков метаться от поисков нравственности к поискам истины и обратно, ибо ничего другого в этой жизни им просто не остается. И продолжаться так будет до тех пор, пока это бессмысленное стадо не вытопчет на земле последние ростки красоты, которая изначально не имеет абсолютно никакого отношения ни к добру, ни к истине.

Дело в том, что искусство представляет собой абсолютно замкнутую сферу, выход за пределы которой совершенно невозможен. То же самое, кстати, можно сказать о политике и науке. Мне даже кажется, что все эти сферы представляют из себя нечто вроде огромных прозрачных стеклянных шаров, отчего их границы вроде бы и не видны, но какие-либо пересечения между ними абсолютно исключены. А если вдруг подобное пересечение случится, то только ценой уничтожения одного из них, который тут же разлетится на мелкие осколки. Церковь, обозначившая некое триединство добра, красоты и истины, всего лишь продемонстрировала таким образом свою склонность к бесконечной мимикрии, а также способность приспосабливаться и присасываться попеременно к той или иной основополагающей сфере человеческой деятельности - политике, науке или же искусству - в зависимости от сложившихся в данный момент в обществе расклада сил и конъюнктуры.

Лично я никогда не встречала даже просто умного или же доброго человека, который был бы одновременно еще и красивым. И наоборот, красота человека исключает наличие у него какого-нибудь ума или же добрых побуждений и сочувствия к окружающим. И упоминавшаяся мной выше голливудская звезда, несмотря на всю свою смазливость, в момент передачи бабок на благотворительные цели вдруг утратила все свое очарование, по крайней мере, на несколько мгновений, пока длилась вся эта процедура. Просто удивительный феномен, над которым многим следовало бы задуматься. В каком-то смысле эти качества напоминают мне еще и что-то вроде несовместимых при приготовлении различных блюд продуктов или же приправ, как кофе и огурцы, например.

И, наконец, я заметила: политики и вовсе постоянно называют практически любые проблески прекрасного в искусстве и жизни «злом», а ученые – «глупостью». Но я не думаю, что они делают это с умыслом. Просто людям вообще свойственно переносить представления из своей сферы деятельности на весь мир. Психиатр в любом человеке видит потенциального пациента, точно так же, как милиционер подозревает в каждом встречном преступника, а сотрудник ФСБ – шпиона. Ну, а писатель, соответственно, склонен полагать, что весь мир населен исключительно его читателями, тогда как актер постоянно чувствует себя как бы на сцене и думает, что его окружают сплошные зрители. Помню, когда один известный романист отправился в Сербию, где тогда шла война, мой знакомый кандидат наук, специалист по славянской филологии, вдруг стал возмущаться, что тот «не знает сербского, путает слова» и т. п. Не представляю, где он натолкнулся на

проколы и пробелы в образовании этого писателя, но, кажется, с того самого момента он полностью утвердился в собственном превосходстве и неизменно высказывался о нем крайне пренебрежительно: «Ах, он ведь даже не знает сербского, боже мой! Так стоит ли его после этого читать!» Короче, у каждой профессии есть свои издержки, влекущие за собой необратимые сдвиги в сознании, - даже у такой вроде бы безобидной и мирной, как занятие филологией.

Между тем, по моим наблюдениям, по-настоящему ненормальными, как правило, являются сами психиатры, а не их пациенты. Если же верить телевизионным новостям, постоянно сообщающим о разоблачениях так называемых «оборотней в погонах», то преступниками тоже чаще всего становятся именно милиционеры, а агентами иностранных разведок, соответственно, обычно оказываются «сотрудники спецслужб». Не сомневаюсь, что книги читают исключительно те, кто сам потенциально считает себя писателем и страдает графоманией, ну а сербский язык, соответственно, изучают исключительно узкие специалисты в этой области.

Скорее всего, подобная подмена реальности происходит еще и оттого, что человек или какое-либо явление, погруженные в одну из этих вроде бы прозрачных сфер, становятся невидимыми для окружающих, или же те видят их искаженный образ. То есть тут присутствует какой-то оптический обман зрения, наподобие того, какой можно было наблюдать, когда в былые времена люди, гуляя по парку культуры, заходили в «комнату смеха» и глазели на отражения в кривых зеркалах. Вряд ли политики и ученые когда-либо сами всерьез задумывались о причинах своего столь неадекватного речевого поведения, однако со стороны этого просто невозможно не заметить. Все это и вынуждает меня изъясняться на понятном представителям этих сфер языке: исключительно ради того, чтобы хоть немного подкорректировать очевидные искажения в окружающем меня пространстве. Добро я всегда называла и буду называть злом, а ум – глупостью.

Глава двадцать четвертая

Жизнь после смерти

Ничто так не развращает человека, как деятельность, не имеющая практических результатов. Священники заключают браки, отпускают грехи, крестят младенцев, отпевают покойников – последствия любого из этих действий невозможно отследить. Это и рождает абсолютно безответственный тип личности, паразитирующей на полной пустоте. Даже если священником становится человек, не лишенный природных способностей, то, занимаясь подобного рода манипуляциями, он неизбежно должен будет деградировать. Поэтому суждения представителей духовенства о многих вещах столь часто по-настоящему удивляют и даже пугают. Конечно, и среди них встречаются более-менее вменяемые субъекты, не лишенные элементарной смекалки. Но источник этой житейской мудрости следует искать вовсе не в их основной профессии. Если, например, кто-нибудь из них занимается выращиванием овощей на даче или же на досуге выпиливает лобзиком, то с годами он тоже вполне способен кое-что постичь в этой жизни. Однако этим практическим опытом, собственно, вся его мудрость и будет исчерпываться. А теперь представим, что такой человек начинает рассуждать о судьбах нации или вселенной...

В этом отношении священники очень мало отличаются от писателей, философов и прочих личностей, чья профессиональная деятельность так или иначе связана с репродуцированием пустоты, или же, как ее еще теперь принято называть, «духовности». Правда, у поэтов все-таки имеются хоть какие-то тексты, запечатленные на листочке бумаги, которые могут быть подвергнуты публичному обсуждению, тогда как священники не производят совершенно ничего: ничего такого, что можно было бы потрогать руками, увидеть, оценить или хотя бы всерьез обсудить! Ведь невозможно же проверить, насколько

качественно были отпущены грехи умершему, и попал ли он после смерти в так называемый рай. Вряд ли кто-нибудь когда-либо возвращался с того света, чтобы предъявить претензии на этот счет. Поэтому каждому, кому приходится иметь дело с представителями духовенства, следует помнить, что они видят перед собой людей, которым практически никогда не доводилось нести ответственность за свои слова и поступки.

Тем не менее все это вовсе не мешает служителям культа раздавать направо и налево советы и рекомендации. Но что дает им право так поступать? И самое главное, откуда они сами берут уверенность в своих силах и способности обо всем рассуждать, причем не просто рассуждать, а поучать? Некоторые считают, что сознание собственной исключительной значимости им помогают обрести черные балахоны, в которые они наряжаются во время церковной службы и телевизионных ток-шоу, ибо те своим необычным видом сегодня даже чем-то отдаленно напоминают украшенные перьями наряды индейских и чукотских шаманов. Однако я так не думаю. Все гораздо проще. Не стоит забывать, что современный священнослужитель прежде всего является выпускником академии или же, на худой конец, семинарии, то есть, по сути, дипломированным специалистом по пустоте. И именно в дипломе он и черпает сегодня свою уверенность в праве судить обо всем на свете: точно так же, как инженер чувствует себя способным рассуждать о машинах, а программист - о компьютерах.

У религии, как я уже сказала, довольно много общего с искусством. Другое дело, что искусство, в отличие от религии, как раз и является своеобразной формой представления жизненного опыта человека, не имеющего прямого отношения к его деятельности в качестве художника, писателя или музыканта. С этой точки зрения литературу, вероятно, даже можно было бы назвать «жизнью после смерти». Поскольку писатель, работая над книгой, в этот момент как бы уже не живет, а только рассказывает читателям о своем предыдущем существовании, где он вполне мог бы быть одним из них: учителем, врачом, инженером, математиком, бизнесменом, преступником или же выращивать овощи и выпиливать лобзиком. И пусть формально его книги повествуют о чем-то совсем ином, они все равно будут неизбежно свидетельствовать о «долитературной» жизни автора на символическом или же, точнее, стилистическом уровне. Причем мерой стилистической чистоты того или иного произведения будет именно отсутствие в нем каких-либо примесей чисто писательского опыта его создателя, включая и так называемое «мастерство». Иными словами, искусство должно быть сверхчеловеческим и пустым. Поэтому идеальным художником можно будет назвать того, кто, утратив интерес к жизни, решит посвятить остаток своих дней литературе или там живописи: в буквальном смысле, от нечего делать. Однако это такой идеал, к которому вряд ли кто станет сознательно стремиться.

Выпускники Литературного института или же Академии художеств, наоборот, склонны оценивать значимость того или иного произведения, исходя исключительно из профессиональных навыков, полученных ими в соответствующих учебных заведениях, то есть опять-таки из пустоты, дипломированными специалистами по которой они себя всерьез считают. Поэтому их суждения и оценки обычно бывают столь же безответственны и наивны, как у духовенства. Кажется, они даже не представляют, что, только отказавшись от профессии писателей и художников и перейдя, образно выражаясь, в «иное измерение», они обрели бы наконец хоть какое-то право называть себя людьми искусства. Правда, тогда им, видимо, опять пришлось бы постоянно рассказывать окружающим о том, как они когда-то были писателями... Так что это практически безнадежный случай, и все эти личности навсегда потеряны для человечества.

Что касается философов и искусствоведов, то у них в наши дни и вовсе нет выбора, ибо людей без дипломов, которые занимались бы сейчас такого рода деятельностью, просто не бывает, во всяком случае, я таких не встречала. Поэтому и те и другие тоже вещают из пустоты и о пустоте.

Глава двадцать пятая

Хэппи-энда не будет. Искупление, блин!

Не передать, сколько раз мне приходилось слышать: «Все жанры хороши, кроме скучного», - конечно, эта фраза не лишена остроумия, но не стоит слишком увлекаться. Порой случается, что слова, пусть даже и не лишённые смысла, в результате многократных повторов начинают потихоньку вытеснять и подменять собой реальность, превращаясь в какую-то непроницаемую ширму. И за ней уже совершенно невозможно разглядеть объект, к которому они первоначально относились. Нечто подобное произошло и с процитированным выше замечанием по поводу искусства. Люди вообще слишком часто несправедливы к столь утонченному и сложному явлению, каковым является скука. Вынести скуку бывает нелегко, но это еще ничего не значит. И если вы вдруг случайно встретите на вернисаже человека, чье лицо не искажено гримасой легкого отвращения, или же заметите в зале филармонии кого-то, кто бы не прикрывал свое лицо рукой, дабы скрыть от окружающих охвативший его приступ зевоты, - можете не сомневаться: вы видите перед собой индивидуума, который впервые посетил эти замечательные культурные мероприятия. И это в лучшем случае, в худшем – перед вами человек, не отличающийся особым умом, скажем так. Иными словами, в способности глубоко и полностью отдаваться этому чувству есть нечто в высшей степени аристократическое или же, по крайней мере, то, что позволяет отличить профана от человека более-менее искушенного. А уж об искусстве и его «жанрах» и говорить нечего! По-настоящему великое произведение просто обязано быть отмечено печатью глубочайшей скуки. Образно выражаясь, без такой приправы это блюдо не будет обладать всей полнотой вкуса и лишится каких-то чрезвычайно важных для истинного ценителя оттенков. Что, кстати, обусловлено и особенностями устройства человеческой психики: только то произведение способно по-настоящему глубоко и надолго запечатлеться в памяти, для восприятия которого требуется определенное усилие. Этим же обстоятельством, видимо, можно объяснить и тот факт, что чуть ли не все наиболее ценимые человечеством книги так и остаются непрочитанными большинством из живущих ныне людей. Не буду перечислять названия и имена – думаю, они и так у всех на слуху. Вместе с тем, нет никакого смысла призывать читателей отбросить всю эту скучную сложность и прочие «интеллигентские комплексы» и приступить к потреблению чего-то исключительно легкого и интересного, ибо эти качества, ко всему прочему, с некоторых пор стали в литературе еще и признаками дурного тона. Можно допустить, что очень многие люди предпочитают есть, громко чавкая, однако чересчур откровенных призывов к такому способу потребления пищи не поймут, боюсь, даже они. Поэтому современное искусство, в том числе массовое, уже давно строится по несколько иным законам.

Показательным с этой точки зрения является путь Умберто Эко. Он начинал в эпоху зарождения так называемого «нового романа», создатели которого объявили настоящую войну всем формам занимательности, постаравшись тщательнейшим образом вытравить ее из своих произведений. И надо сказать, им это в полной мере удалось. Сам же Эко, как известно, не погнушался опуститься и до такого «презренного жанра», как детектив, и тем самым невольно уподобился монаху-расстриге, не устоявшему перед мирскими соблазнами и изменившему аскетическим идеалам своей юности. Будучи не в состоянии вернуться назад в монастырь, но мучимый тайными угрызениями совести, он, все же, постарался соблюсти хотя бы видимость приличий, для чего снабдил свои детективы многочисленными наукообразными комментариями. Именно таким образом, возможно сам того не желая, он сумел найти воистину золотой ключик к душе современного человека и стать одним из самых успешных писателей наших дней. И Умберто Эко в этом отношении далеко не одинок. Всякий раз, открывая сегодня книгу, ты рискуешь быть втянутой в игру

роковых страстей, когда автор, вроде бы уже нащупавший путь к обретению земных радостей и славы, вдруг, как бы терзаемый муками совести, неожиданно вспоминает еще и о необходимости сохранить свою небесную чистоту и невинность. Я смогла убедиться в этом еще раз совсем недавно, побывав на премьере англо-французского фильма «Искупление», поставленного, если не ошибаюсь, по бестселлеру букеровского лауреата.

Маленькая девочка, имеющая склонность к различного рода фантазиям и литературе, становится невольной свидетельницей сцены насилия и совершает ложный донос на возлюбленного своей старшей сестры. Подталкивает же ее к столь нехорошему поступку, как нетрудно догадаться, чувство ревности. Таким образом, первые неясные чувства, возникшие в неокрепшей душе юной писательницы, становятся причиной трагедии: возлюбленный сестры отправляется в тюрьму, а затем на фронт Первой мировой, с ужасами которой приходится столкнуться и обеим повзрослевшим сестрам, правда, в качестве санитарок. Старшая постоянно ищет встречи с возлюбленным, а младшая (Ромола Гараи) не находит себе места от запоздалого раскаяния. Красавица Кира Найтли в роли старшей сестры, убедительная игра актеров, особенно исполнителей детских ролей, точность деталей, впечатляющие виды викторианской усадьбы и ее окрестностей... Разве что по ходу просмотра возникает эффект некоторого дежавю, так как большинство зрителей, вероятно, еще не успели забыть вышедший на экраны чуть ранее фильм Франсуа Озона «Ангел», действие которого тоже разворачивается в Англии и примерно в те же годы, кроме того, там тоже речь идет о жизни писательницы, наделенной не менее сложным характером и уж точно ничуть не меньшим воображением, чем героиня «Искупления», роль которой, ко всему прочему, исполняет еще и та же самая актриса - Ромола Гараи. Хотя, конечно же, фильм Озона является куда более камерным и малобюджетным. Но дело даже не в этом. Главное отличие заключается в том, что Озон взял за основу некогда популярный роман полузабытой английской писательницы, от себя добавив разве что чуть больше занимательности сюжета и привлекательности главной героине, справедливо посчитав, что зрители, знакомые с его предыдущим творчеством, простят ему эту маленькую слабость. А поскольку Озон еще достаточно молод, то и круг его почитателей пока не слишком велик. Короче говоря, он опять невольно создал фильм для посвященных, и размер бюджетных вложений тут не так уж важен.

А вот автор, а точнее, авторы «Искупления» - писатель и режиссер – посчитали необходимым ввести в свое романтическое повествование финальную сцену, где престарелая писательница в предсмертном теле-интервью рассказывает читателям, а заодно и зрителям, что все написанное в ее книге неправда, ибо на самом деле оба героя-любownika погибли. Она же оставила их в живых исключительно потому, что они расстались и умерли по ее вине, так пусть теперь хотя бы в романе порадуются и, может быть, таким образом ей удастся искупить свою вину перед ними, - во всяком случае, она на это очень надеется, поскольку в реальной жизни ей не удалось даже попросить у них прощения. Эти печальные откровения, да еще высказанные от лица внезапно появившейся на экране «авторши», как бы на мета-уровне, по всей видимости, как раз и призваны развеять сомнения не слишком уверенных в себе зрителей, убедив их в том, что они только что просмотрели вовсе не экранизацию классического «женского романа», а глубокомысленную философскую притчу о превратностях писательской судьбы, настоящими создателями которой являются букеровский лауреат-мужчина и полностью солидарный с ним режиссер, тоже мужского пола. Так что ответственность за все эти любовные интрижки и переживания целиком ложится на пустившуюся в откровения идиотку-писательницу. Ее неожиданное появление на экране, безусловно, позволит многим колеблющимся личностям присоединиться к их более простодушным соседям по зрительному залу и начать активно рекомендовать фильм к просмотру своим родственникам и знакомым. А это, в свою очередь, повысит кассовые сборы, позволит окупить затраты на съемки, выплатить дополнительные премиальные актерам и купить подарки трогательным симпатичным детишкам, сыгравшим в фильме героев в юном

возрасте. Все это, разумеется, очень хорошо и в чем-то по-своему благородно, особенно по отношению к детям.

Но мне почему-то кажется, что эта старая ведьма, позволив встретиться и вновь обрести свое счастье литературным персонажам, ублажала вовсе не их реальных прототипов – те к этому моменту уже благополучно отправились в мир иной, где им явно уже не до книг, - а себя саму. Естественно, ее должна утешать мысли о том, что обе ее невольные жертвы смогли почувствовать себя счастливыми в ее романе. Зато на таких, как я, ей глубоко плевать! Хотя я ведь тоже стала невольной свидетельницей ее не слишком благородного поступка в детстве и затем на протяжении двух часов напряженно следила за трагическими метаниями по экрану несчастных персонажей. И в тот самый момент, когда война заканчивается, герои фильма снова находят друг друга и все вроде бы налаживается, вдруг появляется эта карга и сообщает мне всю эту фигню про то, что хэппи-энд отменяется! После чего у меня, ясное дело, сильно испортилось настроение. Она же не без ехидства, но с вполне довольной физиономией, еще успевает сообщить, что доктор обнаружил у нее неизлечимую болезнь мозга и поэтому ей уже совсем недолго осталось. В общем, «пока-пока, дорогие читатели, приятно было с вами побеседовать в последний раз, писем больше можете даже не писать».

Тем не менее, несмотря на ее столь демонстративное пренебрежение моим присутствием в этом мире, у меня имеется сильное подозрение, что для нее остается крайне важным мнение по крайней мере еще одного зрителя, на скорую встречу с которым она, судя по всему, всерьез рассчитывает на том свете. О чем красноречиво свидетельствует удовлетворенное выражение ее лица, казалось бы, достаточно странное в подобных обстоятельствах. А иначе, зачем вообще была затеяна вся эта возня с искуплением?! В таком случае и мне тоже есть что ей сообщить. Ах, да, чуть не забыла: роман, положенный в основу экранизации, сочинила ведь вовсе не она. Тем лучше. Тогда я точно знаю, что автор этого произведения жив и в ближайшее время умирать не собирается, и поэтому вероятность того, что мои слова каким-то образом до него дойдут, увеличивается. Однако, следуя примеру старой больной графоманки из фильма, я тоже предпочитаю обращаться не к нему, а к тем, кто меня читает.

Итак, дорогие читатели, все вы, вероятно, знаете одну внушительных размеров книгу, которая настолько популярна и известна среди населения земли, что я и в мыслях не могу допустить, будто вы ее не осилили. И вам она понравилась? Вы довольны? Прекрасно! Не буду скрывать, что сочинила эту книгу вовсе не я, а некто, кто почему-то пожелал остаться неизвестным. Но я довольно неплохо разбираюсь в том, как делается литература, поэтому чувствую себя вправе добавить к ней пояснение в виде маленького эпилога, которого там явно не хватает. Смысл его сводится примерно к следующему:

«Мои маленькие доверчивые друзья! Книга, которую вы прочитали, начинается словами: “В начале было Слово, и Слово было Бог”, - однако это не совсем так. В начале было вовсе не слово, а был некий писатель, который это слово написал. Возможно также, что это была писательница вроде меня. А поскольку эти писатель или писательница были до всякого слова, а значит, и до бога, которым это слово является, то слово и бог существуют исключительно в книге, и к реальности никакого отношения не имеют. Поэтому рассчитывать на какую-либо встречу с ним за пределами этой книги, а тем более в загробном мире, по меньшей мере, наивно».

Глава двадцать шестая

Инстинкт идеологии

Если бы миром правила сила, то медведи, львы и слоны не сидели бы в зоопарке. Поэтому и доминирование мужчин над женщинами невозможно объяснить их чисто физическим превосходством. Что касается превосходства интеллектуального, то это и

вовсе, скорее, уже следствие мужского доминирования, но никак не причина: и в образовании, и в культуре женщины изначально и на протяжении многих веков были поставлены в менее выгодные условия. Единственное, о чем можно говорить более-менее определенно - это то, что у мужчин гораздо сильнее развито чувство локтя, которое иногда еще называют «мужской солидарностью», но я бы определила его еще проще: стадный инстинкт. Вот по этому параметру мужчины однозначно превосходят женщин, как, впрочем, и люди в целом - всех остальных животных. А что способны противопоставить слепой природе женщины? Феминизм? Наверное, это первое, что приходит на ум. Но разве можно сравнить эффективность самых правильных и тщательно продуманных сознательных установок со спонтанной и нерелексивной силой природного побуждения? А совокупность подобных установок как раз и составляет основу так называемых идеологий. И вот тут мы подошли к одному забавному моменту, на который, мне кажется, стоит обратить чуть более пристальное внимание. Любая идеология обычно возникает там, где инстинкты не срабатывают или же отсутствуют, и, вероятно, она как бы даже должна их заменить, но, как правило, ей это не удается. Сколько бы ни призывали коммунистические лозунги пролетариев к объединению, те все равно никогда толком не объединятся, поскольку на подсознательном уровне, очевидно, не испытывают к подобному единению никакой особой тяги. Тогда как капиталистам никаких специальных идей для координации своих интересов не требуется – наоборот, тот же Маркс вынужден был разоблачать ускользающие от определения мотивы их поведения. В итоге социалистическая революция только формально привела к власти трудящихся, а на самом деле, после нее происходило нечто такое, что не имело ничего общего не только с официальной пропагандой, но и с тем, что писали в своих исследованиях многочисленные критики советского строя. Лучше всего это, кстати, становится понятно теперь, когда в России вроде бы произошла полная смена политических и экономических идей, а формы и стиль жизни приобретают все более очевидное сходство с теми, что доминировали в недавнем прошлом. И отсутствие каких-либо вынужденных объединительных лозунгов только подчеркивает смысл происходящего, делает его чуть более явным - тогда как якобы господствовавшая в СССР идеология достаточно сильно все затемняла. Даже такие непримиримые идейные противники, как коммунисты и Православная церковь, демонстрируют сейчас удивительное единодушие фактически по всем вопросам, касающимся политики, этики и эстетики. При этом формально их мировоззрение не претерпело никаких существенных изменений. Пример современной России отлично показывает одну вещь: когда инстинкты работают и природа торжествует, никакие сознательные установки никому не нужны. Некоторую потребность в них испытывает разве что тот, кто чувствует себя вытесненным на обочину жизни. Ибо все эти идеи вообще необходимы исключительно разного рода революционерам, которые только думают, что спорят с обществом, тогда как на самом деле всегда выступают против природы.

В полной мере все сказанное мной относится и к мужчинам и к женщинам. Невозможно, конечно, отрицать видимые успехи западных феминисток или же профсоюзных движений по защите прав представительниц слабого пола и трудящихся, но все эти успехи, скорее всего, так и останутся *видимыми*, то есть имеющими к всегда несколько скрытой от глаз реальности весьма слабое отношение.

Этим миром правят инстинкты, а не идеология! Поэтому лучше вообще не грузить себя различными идеями, и тогда, возможно, твоему взору откроются достаточно занимательные вещи. Я вполне допускаю, кстати, что идеи порождаются людьми из благих намерений и, возможно даже, на инстинктивном уровне, но тогда это - неправильный, искаженный цивилизацией инстинкт, который только мешает созерцанию истины.

Некоторые считают литературу чуть ли не собранием идей или же сферой борьбы различных идеологий, однако я так не думаю. Впрочем, я уже давно не читаю того, что

пишут о литературе критики и литературоведы, и поэтому имею крайне слабое представление о том, как, по их мнению, она устроена. Зато я заметила, что поэты, в отличие от тех же прозаиков, практически всегда перемещаются группами, существуют внутри этих групп и никогда далеко от них не удаляются, то есть у них тоже очень хорошо развит стадный инстинкт. Я бы даже сказала, что в этом смысле поэты сегодня находятся приблизительно в таком же отношении к прозаикам, как мужчины – к женщинам, или же буржуазия - к трудящимся. Только этим, видимо, и можно объяснить то, что поэзия до сих пор жива, а сами ее творцы достигают результатов, вполне сопоставимых с успехами представителей других литературных жанров, куда более занимательных и популярных среди читателей.

Вспомним хотя бы Бродского и Солженицына. Эти два литератора достигли максимального признания, в том числе и на международном уровне: они оба удостоились Нобелевской премии, что и делает их фактически равновеликими фигурами по степени известности у широкой публики, вне зависимости от конкретного содержания их творчества. Один из них, как известно, был поэтом, а другой – прозаиком. Поэтому их пример, как мне кажется, способен достаточно наглядно проиллюстрировать мою мысль. После смерти Бродского выяснилось, что у него при жизни было просто какое-то фантастическое количество друзей, тогда как о Солженицыне этого не скажешь. Возможно, Солженицын просто пережил большинство своих знакомых – это обстоятельство, действительно, несколько затемняет ситуацию, – но мне почему-то кажется, что, и умри он гораздо раньше, лет так в пятьдесят, все равно картина была бы приблизительно та же: друзей бы почти не осталось - одни поклонники.

Так вот, как я уже сказала, я с трудом себе представляю, как описывают современную литературу критики. А точнее, я не знаю всех подробностей и деталей, хотя в целом нисколько не сомневаюсь, что они говорят исключительно о видимом, а не о реальном. Ибо в задачу критиков как раз и входит завернуть в более-менее привлекательную обертку какой-нибудь уже совсем несъедобный и залежавшийся продукт, каковым в данный момент и являются стихи. Кроме того, критики обращаются к читателям, то есть к наиболее активной и привередливой части общества потребления, поскольку роль желудков у них выполняют мозги, всегда считавшиеся чуть более сложной составляющей человеческого организма. Так что деталей я не знаю, но приблизительно в самых общих чертах об оценках состояния современной литературы, высказываемых так называемыми специалистами, догадываюсь. На самом же деле, реальное положение дел таково. Поэты все больше сбиваются в стада, а прозаики, по крайней мере некоторые из них, пока еще могут позволить себе держаться несколько особняком. Более того, я заметила, что если прозаик постепенно ассимилируется в каком-нибудь творческом коллективе, то со временем он тоже может перейти на стихи. Просто для этого ему необходимо почувствовать рядом с собой локоть товарища и ощутить себя в сравнительной безопасности от окружающего мира. И это понятно: в смысле, понятно его стремление сменить сферу деятельности. Ясно ведь, что самый обычный набор текста отнимает у человека, сочиняющего прозу, значительно больше сил, чем весь процесс написания стихотворения у поэта, поскольку в романах и повестях все-таки элементарно больше букв. Это и делает занятие поэзией в современных условиях гораздо более удобным и практичным. Другое дело, что позволить себе такое могут далеко не все.

Причины, из-за которых современная литература стала развиваться именно так, в принципе не столь уж и существенны. Ибо куда важнее знать, что именно происходит вокруг нас, а не почему. Последнее не имеет особого значения еще и потому, что сколько бы люди не рассуждали об истоках того или иного явления, они все равно не смогут ничего никогда изменить. Тогда как осознание реальности способно хотя бы немного помочь им в ней ориентироваться. В данном случае можно предположить, что занятие прозой на протяжении девятнадцатого и отчасти двадцатого столетий было во многом именно мужской прерогативой - особенно, конечно, в девятнадцатом веке. Поэтому со

временем и само слово «прозаик» стало если не синонимом «мужчины», то, по крайней мере, начало вызывать вполне устойчивые ассоциации с особью мужского пола, ну, разве что с несколько отклоняющейся от нормы квадратной головой. Классическим примером такого прозаика является Лев Толстой, как, впрочем, и уже упоминавшийся тут Солженицын. Так что личности, посвятившие себя прозе, скорее всего изначально гораздо меньше нуждались в каком-либо дополнительном объединении, чем поэты, поскольку вполне могли опираться на укорененное в мужской природе чувство солидарности. А вот поэзия, наоборот, со временем стала чуть ли не женским занятием - чем-то наподобие вышивания или вязания. Парадоксальность же ситуации заключается в том, что обкатанные веками представления о поэзии, в соответствии с которыми настоящий поэт должен быть подчеркнута одинок и далек от людей, теперь вступили в слишком явное противоречие с природной разобщенностью женщин, в том смысле, что такое сочетание фактически обрекало поэзию как жанр на полное исчезновение, поскольку делало ее абсолютно бессильной перед лицом грубых и стихийных сил природы. И вот тут, наконец, у сочиняющих стихи индивидуумов – преимущественно женщин или же, на худой конец, бледных женственных юношей - и заработало то, что академик Павлов, насколько я помню, называл, приобретенными инстинктами, ибо создавать какую-либо новую идеологию и призывать поэтов объединяться в данном случае просто-напросто означало бы уничтожить ее как жанр, правда, уже не перед лицом природы, а в глазах читателей, которые, лишившись своих романтических представлений, отказались бы ее потреблять. А поскольку занятие поэзией во многих отношениях все-таки является гораздо более практичным и удобным, чем проза, то в ее полном исчезновении никто из ее творцов не был заинтересован. Поэтому, вероятно, и те слабые попытки объединить поэтов в группы под знаменами различных идей, как это происходило, например, в начале двадцатого века, когда на смену символистам приходили акмеисты и т. п., так и не получили дальнейшего развития. Поэты, как и современные политики, более не нуждаются в каких-либо идеях, так как могут спокойно опереться на свои инстинкты. Более того, обозначившийся было дисбаланс по половому признаку между жанрами сейчас тоже в значительной степени преодолен. В частности, в настоящий момент можно уже наблюдать, как ряды поэтов опять начали пополняться представителями «сильного пола», в том числе и из бывших прозаиков с нестандартными головами, в то время как прозаиками теперь довольно часто становятся женщины. Последнее обстоятельство я объясняю еще и тем, что женщины гораздо больше наделены способностью к быстрому набору больших объемов текстов на компьютере. Не случайно ведь Достоевский, который жил еще во времена, когда писателям приходилось водить пером по бумаге, ближе к концу жизни пришел к тому, что стал диктовать романы своей жене, то есть фактически использовать ее в качестве живого компьютера. И тем самым он, между прочим, значительно предвосхитил многие процессы, которые происходят в современной литературе, в то время как его идеи оказали на нее абсолютно ничтожное влияние.

Глава двадцать седьмая

Пытка скукой

Человеческий мозг устроен таким образом, что не выносит, когда в него повторно пытаются загрузить одну и ту же информацию. Он ее отторгает! Причем процесс этот достаточно болезненный. Попробуйте кому-нибудь хотя бы в шутку начать объяснять, как ему после работы следует добираться до собственного дома – он тут же начнет нетерпеливо ерзать на стуле. Поэтому пытка скукой, вероятно, является одной из самых изощренных. Я бы, например, на месте следователя, желая расколоть подозреваемого, помещала того в специальную комнату наподобие «музыкальной шкатулки», только вместо неприятных шумов, скрежета железом по стеклу и громкой однообразной музыки

запускала бы записи с хорошо известной подопытному информацией о том, как нужно заваривать кофе, варить яйца, заказывать книги в библиотеке или же покупать жетончики в метро. Уверена, долго бы он не выдержал.

С некоторой грустью приходится констатировать, что если вы получили более-менее сносное образование, кое-что прочитали и т. п., то вам явно не повезло и на протяжении своей жизни вам в той или иной мере придется постоянно подвергать себя подобной пытке. С юных лет вы будете наблюдать, как окружающие вас люди сначала очаровываются, а потом разочаровываются в коммунизме, перестройке, демократии, приватизации, западном образе жизни, постмодернизме, гербалайфе, авангарде, любви, мужчинах, гламуре, честности политиков, духовности высшего общества, экранизациях Булгакова, Дэна Брауна и, наконец, в людях вообще. Причем делают это они всегда почему-то неизменно гораздо позже, чем вы, а слово им всегда предоставляется чуть раньше, поэтому вам остается только дергаться, постоянно натываясь на людей или телевизор, полностью избавиться от которых вам все равно никогда не удастся. Помню, когда-то в Казанском соборе располагался музей религии и атеизма, где среди прочего была просто замечательная экспозиция, посвященная разного рода орудиям пыток: всякие там дыбы, «испанские сапоги», «ведьмины кресла» с гвоздями, пугающего размера щипцы, кандалы, клинья, ножи, ножницы, иглы... Этот музей всегда был одним из моих самых любимых ленинградских музеев. В детстве я могла проводить там целые дни, до самого закрытия, и никогда не уставала от созерцания этих замечательных предметов. Не знаю, что стало с ним теперь. Скорее всего, он закрылся, так как Казанский собор вернули Церкви. Но если бы он сейчас существовал, то я бы обязательно добавила туда еще и фигуру человека, намертво привязанного к абсолютно мягкому и комфортному креслу безо всяких гвоздей, но расположенному напротив постоянно включенного телевизора. Восковое лицо этого господина было бы отмечено печатью глубочайшей скуки и отвращения.

Мне много раз приходилось видеть, как зрители с остервенением громко хлопают сиденьями кресел, покидая фильмы и спектакли, которые они не в состоянии досмотреть, однако подлинная причина своей реакции на происходящее им самим часто так и остается неясной, поскольку определения типа «плохой фильм» или «бездарная книга» мало что объясняют. Причина же чаще всего заключается все в той же избыточности информации. Вот только что случайно натолкнулась в популярной среди петербургских домохозяек газете с телеанонсами на то, как один совсем незлобный и безобидный журналист вдруг взял, да и ляпнул «французский актер Ален Делон». Ерунда, казалось бы. Что тут такого? Но все далеко не так просто. Хотя сам этот журналист, скорее всего, и не подозревает, что мог одним только этим уточнением «французский» задеть самолюбие читателей газеты, пусть даже не слишком просвещенных в вопросах кино, но наверняка считающих для себя унизительным держать дома газету со статьей, предназначенной для совсем уж полных профанов, которым не известна не только основная профессия, но и национальная принадлежность Делона. Приведенный мной пример несколько «из другой оперы», однако именно такими «ненавязчивыми» уточнениями, пояснениями и деталями всегда бывают переполнены самые ужасные книги и фильмы, дочитать или досмотреть которые до конца обычно бывает просто физически невозможно. Столь же невыносимо тяжелой для человека иногда становится и собственная жизнь.

Присутствие подобной избыточной информации в искусстве - одна из самых характерных отличительных черт плохого стиля, который для писателя и художника является примерно тем же, что дурное воспитание для обычных людей. Все относительно, естественно. Хорошее воспитание, как и стиль, всегда предполагает следование правилам какого-то определенного круга людей. И упомянутый мной выше журналист задел эстетические вкусы исключительно читателей своей газеты. Причем сделал это, нисколько не сомневаюсь, не нарочно. Забавно, что и плохой писатель, и дурно воспитанный человек редко кого-либо намереваются специально обидеть и к окружающим чаще всего относятся

вполне добродушно. Поэтому все это, разумеется, не стоит путать с сознательным эпатажем, дендизмом и т. п. Мало того, описанная мной выше длящаяся годами попытка скукой вполне способна превратить современного художника в утонченного стилистического садиста, который будет настроен к окружающим его людям далеко не столь благодушно, как они к нему. Ибо на их непосредственную любовь и благожелательность ему, увы, действительно очень трудно ответить чем-либо иным, кроме отвращения и ненависти. Естественно, я сужу по себе самой. А иногда мне даже кажется, что, когда я сажусь за письменный стол, то в руках у меня вовсе не перо, шариковая ручка или «клавиатура», а настоящий скальпель, которым я сейчас начну резать по живому, дабы вырывать кишки и другие ценные органы у надоедливых жалких людишек, которые случайно или же из-за глупого любопытства когда-нибудь решат открыть мои книги.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА ТАК КОГДА-ТО ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА

От «Слова о полку Игореве» пахнет нафталином; какой-нибудь Тредиаковский уже тоже нуждается в переводе на современный язык; Карамзин, романтизм, народники, Гаршин, даже Чехов и Достоевский – все становится архаикой. Однако устаревают не только произведения и их авторы, но и целые жанры. Современный поэт, дабы не казаться смешным, вынужден сам постоянно шутить и посмеиваться над собой. Ирония – едва ли не главный симптом кризиса жанра. Но нет, вероятно, ничего более замшелого и вышедшего из употребления, чем искусство произносить лаконичные глубокомысленные сентенции, вбирающие в себя полноту жизненного опыта говорящего. Даже не верится, что именно так когда-то говорил Заратустра. Тем не менее наступает момент, когда можно достать из шкафа покрытый вековой пылью предмет прабабушкиного гардероба, ибо он настолько устарел, что его формы уже не говорят окружающим ровным счетом ничего. Вот и я не вижу больше никакого смысла стыдиться своего умственного превосходства над остальными и отказывать себе в удовольствии облекать мысли в афористическую форму – никто все равно ничего не заметит.

Если в споре вам не хватает аргументов, не бойтесь ссылаться на авторитеты из далекого прошлого. Говорить можно все, что угодно, так как покойники не способны опровергнуть фраз, которых они не произносили. Например: «Никогда не лжет только тот, кто лжет самому себе». (Оскар Уайльд). Или же: «Не стесняйся признаться вслух, что ты кого-то не знаешь, тебя ведь тоже знают далеко не все» (Бернард Шоу); «Утонченность, не отягощенная эстетизмом, чаще всего свидетельствует о врожденной подлости» (Монтень); «В то время как самые умные извлекают максимальную выгоду из своей глупости, дураки становятся жертвами собственного ума» (Уинстон Черчилль); «Политиков, которые постоянно не твердили бы о своем глубоком интересе к литературе, можно встретить столь же редко, и даже гораздо реже, чем писателей, которые не заявляли бы о своем полном безразличии к политике. Однако я ни разу не встретил ни одного конгрессмена, который удосужился бы за всю свою жизнь прочесть больше десяти книг, или же литератора, не знавшего поименно практически всех членов сената и правительства» (Марк Твен).

Одним из неприятных следствий прогресса является то, что раньше было умирать только страшно, а теперь еще и обидно. Так и не узнав, каким будет новое поколение компьютеров и мобильных телефонов... Поэтому надо побольше путешествовать в страны с развитой экономикой, и тогда более молодые соотечественники не будут вызывать у тебя никакой зависти, ибо их будущее станет твоим прошлым.

Женщины вынуждены краситься, напяливать на себя украшения, наряды, делать прически, да еще, ко всему прочему, месяцами сидеть на диете, отказывая себе буквально во всем, – и все для того, чтобы быть красивыми и нравиться мужчинам. А мужчинам все по фигуре, особенно тем, у кого есть бабки: можно быть жирным как свинья, жрать, пить, даже не мыться и ходить в расстегнутых штанах. Не является ли подобное служение красоте со стороны женщин знаком их рабской порабощенности мужчинами, которым на эту красоту глубоко плевать?! Так и в искусстве. Одни могут себе позволить не особенно заботиться о форме своих произведений и мнении окружающих, а другие вынуждены постоянно стремиться к совершенству, только чтобы заслужить одобрение читателей и похвалу критиков. Тогда стоит ли удивляться, что в произведениях самых успешных современных писателей и художников трудно обнаружить даже малейший намек на красоту! Как ни печально это осознавать, но эстетизм в наши дни все больше превращается в своеобразную религию слабых, наподобие христианства и прочих архаичных верований.

Большинство людей как разгонят с детства, так они и «мчатся» до конца дней, можно сказать, по инерции. Причем эта инертность мышления больше всего сказывается на письме. Когда человек говорит, у него хотя бы иногда проскальзывают «живые» интонации, и обычно совершенно случайно. А в письме как раз все наоборот: многие из всех сил стараются, стремятся высказать что-то остроумное, почерпнутое из собственной жизни, а не из школьной программы и книг, но, увы... В этом отношении писатели мне всегда больше всего напоминали автомобили, а точнее, тех, кого в них посадили, пусть даже за руль. Мало кому удастся затормозить и тем более свернуть с проторенной дороги.

Не знаю чем это обусловлено, возможно, грядущим вступлением России в ВТО, но культура у нас сейчас все больше напоминает компьютерную программу, которую каждый норовит побыстрее загрузить себе в мозг. Многие даже не понимают зачем, но раз уж так принято... И естественно, на халяву! Вот все и ищут какой-нибудь пароль или код, который сделает их временную «демонстрационную версию» настоящей и принадлежащей им по праву. А в Европе, где большинство стран уже давно в ВТО, население и вовсе просто офигевает. Помню, в Париже я встретила какую-то странную писательницу, точнее, не странную, а похожую на обывательскую дуру. А она как будто почувствовала мои сомнения в том, что у нее в голове все в порядке и правильно загружено, и вдруг завела беседу про Селина. Я даже опешила, так как не ожидала, что он ей может быть вообще известен и тем более хоть с какой-то стороны интересен. Однако она тут же заявила, что у Селина ей очень нравится «Путешествие на край ночи», а все остальное гораздо слабее. И тут все сразу встало на свои места! Поскольку этот «пароль» про «Путешествие», которым так часто пользуются французские обыватели, дабы продемонстрировать свою посвященность, уже давно не работает.

Самое смешное, что далеко не только в большой политике максимального успеха достигает тот, кто говорит окружающим нечто приятное, пусть даже эти слова ведут в никуда. С той лишь разницей, что в политике это называется «популизмом», а в литературе, философии и религии – «миром мудрых мыслей» или даже «мудростью веков», поскольку абсолютно пустые и бессмысленные фразы, действительно, способны прокручиваться в человеческих мозгах в течение нескольких столетий, а то и тысячелетий. Ибо люди редко задумываются над смыслом произносимых фраз и готовы повторять любые глупости, лишь бы в них было нечто приятное для уха и утешающее. «В человеке все должно быть прекрасно», даже, если не ошибаюсь, «лицо и одежда»; «красота спасет мир»; «птицы небесные не сеют, не жнут и сыты бывают»; «широк человек» и «звучит гордо»; «живи сегодняшним днем»; «возлюби ближнего своего»; «кто не работает, тот не ест»; «рукописи не горят» и т. д. и т. п. Однако и в этом море бессмыслицы попадаются настоящие жемчужины, переливающиеся каким-то особым блеском, вглядываясь в которые можно постичь всю глубину человеческой доверчивости. Из перечисленных мною к таким перлам я бы, пожалуй, отнесла слова про красоту, которая «спасет мир» и, особенно, про рукописи, которые «не горят».

Удивительно, как часто критики и читатели любят называть прочитанное ими «пошлостью и глупостью». А все потому, что большинство из них не задумываются над смыслом произносимых слов по причине все той же инертности мышления. Получается, если человек дурак, то он непременно должен сочинять нечто пошлое. Нет бы слегка «притормозить» и вглядеться, как все обстоит на самом деле.

Лично я никогда бы не поставила два этих слова рядом, ибо, по моим наблюдениям, пошлость является неизменной спутницей ума. У писателей тем более! Ум для писателя - это «каинова печать» или же что-то вроде врожденного уродства, от которого ему уже никогда не избавиться. Ко всему прочему, этого дефекта у себя никто как будто не замечает. И в результате обилие умной, но бесконечно пошлой писанины вокруг начинает по-настоящему пугать!

В Средние века большинству обитателей Земли во сне или же в видениях обычно являлись ангелы и черти, а сегодня в состоянии глубокого алкогольного опьянения или во время приступа белой горячки люди чаще всего бросаются с балкона, преследуемые инопланетянами и ультрасовременными по дизайну летающими тарелками. Черти теперь уже практически никому не видятся. Странно все-таки, что потусторонний мир так зависит от достижений технического прогресса. Или же инопланетяне добрались до Земли только сейчас?

Большинство людей делятся на футуристов и пассаистов. Себя я бы, пожалуй, отнесла к пассаистам, поскольку прошлое меня всегда притягивало сильнее будущего, по крайней мере эстетически. И, вероятно, я в этом отношении не одинока. Еще бы! Там, в далеком прошлом, остались все эти красочные наряды, маскарады, балы, кареты, запряженные в

упряжки великолепные кони... И все бы ничего, если бы ни несколько просмотренных за последнее время мексиканских фильмов – не сериалов, а авторских, то есть отснятых в реалистической манере. Боже мой! Что за жуткие уроды обитают в этой стране! А ведь именно они, если не ошибаюсь, являются прямыми потомками древних ацтеков. Квадратные приземистые туловища на коротких кривых ножках и с головами, растущими прямо из плеч, как у мужчин, так и у женщин. Низкие лбы, маленькие хитрые злобные глазки плюс непропорционально тяжелые отвисшие челюсти и какие-то черные жесткие космы на голове вместо нормальных волос. В общем, полный букет! Даже смешение с испанскими конкистадорами их ни капли не облагородило. Созерцание этих жутиков, представляющих одну из самых загадочных древних цивилизаций, по поводу крушения которой под натиском прогресса размазано столько соплей, невольно заставляет меня переосмыслить свои взгляды на ход человеческой истории и с чуть большим оптимизмом смотреть в будущее.

И не передать, сколько раз мне приходилось слышать: «Ах, эти газеты, журналисты, журналистика...», - причем в основном от личностей, в той или иной мере причастных к литературе. Так послушаешь, и получается, что нет занятия более вредного для человека, претендующего на звание «инженера человеческих душ» или «глубокого мыслителя». А по-моему, должность профессора, например, способна нанести писателю, а тем более мыслителю, куда больший урон, причем по-настоящему непоправимый. Преподаватель ведь должен все время излагать уже готовые схемы и штампы, дабы донести до своих учеников, как все когда-то было, или даже точнее, как принято считать, что было. В этом заключается главный смысл его профессии. И как потом ему от привычки прокручивать все эти бесконечно «заезженные пластинки» избавиться? Откуда у него возьмется способность мыслить самостоятельно? Человек и без того слаб, и большинству не то, что преподавания, а простого пребывания в школе или ВУЗе достаточно, чтобы окончательно разучиться думать. Ну а журналистика, наоборот, может быть очень полезна, хотя бы как вливание варварской крови в замкнувшуюся в себе и утратившую способность к развитию культуру.

Не перестаю удивляться, насколько некоторые люди лишены того, что принято называть «чувством дистанции». Если такой индивидуум садится с тобой за один стол, то он совершенно искренне убежден, что его отделяет от тебя каких-то полтора-два метра. И все! А между тем при всем моем недоверии к тому, что невозможно увидеть глазом и потрогать рукой, именно скрытые от зрения пропорции и расстояния всегда казались мне не просто гораздо более важными, но и более реальными, чем видимые. Конечно, тут есть определенная сложность, и нужно быть достаточно внимательным. Ибо человеческая жизнь, действительно, чем-то напоминает бег на длинную дистанцию, причем бежать всем приходится на одном стадионе и кругами. Отчего порой может показаться, что кто-то не то, чтобы сильно отстал, но даже кого-то обгоняет, хотя на самом деле между ними столько кругов. И в результате одним вдруг начинает надоедать постмодернизм в тот самый момент, когда других уже от критики постмодернизма тошнит. Смешно, но нечто подобное в жизни постоянно происходит. А тут еще появляются случайные зрители и начинают аплодировать, естественно, совсем не тому... Короче, кошмар!

Есть вопросы, на которые практически невозможно найти ответ. Кажется, математики в подобных случаях вынуждены довольствоваться аксиомами, а физики – гипотезами. Я, в частности, никогда не могла понять, почему мужчины так не любят красивых женщин. Естественно, я говорю о гетеросексуалах, так как мужчин с гомосексуальными наклонностями как раз трудно заподозрить в чем-либо подобном. Последнее обстоятельство, вероятно, способно приблизить нас к разгадке этого парадоксального явления: главное не терять нить рассуждений. Красота – едва ли не последнее напоминание людям, что они являются частью природы, а не только социума, где всячески насаждается выдуманная ими мораль. В животном мире ведь нет никакой морали! Так вот. Любое существо, наделенное эстетической привлекательностью, неизбежно вызывает подозрение в посягательстве на общественные устои, хотя в данном случае речь вроде бы и идет о случайно полученной от рождения внешности, а не сознательно созданных произведениях искусства, но все равно. Естественно, что наиболее недоверчиво к этим аномальным отклонениям относятся те особи, которые привыкли считать себя абсолютно нормальными, то есть максимально вписанными в социум. Стоит ли уточнять, кто в наши дни мнит себя таким эталоном нормальности! Что касается гомосексуалистов, то они находятся в постоянном конфликте с обществом и в этом отношении несколько ближе к природе, чем остальные. Это и делает их реакцию на красоту, в том числе и женскую, не такой болезненной, как у большинства мужчин. Гомосексуалисты красивым женщинам, по крайней мере, хотя бы немного сочувствуют.

Известно, что юный Блок, когда решил опубликовать свою книгу «Стихи к Прекрасной Даме», вынужден был временно заменить все заглавные буквы в словах «Она», «Ты», «Дама» и т. п. на строчные. Прделав такой фокус, ему удалось обойти церковную цензуру, поскольку книга сразу же превращалась в набор ничем особенно не примечательных юношеских стихов о любви. А когда книга вышла из печати, то все заглавные буквы в ней снова оказались на своих местах, и в результате она имела достаточно большой успех среди определенной части наиболее экзальтированных и мистически настроенных читателей тех лет. При этом Блок абсолютно ничем не рисковал, так как в тогдашних законах о подобных манипуляциях с буквами в рукописях, отданных на просмотр цензору, вообще ничего не говорилось.

Эта поучительная история невольно заставляет меня задуматься над тем, что стало бы с Библией, если хотя бы мысленно попытаться убрать в ней все заглавные буквы из тех мест, где их по существующим орфографическим нормам быть не должно, то есть из всех слов в середине и конце предложения, включая «Слово», которое якобы было в самом начале. В какой утомительный набор банальностей и исполненных ложного пафоса поучений сразу же превращается эта «книга книг»! Особенно, конечно, Новый Завет! «Вот придет Хозяин и накажет нерадивых виноградарей за то, что те недобросовестно на него трудились...» Ага, щас-с! Выражаясь современным языком, это называется «брать на понт». И ведь ничего больше, кроме этого фокуса с буквами, там нет!

Наткнулась случайно на интервью одного современного философа, где он делится воспоминаниями о своей учебе на философском факультете, а в заключение вдруг предлагает закрыть все философские факультеты вообще. Бравший интервью журналист даже вынес это предложение в подзаголовок, видимо, желая привлечь побольше читателей. Впрочем, у журналистов своя логика, и чем он руководствовался в данном случае я, пожалуй, утверждать не стану. Не исключено, что он расценил это как крик души истосковавшегося по чему-то несбыточному человека и проникся к своему собеседнику

искренним сочувствием, а тот, наоборот, сделал это заявление, просто чтобы привлечь к себе внимание публики. Такое тоже исключить нельзя.

Как бы то ни было, но если отвлечься от конкретных личностей и мотивов их поведения, то я это предложение не то, чтобы целиком и полностью разделяю и поддерживаю, но, кажется, очень хорошо понимаю. И особенно то, что оно исходит из уст философа.

Действительно, закончить философский факультет и всю жизнь заниматься философией – что может быть ужаснее! Если бы я закончила Литинститут, то тоже, вероятно, при каждом удобном случае требовала бы его немедленного закрытия, дабы замести следы и избавиться от своего прошлого хотя бы таким образом, раз уж нельзя это прошлое изменить. И это далеко не смешно. Поскольку культура безо всех этих бесконечных вторжений со стороны, когда за перо или кисть вдруг берутся врачи, моряки, военные, шахтеры, партийные деятели, спортсмены, бизнесмены, их жены или даже воры и убийцы, была бы бесконечно скучна. Примерно то же самое можно сказать и о политике. С эстетической точки зрения в политике интересно наблюдать только то, что в нее привносят бывшие крестьяне, рабочие, генералы или те же представители спецслужб, а еще точнее то, что почти всегда находится в противоречии с их сознательными человеческими устремлениями, и поэтому невольно приоткрывает перед многочисленными зрителями завесу, закрывавшую подлинный смысл тех или иных областей и сфер деятельности, о котором раньше все могли только приблизительно догадываться. В конечном счете, именно это я и называю стилем. Есть такая утопическая мечта – создать некое идеальное учебное заведение, которое готовило бы менеджеров высшего звена, включая депутатов, мэров и президентов. Эта идея многим кажется очень перспективной и полезной. Более того, такие учреждения уже существуют, однако его выпускники вряд ли когда-нибудь станут депутатами и тем более президентами, разве что пополнят ряды сотрудников их «аппаратов». А почему? Да потому что они никому не интересны! И это в политике, где прагматика вроде бы должна перевешивать эстетику! А кому может быть интересен выпускник Литинститута? О чем он может поведать своим читателям? О чувствах, погоде, ну, может быть, еще о своих собутыльниках. Однако вся эта информация и так всем хорошо известна, и даже облаченная в форму гладких и тщательно срифмованных стихов никому не нужна. Зато его трогательная старательность и любовь к литературе невольно выдает в нем выпускника Литинститута. И вот это, безусловно, забавно. А что еще способен он принести в литературу, кроме такой любви? С философией, конечно, дело обстоит несколько запутаннее, но суть та же. У человека, закончившего философский факультет, очень мало шансов заинтересовать окружающих своими мыслями.

Совсем не выпалась сегодня. А все потому, что где-то около десяти утра в дверь раздался звонок. Открываю, а на пороге стоит какая-то жирная баба со свиным рылом и заплаканными глазами. Сначала я подумала, что это мне бандероль с почты принесли, но она вдруг ни с того ни с сего стала спрашивать меня о моем отношении к религии и богу. Причем говорила она на редкость визгливым и противным голосом, да еще с колхозным проносом. В конце концов, я не выдержала и просто молча захлопнула дверь, а про себя подумала: «Вот сейчас еще раз позвонит, возьму утюг и дам ей по башке. И пусть меня потом судят и отправят в женскую колонию!» Но, к счастью для нее, та больше не позвонила. Нет, серьезно, у меня уже книг до фига вышло, я член всех союзов, даже орден теперь есть, но мне бы и в голову никогда не могло прийти, что можно вот так просто взять и позвонить в дверь совершенно незнакомого человека и начать его «просвещать». Это какой непомерной наглостью надо обладать! Да я бы к самому последнему бомжу на Сенной не решилась подойти с подобной целью. А какая-то

деревенская жирная дура совершенно спокойно меня будит, поднимает с постели и все только для того, чтобы поделиться со мной своей мудростью и глубоким жизненным опытом. Нет, если бы это был рекламный агент или даже агитатор «Единой России» - это еще можно понять: им хотя бы бабки за проделанную работу платят. А таких, как эта баба, я не просто не понимаю, а даже не знаю... сжигала бы на костре, живи мы во времена Инквизиции. И только увидев, как она корчится в огне, получила бы, вероятно, окончательное удовлетворение и успокоилась.

«В комнату вошел Пушкин. Боже, какой урод!» Эта фраза, некогда случайно обнаруженная мной в скромном дневничке светской барышни начала девятнадцатого столетия, наглядно показывает, насколько неуловимой и мимолетной является истина. Самое главное - не упустить момент: промелькнет и потонет в потоке демагогии. Ищи потом иголку на дне этой бурной реки.

Уже давно заметила, что те, кто больше других возмущаются Дантесом, обычно склонны размазывать сопли по поводу судьбы несчастного Мартынова. Какие-то двойные стандарты, получается. Я, например, люблю Дантеса, а Мартынова – нет. Это-то как раз понятно.

Никогда не понимала тех, кто в разговоре и тем более в письменной речи вдруг вставляет дебильное «мы». Это, естественно, не касается царственных особ и авторов научных статей, которые просто обязаны соблюдать определенные правила. Ну а так вот взять и ляпнуть: «мы все живем в такое время...» или же «мы ведь с вами понимаем...» - это, по-моему, все равно что схватить человека за локоть и, дыша ему прямо в лицо, заглянуть в глаза. Между тем некоторые личности явно ловят от этого панибратского жеста кайф. Что, безусловно, является еще одним доказательством сходства плохого стиля с дурными манерами.

В этом, собственно, и заключается главное отличие истинного денди не только от посредственных писателей и дурно воспитанных людей, но и от так называемых гениев. Если уж он берется за перо, то никогда не употребит банального интеллигентского «мы», а выразит свою мысль примерно так:

Чем меньше женщину они любят,
Тем легче нравятся они ей.

Ибо так, и только так, можно до конца продемонстрировать свое презрение к житейской мудрости всех этих недоумков, постигших очередной секрет Полишинеля: в данном случае, как нужно нравиться женщинам. Почувствуйте разницу, так сказать!

Все сильнее проникаюсь мыслью, что извращением стоит называть только то, что на самом деле таковым является. Все же остальное, что извращением не является, так называть не стоит.

Некоторые люди не живут, а постоянно кривляются. И, судя по всему, этого абсолютно не замечают. Совсем как в одном современном российском фильме, герой которого во время Великой Отечественной по трусости, или там минутной слабости, подчинившись приказу немцев, стреляет в товарища по оружию, а потом всю жизнь гримасничает, всячески извращается и достает своих знакомых, - вместо того чтобы просто это прошлое забыть и жить себе спокойно дальше в свое удовольствие, раз уж ему так повезло и его нехорошего поступка никто из начальства не видел. И все потому, что он прочитал в одной очень умной книге, как должен вести себя настоящий юридивый, дабы после смерти попасть в так называемый рай.

Насчет рая не знаю, но стать ходячей иллюстрацией схоластической выкладки, превратив свою жизнь в один сплошной перформанс, ему удалось. Все это, возможно, тоже могло бы стать забавной и поучительной темой для современного кино, но, к сожалению, явно не входило в незамысловатый план режиссера, слишком озабоченного получением дивидендов за свой интерес ко всему духовному и нравственному.

Забавно, что православные не только имеют лишний праздник, и даже не один, но еще и после смерти будут в раю. Этот мир несправедлив! И самое печальное, что не только этот, но и тот. В принципе вместо православия можно было бы назвать любую другую религию. Правда, я слышала, что римский папа несколько лет назад все-таки извинился перед Коперником и тем самым окончательно признал, что земной шар круглый и вращается вокруг Солнца. В общем, хоть какая-то совесть у этих людей есть. И это утешает.

Никакой проблемы «положительного героя» не существует. По одной простой причине: ничего положительного в этом мире вообще нет и никогда не будет. Тут и говорить не о чем! Не в меньшей степени это относится и к так называемому хорошему вкусу. Люди с хорошим вкусом ужасны. Ничуть не лучше книг с положительными персонажами. Хороший вкус – это дурной вкус. Обратное, кстати, тоже верно.

Красота, безусловно, спасет мир, зато тяга к симметрии определенно его погубит. Зачем Сологубу после написания «Мелкого беса» потребовалось сочинять такую абсолютно нечитабельную дребедень, как «Творимая легенда»? А Гюисмансу после «Там внизу» непременно надо было все уравновесить аж двумя томами под названиями «В пути» и «Вверху», которые лично я и открывать не стала?

Такое впечатление, что мозг у этих «детей девятнадцатого века» устроен наподобие устаревшего процессора РС. Совершив полезную операцию, ему обязательно надо отработать вхолостую и провести еще ряд абсолютно бессмысленных манипуляций, дабы во всех графах некой скрытой от глаз пользователя таблицы вместо минусов вновь появились плюсики. А ты сиди и жди, ерзая на стуле, когда же наконец можно будет продолжить работу. Давно бы пора модернизировать эту рухлядь!

Тем временем складывается впечатление, что человечество, оттянувшись в прошлом веке на полную катушку, всерьез вознамерилось в веке наступившем заняться именно «исправлением всех минусов на плюсики», то есть воспроизводством чего-то замечательного и исключительно положительного. И все для того, чтобы, ясное дело, уравновесить прошлое. Боюсь, однако, если вспомнить недавнее прошлое, что ста лет на

это явно не хватит. Хорошо еще, что «в эту пору прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе»!

Вспомнила еще одну забавную историю о том, как можно обойти цензуру, временно поменяв местами прописные и строчные буквы, как это сделал в свое время Блок в «Стихах к Прекрасной Даме».

В конце 80-х мне с отцом срочно пришлось отправиться в Шепетовку, где жила моя бабушка, которая тогда сломала себе бедро и нуждалась в уходе. Отец тоже уже был болен и плохо себя чувствовал, все время задыхался от кашля и с трудом вел машину. Добирались чуть ли не целую неделю, так как все время приходилось останавливаться. Но, к счастью, все-таки дотянули. На следующий день я пошла на почту, чтобы отправить домой в Ленинград телеграмму: «*доехали хреново целую*». Знаки препинания и предлоги я не ставила, поскольку каждый знак стоил лишних три копейки. Баба в окошке вытаращила на меня глаза: «Куда-куда? В Хреново?» «Ну да, в Хреново. Куда же еще!» В итоге телеграмма дошла в первоизданном виде.

В основе всего лежит нечто абсолютно простое и банальное. Хочешь овладеть иностранным языком – учи слова. Чтобы научиться печатать, надо просто побольше набирать текстов, а чтобы похудеть – поменьше есть. А разнообразные замысловатые методики созданы исключительно для того, чтобы помочь человеку сделать самый первый шаг, вовлечь его в процесс, как говорится. Ну и отчасти, естественно, чтобы опустить его на бабки. Вот так и вся эта культура с ее гениями и прочими демоническими личностями с годами куда-то незаметно улечивается, и ты остаешься с чем-то предельно простым и неинтересным. Наедине с природой, можно сказать. Культура тоже нужна, только чтобы завлечь.

Девяносто процентов способностей заложено в человека от рождения. Даже такой общепризнанный гений, как Блок, – прежде всего, немец, бережно сохранявший и систематизировавший свои черновики, с едва различимыми чертами индивидуального стиля. На бытовом уровне, думаю, эти индивидуальные особенности и вовсе были незаметны. А что же говорить об остальных?! В этом отношении люди вообще очень мало отличаются от собак, которые тоже уже рождаются охотничьими или сторожевыми. Первые и в городе будут рыть носом асфальт...

кризис гуманизма

Сколько бы ни рассуждали философы о кризисе той или иной идеи, а политики, наоборот, ее ни насаждали, судьба всех идей решается на бытовом уровне. Не стоит забывать, что политикам нужно, чтобы люди на них работали, а философы больше всего озабочены защитой диссертаций. И в результате вся эта путаница обрушивается на головы простых граждан и сбивает их с толку. Даже не представляю, как быть с теми, кто считает себя умнее, чем является в действительности! По-моему, таких сейчас явное большинство. Как с ними разговаривать? Или как вести себя на работе? Хотя вроде бы эта гуманистическая точка зрения, что человек непомерно широк и глубок, сформировалась во

времена рабства, царизма, феодализма, деспотизма и тоталитаризма. Уже сами эпитеты, характеризующие все эти «мрачные эпохи», указывают, что окружающий мир был тогда чересчур «тесен» для человека, - вот и создавалось впечатление, будто человек гораздо «шире», лучше, способнее, умнее, чем ему позволяют условия его существования. Однако в действительности это был не более чем оптический обман, когда индивидуум не мог до конца понять истинных масштабов своей личности, поскольку вынужден был постоянно глядеться в кривое зеркало, в котором все искажалось. Достаточно хотя бы вспомнить советские фильмы. Сегодня уже и не верится, что всего двадцать лет назад вокруг было столько прекрасных актеров, которым порой за всю жизнь так и не довелось сыграть ни одной главной роли, зато в каком-нибудь жалком эпизоде они так блистали, так выкладывались, что невольно думалось: «Покрасить бы его черной краской, дать роль Отелло, вот бы он себя показал!» Без особого преувеличения можно сказать, что так называемые «застойные» времена были эпохой блистательных исполнителей в весьма посредственных и даже откровенно слабых фильмах, поставленных не слишком одаренными режиссерами. И куда подевались сегодня все эти выдающиеся лицедеи? Выродились как класс? Возможно, что кто-то из них и вправду был не лишен способностей и не сумел до конца раскрыться, однако, скорее всего, это не совсем так. Просто кино, как ни один другой вид искусства, как раз и являлось тем самым кривым зеркалом, глядя в которое зритель проникался глубочайшим сочувствием к любому жесту, многозначительно нахмуренным бровям и даже к простому молчанию актера, загнанного волей кинематографического начальства в «тесный» трехминутный эпизод, усматривая в его положении глубокое сходство с собственной судьбой. Вот в этом созвучии судеб маленьких исполнителей, находящихся в постоянном конфликте с начальником-режиссером, и кроется разгадка этой «великой иллюзии». Но, наверное, я не совсем точно выразилась, говоря, что сегодня полностью исчезли выдающиеся актеры. Правильнее все-таки было бы сказать, что в наши дни полностью исчезли плохие фильмы с хорошими актерами. Я, во всяком случае, ни одного такого за последние пятнадцать лет не видела. Чем ужаснее фильм, бездарнее сценарий, тем хуже в нем играют актеры. Никаких следов былого противоречия – полная гармония! Сейчас наступило время корпоративных вечеринок и всеобщего веселья. Каждый что хочет, то и делает. Даже жители сельской местности получили возможность реализоваться через свободное волеизъявление. Поэтому я и считаю, что весь этот гуманизм – иллюзия, доставшаяся современным людям в наследство из тяжелого прошлого. Лично я уже давно никому не сочувствую.

Смерть поэта – это как долго ожидавшийся, но все равно неожиданно вступивший в силу сухой закон. Одни в шоке, а другим - без разницы. Тем, кто и так не пил. Все справедливо: те, кто раньше отказывали себе в удовольствии, теперь заслужили право не волноваться

немного схоластики

По моим наблюдениям, в каждом женском романе или там сериале присутствует так называемый "любовный треугольник": он, она и некто третий. "Третьим" обычно является муж или жена одного из влюбленной пары, которого те достают своей внезапно нахлынувшей страстью, причем не просто достают, а, как правило, наиболее изощренным способом. Например: "Ах, дорогой, ты такой хороший, у нас дети, но я ничего не могу с собой поделать - я люблю другого!" В сериалах этот процесс, ко всему прочему, еще растягивается на множество серий. Ну что тут скажешь? Любовь - вещь не материальная, ее нельзя потрогать руками, и подвергнуть сомнению поэтому тоже крайне сложно. Короче, умом ее не понять, приходится в нее верить.

Раньше я думала, что присутствие такого треугольника в романах определяется законами жанра, которым учат их создателей где-нибудь в Литинституте. Но с годами пришла к выводу, что жанр тут, в общем-то, ни при чем, и подобное распределение ролей предопределено особенностями человеческой психики, главной из которых, конечно же, является желание достать ближнего. Более того, не только в романе, но и в жизни никакая любовь просто невозможна без присутствия где-нибудь поблизости этого третьего, которому можно было бы своим возвышенным чувством основательно досадить. В частности, в юности такая роль часто отводится родителям, и это, можно сказать, еще самый безобидный вариант. Уберите объект тайного садирования, и вся любовь сразу же улетучится. Таким образом, путем несложных логических манипуляций мы вплотную приблизились к разгадке смысла и сущности любви.

Примерно то же самое можно сказать и обо всех мировых религиях. Стоит обратить внимание на то, с какой страстью, упоением, я бы даже сказала, тайным сладострастием, все так называемые истинно верующие неизменно обличают варваров, язычников, неверных, отступников, распинателей Бога и прочих аморальных извращенцев. Обычные добрые дела, помощь бедным и несчастным вдохновляют их куда меньше. Хотя именно те, вроде бы, и являются главным объектом их внимания. А если вдруг попробовать разрушить этот "религиозный треугольник" и убрать из него "третьего", на которого направлен гнев верующих, то их религиозный пыл, скорее всего, совсем угаснет, а все эти несчастные и убогие существа и вовсе перестанут кого-либо интересовать. Ничего удивительного. Религиозные теоретики и сами признают, что Бог - это и есть Любовь.

Телевизор на даче, как книга в туалете – неиссякаемый кладезь мудрости. Известный артист в рекламном анонсе навязчиво сочувствует тем, у кого мало друзей. Между тем с людьми, как с едой: больше всего вокруг такой, которую есть практически невозможно, даже если очень голоден. Я знала нескольких человек, окруженных толпой знакомых, и все они отличались воистину чудовищной всеядностью. Чудес ведь не бывает. Тогда зачем публично признаваться в том, что ты готов есть дерьмо? Несчастный человек, короче. Я ему сочувствую.

В электричке какой-то крошечный хачик, почти карлик, просил денег на лечение своего ребенка, которого положили в больницу с диагнозом "сосудистая гемангиома". Точнее, не просил, а орал истошным голосом, правда, когда дошел до названия болезни, то вынужден был несколько сбавить обороты и зачитать его с бумажки по слогам. Однако, насколько я знаю, сосудистая гемангиома - это всего лишь родимое пятно больших размеров, и в больницу с ним не кладут. Так что меня его просьба не особенно взволновала. Хотя в том, как он читал это сложное слово, и было что-то трогательное. Все равно ведь понятно, что человеку нужны деньги, а на что - не так уж и важно.

Современные поэты тоже часто употребляют неизвестные широким массам слова, смысл которых им самим, возможно, не до конца ясен. И с аналогичной целью, скорее всего. А может, у кого-нибудь из них, действительно, есть больные дети. Никто ведь этого точно не знает.

о литературе

Помню, где-то год назад я принимала участие в пресс-конференции, в ходе которой несколько писателей, включая меня, должны были отвечать на вопросы журналистов, главным образом, о книгах. Пресс-конференция проходила в Доме Книги на Невском и была организована журналом «TimeOut». В частности, мне тогда задали следующий вопрос: «Писатель П. сказал, что в современной русской литературе недостаточно развит жанр эпоса, а какой жанр, по-вашему, сейчас нуждается в наибольшем развитии?» Я, естественно, ответила, что давно уже почти ничего не читаю по-русски, поэтому, возможно, не в курсе каких-то проблем. Однако меня очень удивляет, что в России, причем не только в литературе, но и в кино, совершенно не развит такой жанр, как триллер. Вот это меня волнует и огорчает больше всего. И действительно, как ни возьмешься смотреть отечественный триллер, так обязательно наткнешься на какое-нибудь фуфло. И так уже длится много-много лет. Вот буквально пару дней назад посмотрела "Домовой": Маковецкий, в принципе, не так плох, и вообще, присутствуют какие-то проблески, но не более. Так что этот жанр у нас по-прежнему нуждается в серьезном развитии, хотя лично я уже почти отчаялась и не верю, что такое развитие когда-либо произойдет.

А на той пресс-конференции меня почему-то так и не спросили о причинах, которые привели этот жанр в упадок. И очень жаль! Большинство писателей, как известно, приходят в этот мир вовсе не для того, чтобы отвечать на вопросы, а исключительно, чтобы их ставить. Но я не из их числа. Вот и на этот вопрос у меня имеется вполне конкретный ответ. Этот замечательный жанр пришел в упадок потому, что у русских сейчас серьезные проблемы с духовностью. Так что самого главного до представителей СМИ мне тогда так и не удалось донести.

В метро перед Новым годом, похоже, приступили к активной рекламе добра. На одном плакате - Лев Толстой с надписью "Чтобы делать добро, надо начать его делать!" Возможно, я что-то путаю, но суть точно такая. Это я заметила пока ехала на эскалаторе. А по всем вагонам развешан Мамин-Сибиряк, под которым написано: "Главное в человеке - это доброе сердце." У Сибиряка блаженный взгляд, как у классического алкоголика, - не хватает только бутылочки, которая, на самом деле, только и могла бы оправдать умильное выражение его лица. У меня даже появилось желание его сфотографировать, однако телефон в самый неподходящий момент завис. Дело в том, что я вообще очень люблю добро во всех его проявлениях, но иногда просто как-то не решаюсь в этом признаться. Ну, ничего. Надеюсь, этот светлый образ сохранится в моей памяти, поскольку теперь я даже не знаю, когда в следующий раз воспользуюсь услугами метро.

я мыслю, но это еще ничего не значит

Оттого, что тем, кто действует и добивается в жизни успеха, чаще всего бывает просто некогда думать, человечество вынуждено довольствоваться плодами размышлений всевозможных отщепенцев и аутсайдеров, у которых как раз достаточно времени не только на поиски смысла жизни, но и на подробное изложение итогов этого поиска на бумаге. Таким образом, люди либо живут, не думая, либо думают, но не живут, а настоящая правда о жизни постоянно от них ускользает.

В наши дни, к счастью, маргиналы и прочие мастера пера все чаще привлекаются известными людьми для написания книг в качестве так называемых «литературных негров». Результатом появления подобных творческих союзов стало то, что человечество за последние годы значительно приблизилось к постижению конечной истины бытия. В принципе для многих она уже и сейчас достаточно очевидна, а остальным – из-за того, что истина оказалась совершенно не такой, как ее представляли ранее, - видимо, потребуется еще какое-то время, чтобы к ней привыкнуть.

И еще это цепляние за жизнь - вот это меня тоже ужасно отталкивает в религии. Тут не знаешь, чем заполнить оставшиеся дни, и так уже все основательно достало, а тебе предлагают растянуть удовольствие на целую вечность. Конечно, такого никогда не будет, но даже думать об этом как-то не очень приятно. Ведь и мечты - тоже часть жизни и способны основательно испортить настроение. Представишь себе, что в награду за свою праведную жизнь будешь постоянно созерцать рожи всех этих положительных персонажей, и сразу же пропадет всякое желание вешаться или там топиться. Лучше уж немного продлить свое временное существование, где хотя бы можно спрятаться от них в своей уютной квартирке.

немного статистики

Всякий раз, приезжая в Париж и включая там телевизор, я невольно ловлю себя на мысли, что идеи практически всех шоу отечественного ТВ вовсе не придуманы их создателями, а позаимствованы у западных каналов, в том числе и французских. А это значит, что на телевидении у нас работают вовсе не дураки, как многие почему-то считают, а профессионалы. Ясно ведь, что непосредственное озарение по поводу какого-нибудь «Поля чудес» могло прийти в голову только уж совсем клиническому идиоту. Тогда как в заимствовании всегда присутствует холодный расчет, основанный на анализе результатов чужого эксперимента, сопоставлении рейтингов и прогнозировании возможных последствий предпринимаемых тобой действий. С этой точки зрения было бы полезно провести какое-нибудь масштабное социологическое исследование с целью определить страну, являющуюся основным поставщиком оригинальных идей такого рода. Кроме того, результаты подобного исследования, представленные в виде статистических выборок, думаю, способны были дать достаточно объективную картину процентного соотношения количества умственно отсталых субъектов к общему числу граждан, населяющих страны мира. Область такого анализа, впрочем, вовсе не обязательно должна быть ограничена сферой так называемого массового сознания, поскольку гении по своему стилю мышления практически ничем не отличаются от остальных личностей, наделенных способностью порождать разного рода оригинальные идеи, но их присутствие в общей массе дураков обычно бывает настолько незначительным, что вряд ли выходит за пределы однопроцентной среднестатистической погрешности, и поэтому не в состоянии существенно повлиять на конечный результат.

Безусловно, до появления результатов таких исследований говорить о каких-либо объективных выводах преждевременно. Однако уже сейчас с большой долей уверенности можно предположить, что эти результаты способны оказаться достаточно оптимистичными и лестными для России: по уровню развития интеллекта ее население, скорее всего, значительно превосходит население стран Западной Европы и Америки. На это косвенно указывает хотя бы тот факт, что более-менее оригинальным и самобытным жанром в отечественном искусстве сегодня можно признать разве что русский шансон.

творчество масс

В последнее время все больше прихожу к выводу, что до сих пор глубоко заблуждалась насчет многомиллионной армии читателей и зрителей, отводя им слишком пассивную роль, тогда как, на самом деле, они являются важной составляющей творческого процесса. Правда, коммунисты тоже ошибались, сгоняя народ на парады и демонстрации, - настоящее творчество масс стало возможно только во времена свободы самовыражения. Волны читательского или же зрительского гнева омывают вновь созданные произведения, как бы шлифуя их и придавая им окончательную форму. В итоге те обретают воистину монументальную выразительность.

Как стороннице точных методов в гуманитарных науках, мне было бы даже интересно подсчитать, сколько нападок должно быть совершено на какого-нибудь автора или же произведение, чтобы те наконец приблизились к совершенству, очистившись от всего лишнего. Наверняка должна существовать какая-то точная цифра. А в эпоху интернета, мне кажется, подобное исследование и вовсе не должно составить большого труда, так как в сети все суждения и оценки вообще можно без особых проблем систематизировать. Тем не менее пока приходится полагаться исключительно на собственную интуицию.

Так вот, по моим наблюдениям, на данный момент абсолютно полного совершенства достиг, например, Петросян, в то время как его коллеге по писательскому цеху Гришковцу еще надо работать и работать. Нет, не так! Точнее было бы сказать: петросян уже достиг совершенства, а над гришковцом еще надо работать и работать. Эти имена, вероятно, правильнее было бы писать с маленькой буквы, поскольку в данном случае речь идет не столько о творцах, сколько об объектах творчества масс. Впрочем, во избежание разночтений можно придерживаться и традиционного написания.

В один ряд с Петросяном я бы сейчас, пожалуй, поставила разве что Гегеля, Маркса, Леонардо де Винчи, Гомера и, возможно, еще Канта. А вот насчет Хайдеггера, Деррида, Фуко, Лакана, Эко, Генри Миллера и, тем более, Жижека (надеюсь, я все правильно написала) у меня есть сильные сомнения. Большинству из них до Петросяна еще, как до Луны пешком.

о языке

Не раз приходилось слышать, как актеры и представители других публичных профессий говорят, что во время своих выступлений они выбирают какого-нибудь одного из сидящих в зале и потом уже стараются обращаться только к нему. Это, якобы, помогает им сосредоточиться. Не знаю, субъективно, может быть, и так. Но объективно театр, как и классическая музыка например, держатся исключительно на коллективной солидарности зрителей, которым в подавляющем большинстве случаев просто неудобно друг перед другом слишком громко зевать и кашлять, иначе бы эти виды искусства давно уже прекратили свое существование. Поэтому, если стоящий на сцене человек и обращается мысленно к кому-то одному, то это все равно не более чем иллюзия, ибо в действительности он находится перед достаточно многочисленной группой людей.

Кроме того, это только кажется, что толпа состоит из отдельных личностей. Реально каждый индивидуум где-то процентов на восемьдесят является частью толпы, даже если находится вдали от людей. Что приблизительно соответствует процентному содержанию в человеческом организме воды – это простое мнемоническое правило позволяет мне всегда об этом помнить. Поэтому - с кем бы вы ни общались - лучше не отвлекаться на мелочи и обращаться исключительно к толпе. Тогда, возможно, вас услышат.

Я, даже разговаривая со своими знакомыми и родственниками, иногда мысленно представляю себя Лениным на балконе или же Геббельсом на ступеньках Рейхстага. А Сталин, обращаясь к массам, умел еще и очень выразительно молчать. Его пример тоже может быть полезен.

Все это, правда, совершенно не подходит для письма. Письмо, обращенное кем-либо не то что к толпе, а просто к любому другому субъекту, кроме самого себя, сразу же перестает быть таковым и превращается в разговор. В эпоху интернета, кстати, стало окончательно ясно, что наблюдавшиеся на протяжении последних нескольких веков попытки оживить литературный язык, приблизив его к устной речи, к настоящему моменту утратили всякий смысл. Отныне, общаясь во всевозможных блогах и форумах, массы сами добиваются более-менее полной идентичности подобного рода, даже не ставя перед собой каких-либо дополнительных эстетических сверхзадач. Просто большинству людей очень хочется говорить друг с другом, в том числе и на расстоянии, то есть при помощи письменных знаков, поэтому традиционные формы слов их не устраивают и они их постоянно коверкают и видоизменяют, добиваясь эффекта максимальной достоверности и искренности. Таким образом, у человека возникает ощущение, будто его кто-то понимает, и эта мысль его утешает и поддерживает в минуты усталости от однообразного труда или внезапно нахлынувшей депрессии после тяжелого похмелья.

Исходя из того, что в наши дни письменная речь где-то процентов на восемьдесят – я предпочитаю придерживаться уже обозначенных тут мной пропорций – стала абсолютно тождественна устной, сегодня не составляет большого труда предсказать и перспективы дальнейшего развития литературного языка. Я думаю, что этот язык будет становиться все более правильным, сухим, витиеватым, герметичным и поэтому глубоко чуждым и непонятным большинству людей. Как индивидууму, обращающемуся исключительно к самому себе, писателю совершенно не обязательно, чтобы в его книгах присутствовали какие-то чрезмерно живые и доверительные интонации, ибо он и так все о себе знает и не нуждается в дополнительных подтверждениях подлинности написанного им самим. Наоборот, используемый им язык должен быть таким, чтобы его никто не смог заподозрить в чрезмерной искренности и прочих банальных чувствах, способных свидетельствовать о том, что автор разделяет со своими читателями иллюзию взаимопонимания, то есть, по сути, ничем от них не отличается. Главной целью литературы всегда было возвышение одного человека над толпой. И язык является важным средством для ее достижения, которым никогда не стоит пренебрегать.

Стиль – давно уже не человек, а профессия. Это и составляет главную проблему современных писателей, для которых наличие своего индивидуального стиля всегда было чуть ли не главным условием их профпригодности.

Некоторые говорят: «Все люди одинаковы»,- и подразумевают при этом, что все вокруг ужасно завистливы, думают только о бабках, выслуживаются перед начальством, стараются всячески нагадить ближним и т. д. и т. п. Другие, наоборот, считают, что все люди разные: одни бывают скромными, другие - гордыми, третьи очень щедры, а вот некоторые за копейку удавятся. Но это не совсем так. Различие между людьми носит куда более тонкий, я бы сказала, стилистический характер. Каждый человек отмечен каким-то своим неповторимым безумием, задвигом или отклонением. В этом смысле люди даже чем-то похожи на птиц: есть воробьи, есть синицы, галки, чайки, голуби, но стоит только

кому-нибудь бросить на землю горсть хлебных крошек, как все они в едином порыве, *отринув отличия*, слетаются к этому месту.

еще о литературе

В связи с наступившим годом заплатила все членские взносы и с ужасом обнаружила, что общая сумма приблизилась к трем тысячам. Это ж надо! И главное, за что? За удовольствие раз в год видеть эти рожи? Ну, разве что Союз кинематографистов позволяет мне бесплатно ходить в кино, а так... Нет, собрания "творческих союзов" я, естественно, не посещаю, но взносы-то все равно надо кому-то отдавать. А для этого необходимо куда-то идти, подниматься по лестницам, то есть совершать множество лишних движений, которые, ко всему прочему, далеко не всегда оказываются полезными для здоровья, особенно психического.

Самая гнетущая атмосфера царит почему-то в Доме журналистов - не знаю даже, чем это объяснить, видимо, специфика профессии накладывает отпечаток. В принципе я не верю в воздействие потусторонних сил, включая и так называемую эманацию стен, но там на стенах висит достаточное количество фотографий и портретов, чтобы и такого коллекционера триллеров и серийных убийц, как я, повергнуть в глубокую депрессию.

На втором месте - писатели. Дом писателей, как известно, давно сторел, поэтому никаких портретов в местах своей временной дислокации члены правления, видимо, просто не успели развесить, однако не так давно мне все-таки довелось побывать на собрании: зашла за справочником и новым удостоверением. Вот это настоящий паноптикум, словами не передать! Один похожий на огромный шар жутик сколотил группу сторонников и выдвинул себя на должность председателя Союза. Из его речи я поняла, что он бывший военный, побывал в Афганистане и консультировал режиссера "Девятой роты", однако тот внял далеко не всем его советам, иначе бы зрители увидели еще более впечатляющее и правдивое кино. Но это все детали. Самое главное, что, избрав для себя столь тернистый путь общественного деятеля, он зачем-то стал членом партии "Яблоко" и "Мемориала", то есть даже не догадался вступить в "Единую Россию". К сожалению, я так и не дождалась итогов голосования, но, если присутствовавшие там все же выбрали именно его, то, боюсь, уже в следующем году мне придется платить чуть более скромную сумму взносов, поскольку одним творческим союзом в нашем городе, скорее всего, станет меньше. Ну, и ладно. Во всем есть свои положительные моменты. Придя домой, я даже из любопытства заглянула в интернет. Оказалось, что этот хроник, прежде чем посвятить себя литературе, действительно служил замполитом в Афганистане, где "был контужен и получил два тепловых удара" - именно так сказано в его автобиографии. И если это правда, тогда все понятно: этот факт многое объясняет. Хорошо, кстати, что я сразу навела справки, поскольку к настоящему моменту его фамилия окончательно вылетела у меня из головы и мне почему-то никак не удается ее вспомнить.

Размышляя над тем, для чего я плачу пусть и небольшие, но все равно далеко не лишние бабки не совсем понятно кому и за что, тогда как на них можно было бы просто сходить в кафе - все приятнее, чем смотреть на заплывшие жиром физиономии секретарш, машинисток и прочих служительниц муз низшего звена, - так вот, анализируя свое поведение, я вынуждена признать, что, очевидно, нахожусь под воздействием элементарного страха перед неопределенностью в будущем, который абсолютно невозможно более-менее рационально объяснить. Меня всегда пугала судьба Пшибышевского, который в свое время пользовался просто бешеной популярностью, а закончил свои дни учителем в гимназии, что по-своему даже хуже, чем очутиться в доме престарелых. Не говоря уже об умерших в нищете Вилье-де-Лиль-Адане или же Барбе Д'Оревиля. Эти факты, вероятно, засели где-то глубоко в моем подсознании и заставляют

меня совершать абсолютно иррациональные и необдуманные поступки. Хотя умом я, вроде, и понимаю, что все эти тщательно собранные мной удостоверения вряд ли мне когда-либо помогут и уж точно ничего не гарантируют.

Зашла в книжный магазин купить папку для дисков. Пришлось идти мимо стенда с разноцветными обложками, и почти на всех - названия типа "1000 способов соблазнить мужчину"; причем довольно свежие, по-моему, издания. И после этого кто-то еще говорит, что авангардное искусство повторяется и устарело. Но ведь у этих издателей, казалось бы, просто обязана присутствовать новаторская мысль, иначе ведь и разориться можно. Даже не знаю теперь, на кого равняться. Похоже, в этом мире уже совсем никаких ценностей и примеров для подражания не осталось.

простейшее из искусств

Как бы я ни относилась к литературным критикам, но эти люди хотя бы читают книги. А про кино писать как-то уж совсем неприлично: перед глазами сразу возникает образ валяющегося на диване человека в расслабленной позе. Само по себе приятно, конечно. Но все чересчур приятное и легкое со стороны выглядит не очень эстетично.

И потом: даже самый гениальный режиссер редко когда дотягивает до уровня более-менее продвинутого писателя. Это уже специфика жанра. Режиссеру приходится организовывать всех этих дебильных актеров, костюмеров, операторов, и если он будет уж слишком гением, то есть сильно от них отличаться, то они вообще друг друга не поймут, и тогда никакого «кина» не будет. По этой же причине, я заметила, среди архитекторов и вовсе чаще, чем в других видах искусства, можно встретить уж совсем откровенных дегенератов, так как им приходится иметь дело даже не с актерами, а строительными рабочими и прорабами.

У скульптора должны быть сильные руки, а у архитектора - практичный ум, доходчивый лексикон и желательна еще физиономия кирпичного цвета. Иначе с рабочими и поставщиками стройматериалов ему будет сложно найти общий язык, а это вообще чревато тем, что построенное им здание рухнет кому-нибудь на голову.

Гении, увы, встречаются только в простейшем из искусств - литературе. Тоже не так часто, конечно. Но это, как с рыбой: в других местах этот редкий вид вообще не водится, так что там и ловить нечего.

Было время, когда многие даже гордились тем, что никогда обо мне не слышали, но в какой-то момент это стало неприличным. Где, интересно, находится тонкая грань, отделяющая первое от второго, и, самое главное, кто ее прочертил?

Сегодня около десяти утра, а для воскресенья это все-таки рановато, настойчиво зазвонил домофон. Я проснулась, подошла к двери, сняла трубку и услышала блеющий глас вопиющего в пустыне: «Послушайте, можно вас побеспокоить, в этом мире так много проблем, вот интересно, как с ними справиться?» «Не знаю», - ответила я и повесила трубку, из которой даже на расстоянии до меня донеслось пронзительное «Что-о-о-о?» И тут только до меня дошло, что нечто подобное со мной уже когда-то было, правда, не в

реальности, а в одном из моих же сочинений. Не совпадают только некоторые детали: в сконструированной мной ситуации меня пришла поучать какая-то баба, а тут, хотя и с тонким блеющим голоском, но мужик обратился с вопросом, риторическим, надо полагать. Все это лишний раз показывает, что между правдой и вымыслом в сущности нет никакой разницы, ибо неправдой является только то, чего не может быть никогда.

Ах да! Спасибо депутату от Единой России, который поставил в нашем подъезде домофон и оградил меня от реальности еще одной металлической дверью.

В этом мире не осталось никакой другой религии, кроме поклонения красоте. Поэтому люди, чьи эстетические предпочтения не совпадают с вашими, молятся совсем другим богам. Не верьте тем, кто пытается вас убедить, будто «все это неважно» и «о вкусах не спорят». Давно пора учредить инквизицию и сжигать неверных на костре.

Самая гениальная стратегия - ничто по сравнению с пониманием человеческой души. Выставлявший заградотряды Сталин был, безусловно, более глубоким психологом, чем Наполеон, который закончил свои дни на острове Св. Елены.

«Кто не работает, тот не ест», «Птицы небесные не сеют, не жнут и сыты бывают» – постигший смысл этого противоречия, присутствующего в одной из ключевых книг современной цивилизации, безусловно, может считать себя познавшим конечную истину бытия.

В последнее время совсем перестала воспринимать человеческие лица. Могу спокойно смотреть только на голливудских звезд и фотомоделей. Может быть потому, что в них почти не осталось ничего человеческого, отчего их даже нельзя назвать красивыми или уродливыми. Отечественные актеры все похожи на соседей по лестничной площадке.

из интервью

- Можно ли быть писателем, не являясь при этом гением?
- Вряд ли. Уже само слово «писатель» кажется обывателям чересчур претенциозным, так что это фактически синонимы.
- Кого вы имеете в виду под обывателями?
 - Читателей, например. Все читатели являются обывателями.
 - И чем гении отличаются от обывателей?
 - Примерно тем же, чем политики – от избирателей.

В связи со смертью Махариши где-то прозвучало, что участники группы «Битлз» называли своего бывшего наставника мошенником. Не сразу, естественно, а по прошествии многих лет. А кем, интересно, он должен был оказаться на самом деле? Гуру? Или, может быть, йогом?

Но, черт возьми, с таким же успехом можно было бы назвать мошенниками и всех тех, кто, прилепив себе ватную бороду, изображает Санта-Клауса. Правда, для этого необходимо до преклонных лет сохранить столь же целомудренную веру в чудеса, как у членов этого популярного ВИА. Сами они, похоже, не были даже мошенниками. И это грустно.

мораль разъедает культуру подобно ржавчине

Мораль разъедает культуру подобно ржавчине. В недавнем прошлом хотя бы существовал Союз писателей, который был чем-то вроде лепрозория, где носители этого вируса изолировались от остальных, а сейчас... Сейчас эта опасная болезнь приняла характер эпидемии. Впрочем, все это - не более, чем метафоры. Тем не менее надо быть очень осторожным. Стоит обратить самое серьезное внимание на то, как «добро» проникает в культуру. Его носителями могут быть не только отдельные личности, но и порождаемые ими идеи и слова. Последние особенно опасны, так как люди все-таки куда менее мобильны.

Возьмем такое понятие, как *симулякр*, получившее в последнее время достаточно широкое хождение в культурной среде. Самым ярким примером, иллюстрирующим этот термин, является несостоявшийся полет американских астронавтов на Луну. Все действие, как известно, было заснято в павильонах Голливуда, и не кем-нибудь, а Стенли Кубриком. Ну и что? К чему этот разоблачительный пафос, который мое ухо явственно улавливает в слове «симулякр» в применении к этой ситуации? Если бы американцы реально совершили столь дорогостоящее космическое путешествие, то лично я была бы сильно разочарована в их умственных способностях. Надеюсь все же, что они никуда не летали. Ибо зачем? Когда можно проверить не менее впечатляющую авантюру со значительно меньшими затратами, да еще с помощью такого выдающегося режиссера? Но именно в этом и заключается главный обличительный смысл слова «симулякр»: оно означает, если не ошибаюсь, некий представленный на всеобщее обозрение знак, за которым абсолютно ничего не стоит, никакого содержания. То есть все смотрят новости и видят, как астронавты, слегка подпрыгивая, передвигаются по лунной поверхности, а те никуда и не думали летать. И это, надо полагать, очень-очень нехорошо... Вот так незаметно «добро» и вся эта ползучая мораль и проникают в сознание современного человека. И после этого кто-то еще удивляется, что средняя продолжительность жизни писателя в наши дни приближается к нулю, так как большинство из них умирают, даже не родившись на свет, в зачаточном состоянии, можно сказать, - заразившись смертельным вирусом добра, никаких прививок против которого не существует.

Кроме того, яростные моралисты, озабоченные несостоявшейся космической одиссеей, отсутствием голоса у поп-звезд и прочей чепухой, почему-то обращают всю свою энергию исключительно на сильных мира сего, начисто забывая о тех, кто нуждается в их сострадании. Уж если ты считаешь себя таким нравственным, то будь хотя бы последовательным: люби добро во всех его проявлениях, неси его людям и помогай ближним. Надо ведь очень сильно постараться, чтобы не заметить, что личностей, подобных «знакам, лишенным содержания», в этом мире, в сущности, не так уж и много. Особенно в сравнении с теми, кто целыми днями работает, что-то создает, сочиняет, творит, изобретает, однако практически никто из окружающих не догадывается об их героическом самоотверженном труде, а возможно, и вообще об их существовании. А есть еще и обладатели замечательных голосов, у которых нет абсолютно никаких шансов попасть на экраны телевизоров. Разве эти люди не подобны прекрасным возвышенным книгам, обреченным вечно пылиться в хранилищах библиотеки, причем не потому, что они никому не нужны, а просто потому, что кто-то нечаянно забыл завести на них

библиотечную карточку?! Вот пример означаемого, лишнего означаемого; чистого содержания без какого-либо знака, на него указывающего. При одной мысли об этом на глаза высоко нравственного человека должны наворачиваться слезы. И где же они, эти слезы? Для таких несчастных, кажется, до сих пор никто даже не придумал специального слова. И как их тогда называть? Антисимулякрами? Что-то я такого не слышала.

Мораль не только губительна для художника, но и однобока. И какой тогда с нее прок?

А теперь представим себе, что обитатели какого-нибудь неизвестного человечеству острова соорудили у себя летательный аппарат и совершили на нем перелет на Луну и обратно. По телевизору, по понятным причинам, об этом событии никто не говорил. Потом их остров наконец открыли. Островитяне, само собой, пытаются поведать человечеству о своем выдающемся полете, но им никто не верит. Насколько им должно быть обидно! А тут еще Кубрик и Америка со своей инсценировкой. Но пусть даже и не было никакого острова, достаточно того, что в Советском Союзе в это время рабочие как угорелые носились в замазанных спецовках по цехам с гаечными ключами в зубах и что-то там лихорадочно подкручивали в почти готовой к отправке на Луну ракете. И так вдруг все обломились!

Поэтому, если Кубрик действительно нечто подобное снял, то он гений. Выдающийся сын своего народа. Я так считаю.

По идее, с годами человек должен набираться опыта и приближаться к истине. Поэтому очень трудно понять тех, кто на старости лет зачем-то отправляется в монастырь, как это сделал Константин Леонтьев, например. Какое отношение к истине имеет его поступок? После того как верующие прокололись с Коперником, религию вообще стало невозможно воспринимать всерьез. Напрашивается предположение, что Леонтьев элементарно впал в маразм. Однако он умер не очень уж и старым, так что вряд ли. В монастыре еще часто находят себе убежище личности, которым негде жить, но к Леонтьеву это тоже, вроде, не относится. Можно, вероятно, было бы сказать, что Константин Леонтьев стал жертвой религиозной пропаганды, но тогда он уж совсем уподобился бы тем, кто сто лет спустя отправлялся покорять целину. Поэтому в данном случае, думаю, следует говорить о воздействии литературы. Возможно, ему казалось, что, вырядившись в рясу, он с временной дистанции будет выглядеть очень эффектно и романтично, так как черный цвет ему всегда был к лицу. Это похоже на правду, но все равно немного странно.

почему я не авангардистка

Не думаю, что авангардизм устарел, возможно, он даже вечен, но я себя с ним не отождествляю.

Во-первых, истинный эстет должен стремиться не к новизне, а к совершенству.

Во-вторых, авангардисты стараются эпатировать толпу, чтобы привлечь к себе внимание. Русские футуристы, насколько я помню, наряжались в желтые кофты. Именно с них, думаю, авангардизм и начался, а точнее, с их «желтых кофт» - можно, вероятно, и так сказать. Однако мне гораздо ближе и понятней их предшественники-декаденты, которые, если и пугали окружающих, то исключительно для того, чтобы те оставили их в покое и позволили беспрепятственно удалиться в свою башню из слоновой кости. Эпатировать и пугать – немного разные вещи.

Не ждите Мессию, этот добрый дядя не придет. Я раскрою вам последнюю истину бытия, и на этом ваша жалкая история закончится!

В бассейне обратила внимание на то, как плавают разные люди. Очень мало тех, кто действительно умеет плавать, а еще меньше тех, кто делает это красиво. Зато таких, которым очень хочется продемонстрировать, что они фигачат по-настоящему, довольно много. Вероятно, они видели по телевизору, как спортсмены на соревнованиях эффектно рассекают воду, поднимая вокруг небольшие изящные брызги. И вот человек бросается в бассейн и, лихорадочно выбрасывая руки вперед и вверх, пытается изобразить то кроль, а то даже и баттерфляй-дельфин. Такие личности, как правило, поднимают вокруг себя настоящие волны, из-за чего бассейн почти выходит из берегов. Справедливости ради надо сказать, что некоторым кое-что иногда удается и это указывает на наличие у них определенного чувства меры и способности к имитации. Однако, если приглядеться, часто можно заметить, как они идут ногами по дну и изображают все исключительно руками. Но это детали.

Важно, что учиться в данном случае следовало бы не у профессионалов, а у рыб и прочих водоплавающих. Тогда успехи были бы более зримыми. Во время пения, например, человек изначально равнялся на птиц, а в литературе - даже не знаю... Я обычно мысленно выбираю себе какого-нибудь кисуника - в зависимости от настроения. В любом случае, эта тяга к подражанию лишней раз свидетельствует о том, что люди произошли от обезьян. На этой предпосылке и должна строиться подлинная эстетика третьего тысячелетия, а не так, как было у символистов, пытавшихся отыскать в искусстве нечто божественное. Забавно, что в их теориях художник в творческом акте как бы повторяет Бога, якобы создавшего этот мир. То есть там тоже все основывается на подражании, правда, вымышленному существу. А такой образец, безусловно, даже хуже, чем спортсмены из телевизора, ибо следование ему ведет в никуда.

весна

С наступлением тепла на улицах появилось больше грязи и уродов. Под снегом и одеждой все выглядело как-то поприличней.

Все-таки интернет вреден не только для неокрепшей детской психики, но еще и крайне негативно влияет на способность внятно излагать свои мысли на письме. Известно, что тот, кто постоянно прибегает к помощи калькулятора, со временем начинает испытывать проблемы при совершении элементарных арифметических действий. Так и человек, привыкший ставить линки к туманным словам и выражениям типа: вот это, там, тут, взявшись за перо, рискует уподобиться глухонемому, изъясняющемуся при помощи жестов и мычания. Научные статьи и диссертации обычно тоже почти целиком состоят из отсылок к различным авторитетам и специалистам. По этой причине, думаю, из ученых так редко и получают хорошие писатели.

Справедливости ради надо сказать, что гиперссылки в литературе в той или иной форме существовали всегда. И самое печальное, что далеко не все, кто ими пользовался, осознавали, какую опасность они в себе таят. Последствия же могут быть самыми непредсказуемыми. Никогда ведь до конца не известно, к кому может перейти ресурс, на который ты ссылаешься, и, самое главное, нет никакой гарантии, что там не изменится контент. По этой причине сегодня уже совершенно невозможно понять, что означает название романа «Бесы», да и сам роман практически полностью теряется во мраке. К чему это? Для чего написано? О чем? Естественно, что и автор исчезает вместе со своим произведением. А ведь он, вероятно, рассчитывал на большее.

Говорят, физики, занимающиеся изучением элементарных частиц, уже давно поняли, что, вторгаясь в столь хрупкий и нестабильный мир, следует учитывать искажение, которое вносят в него их инструменты исследования. А вот в гуманитарных областях, где культурологи, искусствоведы и критики вроде бы имеют дело с не менее эфемерными и ускользающими смыслами, о подобных «искажениях» почему-то никто не задумывается.

Если бы у меня как у члена Союза кинематографистов не было возможности посещать Дом кино бесплатно, мое восприятие многих фильмов, скорее всего, было бы куда менее благодушным. Ибо главная цель современного искусства заключается в том, чтобы опустить его потребителей на бабки.

А не заплатив за билет, ты из потенциальной жертвы превращаешься в стороннюю наблюдательницу, которая может позволить себе быть чуточку снисходительнее. То же самое, кстати, можно сказать и о литературных критиках, получающих книги для прочтения непосредственно от издателей.

Никогда не стоит забывать, что критик, высказывающий свое мнение о произведениях искусства, – это человек, не заплативший за входной билет или книгу. Большинство суждений об искусстве должно быть серьезно подкорректировано.

Порой, правда, приходится сталкиваться с искажениями, существенно отклоняющимися от среднестатистических. Так, я заметила, что многие критики, высказывающие вполне здравые суждения об иностранных книгах и фильмах, вдруг начинают выдавать какие-то совершенно дикие и невероятные оценки, как только речь заходит о произведениях отечественных авторов. Подобные явления в строгой науке принято считать аномальными: в некоторых районах земной поверхности с повышенной магнитной активностью показания приборов и счетчиков тоже часто зашкаливают. Однако границы этих областей, как правило, достаточно хорошо известны, поэтому тут просто должны действовать специальные коэффициенты.

Разница между органической и неорганической природой сильно преувеличена, более того, она постепенно стирается. Сегодня многие уже любят свою машину ничуть не меньше, чем крестьяне – коня, и относятся к ней практически, как к живой. Поздравления, рассылаемые роботами от лица операторов мобильной связи, тоже, по сути, ничем не отличаются от аналогичных посланий друзей и родственников, а в перспективе общение с компьютером, умеющим распознавать человеческий голос, и вовсе будет способно приносить людям удовлетворение, вполне сопоставимое с тем, какое они сейчас получают от контакта друг с другом. Кроме того, диалог с роботом не вызывает сомнений в искренности или же способности собеседника глубоко вникать в сказанное, то есть не отягощен лишними иллюзиями и, в определенном смысле, является более реальным. И, наконец, ежедневное созерцание на экране монитора виртуальных образов давно умерших или даже никогда не существовавших личностей наглядно демонстрирует современному человеку все преимущества искусственных носителей для его собственного «я».

Таким образом, продвигаясь в этом направлении, люди со временем неизбежно должны прийти к окончательному неразличению «живого» и «мертвого». А это, в свою очередь, будет означать, что человечество достигло состояния постиндустриальной коллективной нирваны.

о порнографии

Порнография в прямом смысле этого слова, пожалуй, наиболее безобидна. Гораздо хуже, когда кто-нибудь с чрезмерной жадностью глотает пищу. Суть та же, а зрелище куда менее заразительное, так что и запрещать не надо. То же самое – когда слишком откровенно говорят вслух о своих вкусах, интеллектуальных предпочтениях или же религиозных убеждениях. Вообще, одеться и хоть как-то прикрыть свои чувства и мысли гораздо труднее, чем многие думают. Причем, это такой дефект, такая неспособность или даже такая болезнь, которые совсем не вызывают сочувствия.

Что касается традиционной порнографии, то ни в чем так не проявляется косность и инертность мышления современных коммунистов, как в их солидаризации с призывами запретить или же максимально ограничить ее распространение. Не стоит забывать, что это во времена родоначальников марксизма, идеалам которых они, видимо, следуют, книги и журналы были привилегией более-менее состоятельных граждан, а в наши дни подобные запреты коснутся исключительно малоимущих. Ведь стоит убрать чересчур откровенные обложки и плакаты с витрин, как бездомные лишатся едва ли не единственной радости в жизни: видеть то, что им практически недоступно ни в каком другом качестве. И это не может не огорчать.

Не так давно случайно наблюдала в новостях, как губернатор одной из западных российских провинций предлагал местному парламенту запретить распространение эротических журналов через газетные киоски. Вот его как раз понять можно. Для этого достаточно было взглянуть на его лицо, которое с трудом влезало в экран телевизора. А коммунисты просто не ведают, что творят. Несчастные!

Так и не поняла до сих пор, почему практически все философы, которых я когда-либо встречала, отличались какой-то нечеловеческой, просто чудовищной, тупостью. Может быть, их мозг перегружен решением вселенских проблем и поэтому не в состоянии нормально развиваться?

А с другой стороны, грузчики, например, наоборот, бывают неплохо физически развиты. Парадокс, короче.

Ничто так не утешает, как человеческая глупость.

Интересно, кого все-таки в этом мире больше: друзей Бродского или же учеников Лотмана? Помню, много лет тому назад, встретившись с энным по счету другом Бродского, я вдруг поймала себя на мысли, что уже, вероятно, никогда не смогу заставить себя открыть книгу этого поэта. И дело даже не в том, что его очередной друг оказался таким уж патологическим мудаком, хотя, скорее всего, он именно им и был, а просто иметь такое количество друзей – это как-то даже неприлично, причем не только поэту, а даже самому жизнерадостному и общительному обывателю.

Что касается учеников Лотмана, то тут дело не только в их количестве, хотя и оно слегка зашкаливает. В конце концов, университетские аудитории вмещают в себя достаточно много мест. Однако все ученики Лотмана, которых я когда-либо видела, были отмечены печатью какого-то в высшей степени специфического и уникального идиотизма. Поневоле начинаешь думать, что именно эта черта была главной и в личности их учителя.

Сколько раз, когда что-либо особенно близкое и дорогое мне входило в моду, у меня было ощущение, будто меня обокрали. И в самом деле, это не так легко пережить. Тем не менее модная вещь, действительно, больше не принадлежит отдельному человеку, а как бы переходит в общественное достояние. Поэтому по-настоящему одеться - в прямом и переносном смысле - может только тот, кто одевается по моде. Все остальные слишком обнажены, так как не способны спрятать от посторонних глаз свои индивидуальные пристрастия, социальное положение и уровень доходов. И, между прочим, если кто-то не в состоянии скрыть свой ум, это тоже выглядит крайне неприлично. Иногда, правда, все это смотрится довольно трогательно.

В новостях промелькнула информация, что по результатам какого-то там очередного опроса американцы были названы самой невоспитанной нацией. В связи с чем я вспомнила, как мои знакомые, посетив далеко не самый дешевый ресторан в Нью-Йорке, получили порцию мяса без ножей и по бутылке пива без стаканов. А после того, как они попросили стаканы и ножи, официант не мог скрыть своего совершенно искреннего изумления. Так вот, на мой взгляд, этот случай как раз ясно показывает, что в Америке уже давно существует своя самобытная культура, и возмущаться или иронизировать по ее поводу – это все равно, что недоумевать, почему на Востоке принято сидеть на полу и есть палочками. А в каком-то смысле, и хуже. Гораздо хуже!

То же самое можно сказать и о литературе. Некоторые книги, которые многим людям, считающим себя чрезвычайно начитанными и утонченными, кажутся совсем грубыми и простыми, в действительности далеко не так просты.

В последнее время мне довольно много приходится работать. Работать и отказывать себе буквально во всем. Порой я сама себе начинаю напоминать какого-то безумного фанатичного аскета. Проблема только в том, что я не вижу никаких перспектив для подобного рода существования, поскольку не рассчитываю угодить в рай, в который просто не верю. Хотя слово «верю» тут не очень подходит. Правильнее было бы сказать: я очень надеюсь, что никакого рая нет. Так как нисколько не сомневаюсь, что если бы загробный мир существовал, то он был бы устроен столь же просто, как и посюсторонний. А это значит, что кюре, отказавшийся отпевать Селина, обязательно должен получить поощрение от начальника, только на сей раз сидящего на небесах. Все, конечно, может быть. Однако будем надеяться, что никакого рая нет.

Прочитала тут, что энтузиастам, борющимся за объединение христианских церквей, до сих пор приходится сталкиваться с какими-то невероятными сложностями. Интересно, с какими проблемами им приходится иметь дело? Со стороны никаких препятствий, вроде, не наблюдается. Все церкви и религии давно смешались в однообразную серую массу, так что с этой точки зрения их окончательное слияние вполне можно назвать уже свершившимся фактом. Может быть, не удастся утрясти какие-то формальности?

А стержень для подобного объединения у религий был всегда. Главное - это полное отсутствие какой-либо тайны и мистики. Ну, и еще безграничная простота. Ведь если вдуматься, что обычно должен делать верующий? Ходить в церковь, кланяться, водить рукой ото лба к пупку и от одного плеча к другому, не употреблять в пищу определенного набора продуктов в какие-то периоды времени. Он может также приобрести себе билет до какого-нибудь отдаленного населенного пункта, слетать туда, походить там кругами,

поднять с земли камень и бросить его в столб, олицетворяющий мировое зло... Однако в этих действиях нет абсолютно ничего такого, чего не мог бы сделать практически любой человек. Более того, многое из перечисленного мною вполне может совершать и робот, которому достаточно загрузить в память перечень продуктов, обладающих некоторым набором признаков, к каковым он не должен прикасаться в течение определенных промежутков времени, или же запрограммировать его на хождение кругами. У меня сейчас дома висит электрический счетчик, который сам переключается на подсчет затраченных мной киловатт днем и в ночные часы; при этом он способен даже подстроиться под переходы на летнее и зимнее время, а ведь в него вмонтировано всего лишь элементарное реле, а не современный компьютер. Тем не менее, несмотря на очевидную, доступную и несложному механизму простоту осуществленных им действий и манипуляций, любой человек, вернувшийся из Вифлеема или же Мекки, почему-то считает себя приблизившимся или даже прикоснувшимся чуть ли не к разгадке всех тайн бытия. Мало того, он начинает испытывать что-то вроде чувства превосходства над окружающими, включая тех, кто реально способен сделать нечто не совсем обычное и непонятное многим людям, в том числе сочинить программу для робота, заставляющую его ходить кругами и собирать с земли камни. Вот эта запредельная простота и пренебрежение практически всем, что способно хоть немного тронуть воображение любого нормального человека, меня больше всего и поражает в религиозных людях. Я специально заостряю внимание именно на поступках и действиях, а не на словах, так как произнести фразу «я верю в бога» или же «я люблю бога» даже проще, чем поднять с земли камень - для этого и нагибаться не надо.

Между тем известно, что даже такой одиозный атеист, как Сталин, прежде чем предпринять карательные меры против Мандельштама, считал своим долгом поинтересоваться у людей, которых он считал посвященными в тонкости литературного ремесла, является тот мастером или же нет. То есть Сталин был совсем не чужд определенной мистики по отношению к способности того или иного человека создать нечто не совсем ординарное и близкое к совершенству. А именно такую способность и называют обычно мастерством. Я не слишком высокого мнения о сверхъестественных свойствах поэзии. Но и я понимаю, что написать стихотворение, вызывающее восхищение пусть и не у тебя самого, а у кого-то другого, тем более, кое-что знающего и посвященного, несоизмеримо сложнее, чем несколько раз обойти вокруг столба и потом запустить в него камнем. Хоть небольшая, но какая-то тайна или загадка в таком стихотворении присутствует. Однако у религиозных людей, в отличие от того же Сталина, подобное мистическое чувство по отношению к личностям, способным создать нечто такое, что невозможно разложить на последовательность банальных телодвижений и перемещений в пространстве, отсутствует начисто. Поэтому они с такой бесцеремонностью и вторгаются практически во все сферы, включая те, где заведомо ничего не смыслят, и им абсолютно все равно, кого поучать и наставлять «на путь истинный», кого они перед собой видят: известного политика, художника, программиста, генетика, астронома или даже нобелевского лауреата по физике.

И я почти не сомневаюсь, что, если человек не испытывает ни малейшего трепета или хотя бы удивления, когда видит перед собой что-нибудь высшее и недоступное его пониманию, то причины подобной «слепоты» следует искать в его религиозности, причем совсем не обязательно в традиционном понимании этого слова. Такой человек может прыгать ночью по комнате на одной ноге, совершая вращение вокруг своей оси, и регулярно совершаемые им несложные телодвижения, о которых окружающие могут даже не догадываться, способны укреплять его мнение о себе ничуть не меньше, чем посещения храмов и многочасовые бдения на коленях или в позе лотоса.

Обратила сегодня внимание в «Перекрестке» на обилие товаров, без которых спокойно можно было бы обойтись. Если посмотреть хотя бы на напитки – думаю, вполне хватило бы воды, молока, спиртного, соков, ну еще там пива. Но есть ведь еще Доктор Пеппер, Кола, Пепси, Спрайт, Севен Ап и еще черт знает что. Не могу сказать, что все перечисленное вредно или же полностью лишено вкусовых достоинств. Дело не в этом. Меня смущает то, что все эти товары гораздо больше нужны тем, кто их производит, чем потребителям, которые вполне могли бы прожить и без них. А то, что их все-таки покупают, обусловлено исключительно раскруткой и вложением в рекламу со стороны все тех же производителей. То есть спрос в данном случае вовсе не рождает предложение, а, наоборот, предложение определяет спрос, поскольку само его и формирует.

Забавно, что мозги современного человека забиты всякими ненужными или необязательными словами и понятиями ничуть не меньше, чем полки современного магазина - товарами. И у меня такое чувство, что больше всего в их захламлении поучаствовала философия. Очевидно, что «классовая борьба» гораздо больше нужна коммунистам, чем народу, точно так же, как и «бессознательное» необходимо прежде всего психоаналитикам, а не их пациентам. А уж об огромном количестве всевозможных терминов, понятий и категорий, порожденных философами для решения своих узкоспециальных и карьерных задач, и говорить нечего. Между тем многое из этого все равно попадает в широкий обиход. Стоит ли тогда среднестатистическому индивидууму тратить свое время на постижение смысла «деконструкции» или же «дискурса»? Мне почему-то кажется, что он вполне мог бы прожить и без них - как без «Спрайта» и «Сэвэн Апа».

Уже почти год я встречаю в окрестностях Невского старушку. Вся обвешана огромными полиэтиленовыми пакетами, в платке и одежде, состоящей из нескольких слоев всякого тряпья. Похоже, она постоянно таскает на себе всю свою утварь вне зависимости от времени года и погодных условий. Маленькая, сгорбленная, еле передвигается. Я натываюсь на нее в разных точках, по диаметру от Невского, а точнее, той его части, что ближе к Московскому вокзалу, иногда по несколько раз в день. Не человек, а улитка, несущая на себе свой домик. От обычных бомжей она отличается тем, что похожа не на алкоголичку, а скорее даже на интеллигентку, с огромным крючковатым носом, темными с проседью волосами и лицом, поросшим редкой щетиной. Иначе бы я вообще не обратила на нее внимания. После того как мамаша сообщила мне, что по линии деда у меня в роду были английские бароны Эйсмонды, один из которых играл на скрипке в Большом театре, я почему-то мысленно стала называть ее для себя баронессой: «баронессой фон Эйсмонд». Это имя, мне кажется, ей очень подходит. Сегодня я наконец-то дала ей пирожок.

так когда-то говорил Заратустра

Способность воспринимать прекрасное имеет так много общего со способностью понимать юмор, что порой кажется, будто человек, наделенный от природы одной из них, может вполне обойтись без другой. Но это не так. Любители трэша подобны блуждающим в темноте, в которую они погрузились в результате внезапно ослепившей их молнии и в поисках которой они теперь направляют свои стопы. Им кажется, что темнота вот-вот рассеется и они снова увидят спасительный свет. Но тьма уже никогда не исчезнет, так как она поселилась внутри них. Этот свет не ищут – он сам приходит к вам в дом. И только промелькнувшее в кадре хроники лицо Глазунова, присутствующего на концерте

Петросяна, позволяет отдельным счастливым, случайно забывшим выключить телевизор, по-настоящему приобщиться к таинству мировой гармонии. Если же теперь хотя бы мысленно представить себе Петросяна на выставке Глазунова, то это зрелище, вместе с только что погасшим на экране кадром, своей магической зеркальной симметрией способно пробудить в душе простого смертного по-настоящему священный ужас.

Ибо что это, как не случайно сложившиеся в одно осколки древней амфоры, некогда называвшиеся высокопарным словом «символ»? И это, действительно, он: символ абсолютной неполноты - красоты, начисто лишенной какого бы то ни было веселья, и веселья, лишенного малейших проблесков красоты. Взаимное притяжение этих случайных образов настолько велико, что их уже практически невозможно представить друг без друга. Кажется, они должны вот-вот соединиться, образовав некогда распавшийся на два черепка сосуд, являющийся на самом деле таинственным яйцом, из которого легкой волшебной походкой и выходит в этот мир Сверхчеловек.